

СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ
65-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Н. Н. ЛУЗАН

ВОЕННАЯ
КОНТРАЗВЕДКА:
ТАЙНАЯ ВОЙНА

КУЧКОВО ПОЛЕ
2010

УДК 94
ББК 63.3(2)7-4
Л82

Президиум Союза ветеранов госбезопасности выражает благодарность за активное участие в выпуске данного издания:

Антипину А. Д., Атласовой Е. С., Бучумову В. П., Гарамзину А. Д.,
Грасвскому О. С., Графову П. В., Днепровскому Е. Г., Егорову Б. А.,
Ершову В. Н., Касьяну С. П., Колотенко В. Д., Ларикову А. Т.,
Логинову В. Ю., Мелкумяну А. Ю., Мельнику Е. Н., Мещерякову И. В.,
Минкину М. А., Никишину Г. П., Нумерову О. Н., Петрову О. Ю.,
Пиальгуну А. И., Пископелю Р. Ф., Полякову Ю. М., Сазонову Ю. А.,
Сасс И. Г., Серее С. В., Смирнову В. А., Трафимовичу М. Л., Френкелю Б. Е.

Лузан Н. Н. (Абин Н.)

Л82 Военная контрразведка: тайная война. — М.: Кучково поле, 2010. — 352 с.

ISBN 978-5-9950-0067-9

В основу очерков и рассказов положены события крупных разведывательных и контрразведывательных операций, проводившихся сотрудниками особых отделов ВЧК, Смерша и Департамента военной контрразведки Федеральной службы безопасности России в прошлом веке и первом десятилетии XXI в.

Содержание книги представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 94
ББК 63.3(2)7-4

ISBN 978-5-9950-0067-9

© Лузан Н. Н. (Абин Н.), 2010
© Кучково поле, 2010

Военная контрразведка. Вчера и сегодня

Современного читателя трудно удивить занимательными историями из деятельности разведки и контрразведки. В последние годы на эту тему вышло значительное количество специальной и художественной литературы. В ней раскрыты многие ранее неизвестные страницы из работы отечественных органов безопасности. И тем не менее новая книга очерков и рассказов Николая Лузана (литературный псевдоним Абин) займет среди них достойное место. Она привлечет внимание не только профессионалов, но и массового читателя. Автором предпринята достойная похвалы попытка в увлекательной, художественной форме, опираясь на документальную основу, совершить экскурс в историю отечественной военной контрразведки.

Несмотря на то что избранная форма повествования предполагает определенную долю авторского вымысла, основная сюжетная линия, а также фабула операций описаны точно и профессионально. Тридцать лет, отданных Николаем Николаевичем военной контрразведке, из которых двадцать один год он руководил дивизионным отделом, позволяют ему со знанием дела рассказать широкому читателю о работе и жизни своих коллег.

В основу очерков и рассказов положен ряд крупных разведывательных и контрразведывательных операций, проводившихся сотрудниками особых отделов, Смершем и нашими современниками из Департамента военной контрразведки Федеральной службы безопасности (ДВКР ФСБ) России. Книгу открывает очерк «Особый отдел начинает и выигрывает».

В нем описана одна из первых и наиболее крупных по своим масштабам и результатам операция отечественных спецслужб.

Время и место действия — 1920 год, Западный фронт. Красная армия на территории Белоруссии и Украины вела тяжелейшие бои с белополяками. В ее тылу действовала разветвленная нелегальная разведывательно-подрывная сеть польской военной разведки «Польская организация войсковая» (ПОВ). Своими щупальцами она дотянулась до Москвы и Петрограда. Отдельным ее агентам удалось проникнуть на важные посты в органы власти.

Под руководством особоуполномоченного Особого отдела ВЧК, в будущем видного деятеля советской разведки А. Артузова (Фраучи) контрразведчики не только сорвали покушение агентов-боевиков польских спецслужб на командующего Западным фронтом М. Тухачевского, но и осуществили сложную, многоходовую операцию. Начало ей положил захват кадрового сотрудника, резидента военной разведки И. Добржинского (Сосновского). В ходе допросов Артузов нашел путь к его душе. Игнатий Сосновский, под этой фамилией он вошел в историю отечественных органов безопасности, стал убежденным сторонником советской власти.

Благодаря активной помощи Сосновского чекистам удалось пресечь враждебную деятельность агентурной сети 2-го отдела Генштаба Польши в Москве и Петрограде. Вскоре он был зачислен в кадровый состав ВЧК и уже сам занимался планированием и проведением специальных операций. Эти его заслуги были отмечены орденом Красного Знамени. Спустя 16 лет Сосновского постигла та же трагическая участь, что и его первого наставника, Артузова. В декабре 1936 года заместителя начальника УНКВД по Саратовскому краю комиссара госбезопасности 3 ранга Сосновского арестовали по ложному обвинению в шпионаже и 15 ноября 1937 года расстреляли. Спустя двадцать один год доброе имя Игнатия Игнатьевича было восстановлено.

Несомненный интерес как с точки зрения профессиональной работы военных контрразведчиков, так и самой не-

заурядной личности разоблаченного ими резидента японской разведки Каймадо представляет очерк «Прыжок самурая». Не многие контрразведки имели и имеют на своем счету арестованных японских агентов, не говоря уже о резидентах. Сотрудникам Особого отдела Забайкальского фронта это удалось. Они выявили действовавшую с середины двадцатых годов на территории Забайкалья, Дальнего Востока и в частях Красной армии мощную шпионскую сеть японской разведки. Руководил ею достойный противник и настоящий профессионал капитан Каймадо. Достаточно отметить то, что один из его агентов служил переводчиком в разведывательном отделе Забайкальского фронта

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для нашей родины, народа, армии и особистов (так в войсках называли сотрудников особых отделов).

19 апреля 1943 г. постановлением Совета народных комиссаров № 415-138сс Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР было выведено из состава Наркомата внутренних дел, преобразовано в самостоятельное Главное управление контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны (ГУКР Смерш НКО СССР) и подчинено лично И. Сталину.

«Смерть шпионам!» — под таким грозным названием военная контрразведка просуществовала чуть больше двух лет, но оставила заметный след в истории отечественных органов безопасности. За это время военными контрразведчиками было проведено 183 радиоигры, в результате которых на нашу территорию удалось вывести и захватить в плен свыше 400 кадровых сотрудников и агентов гитлеровских спецслужб. В ходе оперативно-разыскных мероприятий они разоблачили более 30 000 шпионов, свыше 6000 террористов, около 3500 диверсантов и привлекли к уголовной ответственности 80 000 военных преступников. Подобных результатов не добивалась ни одна из спецслужб мира.

В том невиданном по накалу и ожесточенности тайном противостоянии гитлеровским разведорганам — абверу и

«Цепелину» — не удалось завербовать или склонить к измене ни одного кадрового сотрудника Смерша, не говоря уже о том, чтобы проникнуть в руководящий состав советских спецслужб или крупный армейский штаб Красной армии. «Большое сито» военных контрразведчиков быстро отсеивало даже самых матерых шпионов и не позволило им получить серьезную разведывательную информацию о стратегических наступательных операциях советских войск.

В тот суровый для страны и народа час испытаний время выдвинуло на передний край борьбы с жестоким и опытным врагом именно эту силу — Смерш, надежно защитившую армию и флот от вражеских агентов, террористов и диверсантов. И не росчерк пера Сталина, а они, бывшие летчики, пограничники, артиллеристы, пехотинцы и моряки, военные и гражданские, мобилизованные войной в органы безопасности, своим беззаветным служением отечеству создали легендарную контрразведку Смерш.

Этот период в ее деятельности достаточно полно отражен в очерках «Несостоявшееся сватовство обер-лейтенанта Биттига», «По следу оборотня», «Две истории дневника полковника Бойе», «Капкан для «арийцев». Особое место среди них занимают два очерка: «Загадка Смерша» и «О нем доложили Сталину». В их основу положены операции «Загадка» и «ЗЮД».

Первая операция длилась почти два года. Санкционировал ее 27 июня 1943 года начальник ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумов. Завершилась она 7 апреля 1945 г. В ходе нее до высшего гитлеровского командования были доведены пять стратегических дезинформаций, оказавших определенное влияние на ход Курского и других сражений на Восточном фронте. Главный ее герой блестящий разведчик Виктор Бутырин (оперативный псевдоним Северов) «за успешное выполнение заданий» удостоивался личных благодарностей шефа Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрера СС Э. Кальтенбруннера.

Об эффективности его работы лучше всего свидетельствуют показания высокопоставленного сотрудника разведывательно-диверсионного органа служба безопасности СС «Цепелина» Александра Джона. 26 июня 1945 года на допросе у следователя Смерша он сообщил: «В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа (такое кодовое название в «Цепелине» получила группа В. Бутырина. — Ю. Н.). До июля 1944 года группа «Иосиф» давала довольно ценные сведения, которые докладывались шефу службы безопасности Кальтенбруннеру и не исключено что Гиммлеру».

Ошибался Джон только в одном: действительно, группа «Иосиф» работала блестяще, но на Иосифа Сталина.

Операция «ЗЮД» относится к началу войны. Даже в те тяжелейшие дни, когда наши войска вынуждены были отступать, особисты старались работать на упреждение. Старший лейтенант Петр Прядко (оперативный псевдоним Гальченко) стал одним из первых, кому удалось внедриться в разведывательно-диверсионный орган абвера — абвергруппу-102, действовавшую на участках Юго-Западного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов.

За 22 месяца работы Петр не только добыл данные на 18 официальных сотрудников, 101 агента и 33 фотографии из их личных дел, но и, проявив отчаянную смелость и смекалку, своими действиями парализовал на несколько недель деятельность всей абвергруппы-102. Для расследования ЧП в Краснодар, где в тот момент находилось это шпионское гнездо, прибыла специальная комиссия из центрального аппарата абвера. По его результатам начальника, капитана Гесса, и ряд преподавателей сняли с должностей, а весь набор курсантов-агентов отправили обратно в лагерь военнопленных.

После окончания Великой Отечественной войны, когда еще не затихло эхо победных салютов, на смену ей пришла другая война — «холодная». Изменились и условия ведения борьбы с разведками вероятного противника. В этой связи постанов-

лением Политбюро ЦК ВКП(б) ГУКР Смерш 4 мая 1946 г. было передано в Министерство госбезопасности (МГБ) СССР и преобразовано в самостоятельное 3-е Главное управление (военная контрразведка).

Первыми леденящее дыхание «холодной войны» почувствовали сотрудники спецслужб. С особым ожесточением тайное противоборство проходило на территории стран Восточной Европы: Венгрии, Польши, ГДР и Чехословакии.

Наглядное представление об этом противоборстве дает очерк «Весна» на нашей улице», в котором описана одна из самых масштабных операций, проводившаяся в течение нескольких лет сотрудниками Управления особых отделов КГБ по Группе советских войск в Германии. Носила она кодовое название «Весна». Ее размах, а главное, результаты поражают воображение даже специалистов.

По завершении операции, когда военные контрразведчики подсчитали весенний «улов», итог оказался впечатляющим — свыше 500 агентов. В их числе: агентов американской разведки — 221, английской — 105, «организации Гелена» — 45, «Ведомства Бланка по охране конституции» — 22. В результате оперативных комбинаций удалось вывести на территорию ГДР, а затем арестовать 11 официальных сотрудников, 15 резидентов, 15 агентов-вербовщиков и 31 агента-наводчика.

В этом очерке читатель впервые ознакомится с докладами уполномоченного МВД СССР в Германии полковника И. Фадейкина первому заместителю председателя Совета министров СССР, министру внутренних дел СССР Л. Берии. Несмотря на их бесстрашный и лаконичный характер, они наглядно передают весь драматизм тех июльских дней 1953 г., когда в результате так называемого берлинского восстания Европа едва не оказалась на грани новой войны.

Карибский кризис 1962 года несколько охладил боевой пыл «ястребов» войны, а наступившая разрядка значительно снизила угрозу возникновения ее ядерного варианта. Но она мало повлияла на характер тайных операций. Две самые

мощные спецслужбы, КГБ и ЦРУ, продолжали вести неприимую и ожесточенную схватку. Борьба за сферы влияния между сверхдержавами, гонка за обладание главными, в том числе и военными, секретами не прекращались ни на день, ни на час. Об этом периоде противоборства спецслужб читатель узнает из очерков «Камбала», «Семейный подряд» и «Некто Иванов».

Очередной, и ставший уже роковым для нашей родины, август 1991 года нанес ей невосполнимый ущерб. В те дни казалось, что мощь и слава великой державы, создававшейся на протяжении веков нашими предками, канут в небытие. Прошел всего десяток лет, и на глазах изумленного мира произошло новое «русское чудо». Благодаря таланту и поразительной жизнестойкости нашего народа, пережившего лихолетье 90-х годов, новая Россия по праву заняла достойное место на мировой арене.

Восстановили былую мощь и отечественные спецслужбы, в том числе и военная контрразведка. Только за последние годы ее сотрудниками выявлены и обезврежены десятки агентов иностранных спецслужб. В их числе и матерые шпионы, за спинами которых стояли такие опытные и коварные разведки, как американские ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны США (РУМО), британская МИ6.

В очерках и рассказах «Хэл Рубинштейн», «Чужой» на связь не выйдет», «Балтийский узел», «Кто вы, «дядя Ваня»?», «Клон», «Прерванная «гастроль», «Пан или пропал», «08.08.2008 — совсем не Олимпийские игры» повествуется о работе наших современных военных контрразведчиков.

Прошло свыше 90 лет с того дня, когда в суровые декабрьские дни 1918 года был создан Особый отдел ВЧК. За это время сменилось не одно поколение военных контрразведчиков. Другой стала и сама страна. В Департаменте военной контрразведки ФСБ России сейчас служат те, для кого Особый отдел ВЧК стал уже далекой историей. Новые вызовы ставят перед ними

новые задачи, но в главном они остались верны тому, что как нельзя точно определил Петр Иванович Прядко: «В жизни настоящего мужчины важны две вещи: вдохновенная работа и любовь женщины».

Именно это выделяет героев очерков и рассказов Н. Лузана из общего ряда. Они скромно и мужественно исполняли свой священный долг перед суровой и не всегда справедливой родиной. И когда пришло время, они как истинные рыцари тихо ушли в тень истории спецслужб. Они были преданы своим товарищам и чисты перед собственной совестью. В трудные минуты их согревала любовь той единственной женщины, которой они остались верны до конца.

Большинства из них, к сожалению, уже нет в живых. Давно ушли в мир иной и их наставники, но остались архивы специальных служб. Сегодня они приоткрыли перед читателем лишь некоторые страницы из их второй трудной и вместе с тем захватывающей, интересной жизни. Жизни, освященной такими короткими и вместе с тем емкими словами:

«Жизнь — Родине!

Честь — никому!»

Почетный сотрудник госбезопасности
генерал-лейтенант

Ю. Николаев

Особый отдел начинает и выигрывает

События лета и осени 1918 года стали тяжелым испытанием для власти большевиков в России. Против молодого советского государства, казалось, ополчился весь остальной мир. Вслед за мятежом левых эсеров в Ярославле и Рыбинске командующий Восточным фронтом генерал М. Муравьев открыл его для восставшего 40-тысячного чехословацкого корпуса.

Бывшие военнопленные чехи, словаки, венгры, получившие от советской власти свободу и разрешение для проезда на Дальний Восток, чтобы затем начать боевые действия во Франции против Германии, стали заложниками большой игры, которую разыграли страны Антанты в России.

11 мая 1918 года в Лондоне в резиденции Дэвида Ллойд Джорджа, премьер-министра Великобритании, состоялось секретное совещание с участием ведущих министров. На нем было принято решение: «Рекомендовать правительствам стран Антанты не выводить чехов из России», а снабдить их оружием, выделить опытных генералов и использовать в качестве интервенционистских войск.

Это решение было поддержано в Париже и Вашингтоне. Дело оставалось лишь за подбором исполнителя в большевистской России. Долго искать его не пришлось. Более подходящей кандидатуры, чем один из лидеров большевиков Лев Троцкий, каким бы парадоксальным это ни казалось, не существовало. Он был слишком многим обязан всесильному советнику президента США Вудро Вильсона — Эдварду Манделу Хаусу, по прозвищу полковник Хаус, автору плана раздела России. Революция революцией, а бизнес есть бизнес!

Троцкий, перебравшись не без помощи спецслужб США и Великобритании из Нью-Йорка в кипящий, словно паровой

котел, революционный Петроград, с присущим ему напором взялся отрабатывать деньги, вложенные в него американскими толстосумами. Но это уже другая история, требующая отдельного повествования.

А тогда, в конце весны 1918 года, Троцкий только и ждал подходящего случая, чтобы продолжить выполнение плана полковника Хауса. Вскоре он представился. 25 мая в Челябинске произошла массовая драка между чехами и венграми. На фоне кровавой Гражданской войны, полыхавшей на просторах России, в которой ежедневно гибли тысячи, несколько раненых и покалеченных ничего не значили. Но не для Троцкого. Этот инцидент, скорее бытовой, чем военно-политический, стал для него удобным предлогом, чтобы спровоцировать чехословаков на вооруженное выступление.

В тот же день Троцкий издал приказ, в котором говорилось: «Каждый чехословак, найденный вооруженным... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь». Эти угрозы-требования не оставляли выбора чехословакам. Они подняли вооруженный мятеж.

Спустя полтора месяца в руках чехословацкого корпуса оказались большая часть Сибири, Урал и такие стратегически важные центры на Волге, как Казань и Самара. В Лондоне, Париже и Токио, видимо, посчитали, что дни большевистской России сочтены, и поспешили урвать свой кусок от лакомого «русского пирога». На севере России британо-французский экспедиционный корпус захватил Архангельск и начал продвижение к Петрозаводску. Японские войска оккупировали Дальний Восток. В Закавказье немцы и англичане, опираясь на поддержку националистических сил (мусаватистов — в Азербайджане, дашнаков — в Армении и меньшевиков — в Грузии), привели к власти марионеточные правительства. Войска белоказаков под командованием генерала П. Краснова двинулись на Царицын, чтобы отрезать Москву и Петроград от бакинской нефти и хлеба южных районов страны.

Территория, контролировавшаяся большевиками, уменьшалась, словно шагреновая кожа. Им оставалось надеяться только на чудо. И оно произошло. Предпосылки к сотворению его были созданы несколькими месяцами раньше, 25 октября 1917 года, когда было опубликовано обращение к гражданам России, которое перевернуло всю страну. По своему социально-политическому значению оно превысило все многопудовые решения свергнутого Временного правительства. Это обращение заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих
и солдатских депутатов.*

25 октября 1917 г., 10 ч. утра».

Россия Романовых, Россия Керенского, бросившая гнить в окопы миллионы крестьян и рабочих, истерзанная бессмысленной и жестокой войной, ставшая в тот день советской, поднялась с колен. Теперь рабочие и крестьяне, иваны да марьи бились не на жизнь, а насмерть за власть, которая дала им то, о чем их предки мечтали столетия, — свободу от эксплуататоров и землю в безвозмездное пользование!

Созданная для защиты советской власти 23 февраля 1918 года Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) насчитывала уже спустя всего лишь четыре месяца около 500 тысяч бойцов. Идея всеобщего равенства и братства, провозглашенная боль-

шевиками, оказалась настолько сильна, что в ее ряды влились около 20 тысяч добровольцев из числа болгар, венгров, чехов, словаков и немцев. Важную роль в становлении РККА сыграли «господа голубых кровей» — высококвалифицированные военные специалисты. 250 генералов и 400 офицеров Генерального штаба, цвет бывшей императорской армии, перешли на сторону советской власти. В их числе были такие широко известные и авторитетные в армейской среде военные деятели, как генералы Н. Потапов, А. Самойло, А. Свечина и другие.

Войска Красной армии под командованием бывших прапорщиков, мичманов и есаулов В. Блюхера, С. Буденного, П. Дыбенко, М. Тухачевского и других одержали победу в вооруженной борьбе с белогвардейцами, которых возглавляли многоопытные царские генералы, адмиралы и атаманы П. Врангель, А. Деникин, А. Каледин, Л. Корнилов, А. Колчак, Н. Юденич. Красная армия разгромила также и армии интервентов, и многочисленные вооруженные националистические и бандитские формирования. Она победила потому, что ее поддерживал народ, поверивший обещаниям советской власти.

Советская власть, которой в октябре 1917 года многие западные политические пророки предрекали всего несколько дней существования, от силы месяц, не только устояла, но и всерьез и надолго утвердилась на громадном пространстве — от Одессы до Владивостока.

Свой вклад в ее становление внес Особый отдел ВЧК (ОО ВЧК). Он был образован 19 декабря 1918 года. В тот день бюро ЦК ВКП(б) приняло решение слить структуры ВЧК и Военного контроля, осуществлявших разведывательную и контрразведывательную работу в частях Красной армии, в единый орган — Особый отдел. С того времени, вот уже в течение 90 лет, 19 декабря отечественные военные контрразведчики отмечают свой профессиональный праздник.

Организационно Особый отдел наряду с Иногородним и Транспортным отделами вошел в состав ВЧК. По рекомендации бюро ЦК ВКП(б) на должность его руководителя был

предложен М. Кедров — авторитетный большевик с большим дореволюционным стажем. 26 декабря Реввоенсовет республики с участием Л. Троцкого, И. Вацетиса, С. Аралова и Ф. Костяева утвердил его кандидатуру.

4 января 1919 года в приказе № 1 Кедров потребовал от руководителей фронтовых и окружных органов Военного контроля и ЧК немедленно приступить к их слиянию и образованию фронтовых и окружных особых отделов. Одновременно с организационной была начата работа по созданию необходимой нормативной базы для деятельности военной контрразведки в войсках.

3 февраля 1919 года председатель ВЧК Ф. Дзержинский рассмотрел «Положение об Особом отделе при ВЧК и его местных органах», предложенное Кедровым и М. Лацисом, другим членом коллегии ВЧК, и согласился с ним. Спустя три дня, 6 февраля, Положение было одобрено на заседании Президиума ВЦИК. Положение закрепляло правовой статус особого отдела в системе ВЧК, устанавливало вертикаль подчиненности, определяло систему ведомственного и партийного контроля.

В качестве основных задач перед военными контрразведчиками стояли:

«Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте, а также организация работы на территориях, временно оккупированных иностранными войсками или находящихся под контролем вождей Белого движения».

Времени на раскачку у руководителей и сотрудников Особого отдела ВЧК не оставалось. Тяжелейшее положение, сложившееся на фронтах, требовало от них незамедлительных действий. В июле 1919 года войска главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А. Деникина начали генеральное наступление на Москву. В августе под ударами белополяков части Красной армии оставили Минск и Киев. Изнутри им оказывала помощь местная контрреволюция.

Особистам, так вскоре в войсках стали называть сотрудников военной контрразведки, приходилось на ходу наряду с мероприятиями организационного характера разворачивать работу по выявлению и ликвидации контрреволюционной и шпионской деятельности. Только за первые полгода особые отделы осуществили ряд крупных операций по защите Красной армии от подрывных акций иностранных спецслужб и сил контрреволюции.

Уже в мае сотрудники военной контрразведки Петроградского гарнизона, Балтфлота и ПетроЧК подавили попытку мятежников повернуть орудия кораблей и фортов Кронштадтской крепости против частей Красной армии и открыть фронт войскам Юденича.

В июле особисты вскрыли в Полевом штабе Республики крупную шпионскую сеть, состоявшую из военспецов. Они работали на британскую, французскую и польскую разведки.

Особое место в деятельности особистов занимает операция, начало которой положили сотрудники Особого отдела Западного фронта. Ведущая роль в ней принадлежала особоуполномоченному ОО ВЧК А. Артузову (Фраучи). В ней, пожалуй, впервые особисты задействовали весь классический арсенал, характерный для работы зрелой спецслужбы.

Время и место действия операции — 1920 год, Западный фронт. Красная армия вела тяжелейшие бои с белополяками на территории Белоруссии и Украины. В ее тылу существовала широко разветвленная нелегальная разведывательная сеть польских спецслужб «Польская организация войсковая» (ПОВ) и 2-го отдела Генштаба (военная разведка). Ее щупальца дотянулись до Москвы и Петрограда.

Оперативная информация о деятельности польской разведки поступила в Особый отдел ВЧК весной 1920 года после задержания и допросов нескольких агентов. Из их показаний следовало, что в Москве и Петрограде в течение последних месяцев успешно действовали две резидентуры. В столице ее возглавлял некий поручик Игнатий Добржинский, более

известный среди агентов под псевдонимом Сверщ (Сверчок). Судя по той отрывочной информации, которой располагали чекисты, ему удалось создать серьезные разведывательные позиции среди сотрудников ряда советских государственных учреждений и наладить получение важной военно-политической информации.

В условиях войны с Польшей для ОО ВЧК на тот период более ответственной задачи, чем найти и обезвредить вражеского резидента и его агентов, не существовало. На поимку неуловимого Сверчка были брошены значительные силы. Первыми на его след вышли особисты Западного фронта. В Орше в их поле зрения попала курьер московской резидентуры Мария Пиотух. Артузов не стал спешить с арестом. За ней установили негласное наблюдение. Вскоре она вывела контрразведчиков на конспиративные квартиры польской разведки в Москве и ряд ее агентов. Теперь особистам оставалось только запастись терпением и ждать, когда в квартире-ловушке появится Сверчок.

Наконец неуловимый резидент «засветился» по одному из адресов. Несколько суток засада терпеливо дожидалась его появления, а он будто почувствовал грозившую опасность и затаился. Всю ночь особисты провели в ожидании, а неуловимый Серчок так и не объявился. Наступил новый день. Под лучами яркого летнего солнца быстро рассеялась утренняя дымка, а вместе с ней растаяла и надежда на то, что резидент появится по адресу.

За окнами конспиративной квартиры неспешно текла жизнь московского дворика. Изредка ее нарушал зычный крик: «Точу ножи, топоры и ножницы!» Уже который день, как точильщик облюбовал проходную арку и, прячась в ее тени от жгучего солнца, лениво лузгал семечки. В очередной раз, то ли забыв, то ли разомлев от жары, он не упомянул про топоры.

Это был сигнал. Чекисты проверили оружие и подтолкнули в прихожую бледного словно мел хозяина конспиративной квартиры. Тот на негнущихся ногах доплелся до двери и в изнеможении прислонился к стене. Прошла минута-другая, и

звонящую от напряжения тишину в прихожей нарушил условный стук. Хозяин квартиры непослушными руками повернул ключ и открыл дверь.

На пороге стоял он — резидент Сверчок. Настороженным взглядом Добржинский пробежался по коридору. Холод рукояти нагана придал ему уверенности. Он шагнул в прихожую. За спиной предательски лязгнул замок. Лампочка в конце коридора печально подмигнула и затем погасла.

В следующее мгновение полумрак рассекла бледная полоска света и упала на лицо хозяина. Оно напоминало маску. Мелкая дрожь губ хозяина сказала Добржинскому все. Отшвырнув предателя на дверь гостиной, он выхватил из кармана наган и ринулся вперед. Звон разбитого оконного стекла и треск досок — это было последнее, что услышали чекисты. След польского резидента, казалось бы, затерялся в огромной Москве.

Но далеко уйти ему не удалось. Сработали ловушки, поставленные на других явочных квартирах.

Ксендз Гриневский оказался перед выбором: служить Господу — на небесах или чекистам — на грешной земле. Выбрал последнее.

25 июня 1920 года на квартире ксендза угодил в засаду другой агент польской резидентуры — служащий броневых частей Московского военного округа некий Гржимайло. Ему тоже, как и Добржинскому, удалось вырваться из засады. Во время погони и завязавшейся перестрелки он был убит неподалеку от Никитских ворот. У него чекисты обнаружили любопытный документ, из которого следовало, что он являлся членом «Московского охотничьего общества». Чекистов заинтересовало другое: в записях Гржимайло в числе охотников числился и Добржинский. Новая ниточка в поиске в конце концов привела чекистов к польскому резиденту. На этот раз ему не удалось убежать. Его взяли без единого выстрела. Но праздновать успех Артузову с подчиненными так и не пришлось.

Добржинский молчал, а большая часть его агентов все еще оставались на свободе и продолжали действовать. Он, идейный

противник советской власти и «военная косточка», свято чтивший кодекс офицерской чести, категорически отказывался давать показания. Интенсивные допросы и угрозы смертью не дали результатов. Но в контрразведке, так же как и в разведке, главное — поединок умов. И в этом Артузов оказался более искусным, чем Добржинский. Он изменил тактику допросов. Теперь допросы походили скорее на споры двух идейных противников. Такой подход к ведению допросов оправдал себя. Артузов нашел путь не только к уму, но и к сердцу польского резидента.

Спустя много лет, 22 марта 1937 года, Артузов так вспоминал о том поединке с Добржинским: «Дело Сосновского (эту фамилию Добржинский взял после перехода на службу в ОО ВЧК. — *Авт.*) было не маленькое дело ВЧК. За него я получил орден. Я знаю, что Дзержинский советовался с Лениным по этому делу...

В 1920 году, во время войны, я поймал Сосновского, который был главным резидентом польского штаба на советской территории. Во что бы то ни стало я должен был добиться его показаний и выдачи его большой сети польских офицеров и прочих шпионов.

При арестах эти молодые польские патриоты отстреливались и не сдавались живыми (так был убит один помощник Сосновского. Его мы выследили еще до поимки Сосновского).

Сосновский был первый, кого т. Карин при аресте неожиданно схватил за руку и не дал ему возможности стрелять. От показаний Сосновского зависела судьба военной польской разведки во время войны 1920 года.

И я добился показаний. Причем помогли не угрозы (они не действовали), а сила аргументов ленинской партии...

Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпустить в Польшу под честное слово — не заниматься больше шпионажем против нас.

На этом условии Сосновский дал свои показания. Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть.

Обещание было приказано выполнить. Несколько польских офицеров было выпущено после политической обработки...»

Для них, революционных романтиков, к каковым, вне всякого сомнения, относились и Артузов с Дзержинским, «честное слово» много значило. Дав его Добржинскому, Артур Христианович рассчитывал этим не только нейтрализовать польскую разведывательную сеть. Он смотрел гораздо дальше. В польском резиденте, профессионале с незаурядными способностями, Артузов увидел и глубоко порядочного человека. Такой человек, став союзником советской власти, мог бы принести значительную пользу в решении стратегических задач контрразведки. При достижении этой цели Артузов выбрал, пожалуй, единственно правильный путь. Противника, которого нельзя ни купить, ни запугать, можно сделать своим союзником лишь силой убеждения и личного обаяния.

Ради этого Артузов не жалел ни времени, ни сил. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда он подключил к допросам-беседам с Добржинским видного деятеля ЦК Компартии Польши Юлиана Мархалевского. Авторитет бывшего узника царских тюрем и блестящие полемические способности Юлиана произвели сильное впечатление на Игнатия. Под воздействием бесед с Мархалевским он стал менять свои взгляды на то, что происходило в России и в Польше.

Позже Добржинский так вспоминал об этом: «Больше допросов не было, меня начали воспитывать, повезли в Кремль к Мархалевскому... Мархалевский произвел на меня сильное впечатление. Говорили о Польше, о Пилсудском».

Беседы Артузова и Мархалевского с Добржинским продолжались, и вскоре они дали результат. Постепенно во взглядах польского резидента стали происходить изменения в оценке того, что раньше совершал он сам и его агенты. Настал момент истины: Артур Христианович посчитал, что пришло время главной беседы. Опираясь на порядочность Игнатия и неприятие им тактики и методов действий польских диверсионных отрядов, жертвой которых в большинстве случаев становилось

мирное население, он предложил: «Под честное слово не подвергать репрессиям тех агентов, кто выполнял задания из идейных соображений, и отдать под суд только тех, кто сотрудничал за деньги, в ответ на его признательные показания».

Добржинский, считавший свою участь предрешенной, вряд ли ожидал такого поворота дела. Сам далеко не новичок в разведке, имевший на личном счету десятки вербовок агентов, он находился в сомнениях. Но когда обещания Артузова подтвердил Дзержинский, что «после проведения следствия и установления полной картины деятельности резидентуры все агенты, являющиеся польскими гражданами, будут высланы за пределы РСФСР», Добржинский заговорил.

Свое честное слово Дзержинский с Артузовым сдержали. Именно это предопределило отношение Игнатия к советской спецслужбе и его будущую судьбу: он стал ее союзником. Первое задание, которое ему предстояло выполнить, было связано с ликвидацией второй польской резидентуры, действовавшей в Петрограде. Ее резидент Виктор Стацкевич, работавший на центральной военной радиостанции и использовавший ее для связи со 2-м отделом польского Генштаба, насколько знал Добржинский, тяготился сотрудничеством с «двуйкой» и сочувствовал большевикам. Перед чекистами открылась еще одна уникальная возможность и эту агентурную сеть взять под свой оперативный контроль.

По согласованию с Дзержинским Артузов вместе с Добржинским выехали в Петроград. Там Игнатий провел подготовительную беседу со Стацкевичем, в результате которой тот сам пришел в номер гостиницы, где остановился Артузов.

В разговоре с Артузовым Стацкевич сообщил известные ему сведения о резидентуре и выразил согласие сотрудничать с ВЧК. Таким образом, к концу июля 1920 года польская разведывательная сеть в России перестала существовать, а в жизни и судьбе Игнатия Добржинского наступил новый и важный этап.

По ходатайству Артузова он был зачислен в состав опергруппы как сотрудник для особых поручений ОО ВЧК. В целях

конспирации и собственной безопасности Игнатий взял себе фамилию Сосновский и до конца жизни носил ее. В августе вместе со Стацкевичем и Артузовым он выехал на Западный фронт и приступил к выполнению очередного задания, на этот раз связанного с проникновением в нелегальные структуры «Польской организации войсковой» — подпольной военной организации, созданной во время Первой мировой войны в целях борьбы за освобождение польских территорий из-под российского владычества.

К тому времени обстановка на фронте серьезно осложнилась. Правительство Пилсудского, опираясь на поддержку белогвардейцев и политических кругов Великобритании и Франции, предприняло очередную попытку свергнуть власть большевиков. Против Красной армии были брошены все резервы. Ее тяжелое положение на фронте осложнялось разведывательно-повстанческой деятельностью ПОВ. В связи с этим Сосновский и Стацкевич вынуждены были приступить к выполнению задания немедленно. Они пошли по кратчайшему и весьма рискованному пути — искать себе помощников среди актива организации.

Опытный оперативник и тонкий психолог, Игнатий знал, как подобрать ключ к сердцу человека, пусть даже противнику, — к пленным членам ПОВ. Не только яркий дар убеждения, но и собственный пример стал весомым аргументом для ряда из них. После нескольких дней активных бесед на сторону чекистов перешли сначала два, а затем еще три человека. Опираясь на эту группу, Сосновский приступил к реализации оперативного замысла по проникновению в нелегальные структуры ПОВ.

Возможно, где-то удача, а скорее всего, профессиональный опыт и знание изнутри особенностей работы польской спецслужбы вывели группу Сосновского на одно из ключевых звеньев нелегальной сети ПОВ, так называемую боевку. По заданию польской разведки ее агенты-боевики готовили террористический акт против командующего Западным фронтом М. Ту-

хачевского. Благодаря помощи Юны Пшепилинской, которую привлек к сотрудничеству Игнатий (впоследствии она стала его женой), особисты своевременно получили информацию о ходе подготовки покушения и сумели его предотвратить.

С помощью других помощников из числа членов ПОВ Сосновскому и Стацкевичу удалось выявить еще ряд польских агентов и диверсантов. В процессе последующей разъяснительной работы с ними, проводившейся Артузовым и Сосновским, некоторые из них «идейно разоружились» и перешли на сторону советской власти. Такой поворот в операции подтолкнул контрразведчиков к новому и неординарному ходу. По согласованию с руководством ВЧК Артузов с помощью Сосновского решил нанести еще один мощный, на этот раз пропагандистский, удар не только по польской разведке, но и по армии.

В первых числах октября 1920 года над окопами польской армии несколько дней кружил старенький «фарман». Из него на головы солдат и офицеров вместо бомб сыпались тысячи листовок. Это было «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ — офицерам и солдатам польской армии, также студентам — товарищам по университету от Игнатия Добржинского».

В нем Добржинский писал:

«Еще минуту назад я находился на вашей стороне, вместе с вами я был обманут словами «Родина», «независимость», «свобода и счастье народа», лозунгами, содержание которых было и есть «капиталистические прибыли за счет трудящихся масс», «ложь», «темнота и нищета». Я имею право и обязанность немедленно после свободного и решительного перехода на сторону революционной борьбы сообщить вам и широким кругам, позорно обманутому и проданному собственной буржуазией нашему народу о своем поступке. Вместе со мной открыто и добровольно отказались от работы против революции все мои идейные сотрудники, присланные в Россию из Польши. Большинство из них уже крепко стоят вместе со мною в рядах Революции».

Сегодня обращение Игнатия Игнатьевича, возможно, кому-то покажется наивным, а у кого-то вызовет саркастическую улыбку. Но тогда, в бурные двадцатые, когда Европа бредила социалистическими идеями и сотрясалась от революций, его слова не были пустым звуком. Они оказались опаснее бомб и отозвались эхом грандиозного обвала польской разведывательной сети. Десятки агентов ПОВ добровольно отказались от проведения подрывной деятельности против советской власти. Ряд из них, Пшепилинская, Роллер, Гурский, Стецкевич и другие, перешли на службу в ВЧК.

Обращение Добржинского вызвало оглушительный скандал и жаркие дебаты в польском сейме. Отдельные депутаты обвиняли руководство 2-го отдела Генштаба *«в измене польской центральной разведки в Москве»* и призывали к ликвидации ПОВ *«как вредной для польского государства организации, члены которой предают Польшу»*.

Мало того что польская разведка осталась без своих «глаз» и «ушей» — двух резидентур в Петрограде и Москве, она в результате операции Артузова — Добржинского потеряла одного за другим агентов, действовавших в прифронтовой полосе. Ярость руководства 2-го отдела Генштаба не знала предела. По всем оперативным каналам прошел приказ — при встрече с Добржинским-Сосновским *«ликвидировать его немедленно и любыми средствами»*. С этой целью в Москву был направлен агент-боевик Борейко, но он был перехвачен в пути чекистами и арестован.

Угроза для Игнатия исходила не только от своих прошлых, но и новых коллег. Об этом он не знал и вряд ли догадывался. До поры до времени «честное слово» председателя ВЧК Дзержинского хранило его от необоснованных и надуманных подозрений. А они имелись, и имелись у весьма высокопоставленного чекиста, каковым являлся начальник Особого отдела Западного фронта Филипп Медведь.

В одном из докладов руководству ВЧК он делился своими подозрениями в отношении Сосновского. В частности, в

ноябре 1920 года в личном письме Дзержинскому Медведь писал:

«От товарищей, приезжающих из Москвы, узнаю, что непосредственным помощником товарища Артузова является Добржинский, что Витковский — начальник спецотделения... Я знаю, что тов. Артузов им безгранично верит, что хорошо для частных, личных отношений, но когда их посвящают во все тайны работы, когда они работают в самом сердце ОО ВЧК, то это может иметь самые плохие последствия для нас...»

«Сигнал» Медведя тогда остался без внимания, еще не наступили времена всеобщей шпиономании.

По возвращении с Западного фронта Игнатия Игнатьевича официально зачислили в штат ОО ВЧК. На новой должности в полной мере раскрылся его талант непревзойденного агента-ристу и мастера тонких оперативных комбинаций. Ему поручили работу на участке борьбы с белогвардейским подпольем, действовавшим в западных областях страны. И он блестяще с ней справился. За счет личных вербовок ценной агентуры ему удалось не только раскрыть подпольную сеть так называемого Западного областного комитета, действовавшую в Гомеле, но и перевербовать одного из руководителей «комитета» — Оперпуга. Впоследствии он и Сосновский сыграли важную роль в известной контрразведывательной операции, получившей кодовое название «Трест».

Начата она была в ноябре 1921 года и завершилась в апреле 1927 года. В ходе нее отечественной спецслужбе удалось проникнуть в большинство антисоветских организаций, действовавших в Европе, и поставить под свой контроль деятельность разведок таких стран, как Финляндия, Польша, Латвия, Франция и Великобритания. От имени умело легендированной Лубянской нелегальной организации «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР) их регулярно снабжали стратегической дезинформацией в выгодном для советского руководства свете.

Другим важным итогом операции «Трест» стало то, что в течение почти шести лет чекистам удавалось сдерживать террористическую и диверсионную деятельность боевых групп лидеров Белого движения П. Врангеля, А. Кутепова, Е. Миллера. Все эти годы они жили надеждой на скорый повстанческий взрыв внутри России и находились в плену иллюзий, порожденных докладами руководителей МОЦР о мощи организации и ее готовности к восстанию.

Эти и другие успехи Сосновского были по достоинству оценены руководством ОО ВЧК. Осенью 1921 года Артузов представил Дзержинскому рапорт, в котором ходатайствовал о его награждении орденом Красного Знамени. Тот поддержал предложение. В конце 1921 года вышел приказ Революционного военного совета (РВС) республики о награждении Игнатия Игнатьевича Сосновского этим орденом. Спустя три года, в 1924 году, по решению коллегии ОГПУ он был отмечен высшим профессиональным отличием — нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ». Прошло еще два года, и «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» ему вручили именное боевое оружие — маузер.

Также успешно складывалась и служебная карьера Игнатия Игнатьевича. В мае 1921 года его назначили на должность помощника начальника отделения вновь созданного контрразведывательного отдела в составе Секретно-оперативного управления ГПУ, в задачу которого входила борьба со шпионажем. Через год он стал его начальником.

В 1929 году Сосновскому поручили возглавить контрразведку в полномочном представительстве Белорусского военного округа, а позже в Центрально-Черноземной области.

С 1934 года он работал на ответственных должностях в центральном аппарате в Москве, а потом в Саратове.

На всех этих участках Игнатия Игнатьевича отличали высокий профессионализм в работе и уважительное отношение к соратникам. Об этом свидетельствовали его оперативно-служебные характеристики. В них отмечалось,

что Сосновский — «...образцовый оперативник и серьезный руководитель... Прекрасно знает работу с агентурой, особенно по линии шпионажа... Политически развит и по личным качествам весьма способный... Хороший товарищ и примерный большевик».

Шли годы. Старая гвардия революционеров постепенно уступала место молодым и не сомневающимся в слове Вождя аппаратчикам. Над страной поднималась мрачная тень большого террора. Прежние заслуги уже ничего не стоило на весах новых советских вождей. Расчищая дорогу к «сияющим вершинам коммунизма» от несогласных и сомневающихся, они взялись за косу массовых репрессий. Всеобщий страх и подозрительность поселились в каждом доме и каждой семье. Прошлое било по творцам революции.

Активная работа Сосновского в далеком 1920 году против ПОВ «стараниями» руководства польской секции Коминтерна теперь обернулась против него самого. Репрессии, начавшиеся в их среде, они связывали с деятельностью Сосновского, «умело замаскировавшегося агента Пилсудского, пробравшегося в органы госбезопасности для исполнения разведзаданий», и «сигнализировали» об этом в партийные и другие советские инстанции.

По мере того как ширился круг арестованных поляков-коминтерновцев, все больше подобных заявлений на Игнатия Игнатьевича поступало руководству НКВД. В то время и в той ситуации, которая сложилась к концу 1936 года, когда в органах госбезопасности безжалостно «били своих, чтобы чужие боялись», судьба Сосновского была предрешена.

«Верный сталинский нарком» Николай Ежов «каленным железом выжигал измену» и в первую очередь среди чекистов. Его усилиями и усилиями услужливых подручных множились «заговоры» различных подпольных организаций: «Троцкистско-зиновьевского террористического центра», «Московского центра», «Ленинградского центра», «Правотроцкистского блока» и других. «Польский заговор» вполне

укладывался в схему очередного «заговора», родившегося в воспаленном мозгу Ежова.

В декабре 1936 года заместитель начальника УНКВД по Саратовскому краю комиссар государственной безопасности 3 ранга И. Сосновский был арестован на рабочем месте. Ему предъявили стандартное обвинение в шпионаже в пользу польской разведки. Вслед за ним в тюремные камеры отправились и другие видные соратники-чекисты: его супруга, ответственный сотрудник центрального аппарата Главного управления государственной безопасности Ю. Пшепилинская, начальник УНКВД по Саратовскому краю Р. Пиляр, бывший руководитель контрразведывательного отдела ОГПУ Я. Ольский.

В течение трех месяцев следователь Фельдман «гуманными способами» пытался склонить Сосновского к «признательным показаниям». Тот все отрицал, и тогда терпение наверху лопнуло. Сосновский вписывался, как нельзя кстати, еще в один «заговор» — «заговор» некогда «верного сталинского наркома» НКВД Г. Ягоды, арестованного 28 марта 1937 года по обвинению в участии в «правотроцкистском блоке и подготовке террористического акта против тов. Сталина».

С того дня время бесед с Игнатием Игнатьевичем закончилось. За него взялись костоломы Ежова — следователи Минаев и Радин. Жестокие побои, после которых его на руках приносили в камеру, лишение сна и изматывающие, продолжавшиеся по несколько суток непрерывные допросы превратили некогда пышущего здоровьем красавца мужчину в дряхлого старика.

Полтора месяца он стойко держался и отрицал нелепые обвинения в участии «в разветвленной, поразившей почти все советские военные и партийные учреждения «Польской организации войсковой». Но показания других арестованных не оставляли ему выбора. Продолжать и дальше терпеть невыносимые муки, которые ему причиняли следователи-садисты, было выше человеческих сил. В мае 1937 года Сосновский «заговорил». Пытки отменили. Это была последняя «милость»

палачей. 15 ноября 1937 года по решению коллегии НКВД СССР Игнатий Сосновский был расстрелян.

Что он чувствовал в те последние мгновения своей земной жизни? Облегчение? Горечь? Сожаление? Или выжженную пустоту в душе? Об этом нам не суждено знать. Был ли ошибочным тот его шаг в далеком двадцатом году, когда он принял «честное слово» Дзержинского как пропуск в новую, тогда представлявшуюся очень многим будущую счастливую жизнь? Одно можно с уверенностью сказать: советская власть 1937 года совершенно не походила на ту, ради которой поручик польской армии отказался от родины, фамилии и своего прошлого. Сделал он это с надеждой на будущее, в котором, как ему казалось, «честное слово» будет иметь ту же цену, что и при Дзержинском.

Спустя 20 лет, в 1958 году, честное имя Игнатия Сосновского было восстановлено. Его посмертно реабилитировали.

Прыжок самурая

Снежная, с трескучими морозами зима 1941 года недолго продержалась в Маньчжурии. В конце февраля подули теплые ветры со стороны Южно-Китайского моря и принесли с собой раннюю оттепель. Небо очистилось от свинцовых туч, и под лучами солнца из-под снежных шапок проклюнулись рыжими макушками маньчжурские сопки.

К середине марта о зиме напоминали лишь съжившиеся серые клочки снега в глубоких распадах сопок. Весна заявляла о себе с каждым днем все более властно и торопила приход лета.

Прошло еще несколько недель. Южные склоны сопок запылали нежно-голубым пламенем фанфына-лазурника. Пригороды Харбина, расположенные ниже по течению реки Сунгари, окутаны бело-розовым туманом цветущей вишни, сирени и напоминали один огромный сад.

Этот бурный приход весны мало радовал русских и китайцев, разделенных скованным ледяным панцирем Амуром. С наступлением дня лед начинал угрожающе потрескивать. В верховьях реки зарождался грозный гул и словно предвестник будущих великих потрясений наполнял сердца людей предчувствием большой беды. Свыше тридцати советских дивизий, глубоко зарывшись в землю и ошестинившись мрачными глазами амбразур дотов, со дня на день ждали изготовившегося к внезапному прыжку на Дальний Восток «японского самурая».

Харбин в те дни напоминал клокочущий вулкан. Вооруженная до зубов 700-тысячная Квантунская армия только и ждала приказа, чтобы прорвать границы марионеточного государства Маньчжоу-Го и обрушиться всей своей мощью на советские приграничные поселки, а затем на весь Дальний Восток. В воздухе

вitalo тревожное ожидание близкой войны и большой крови. Об этом говорили, уже не таясь, не только в штабе армии, казармах, мостовых ресторанчиках, но и на главной харбинской брехаловке — на оптовом рынке в порту.

Перед гостиницами, у железнодорожного вокзала и в речном порту с раннего утра и до позднего вечера терлись личности сомнительного вида. Отпетые мошенники, ловкие карманники и даже дерзкие налетчики предпочитали держаться от них подальше. Наметанным взглядом и особым, выработанным с годами чутьем они улавливали этот стойкий, несущий угрозу запах полицейской ищейки. Его не могли перебить аромат дорогого одеколona и папирос, скрыть добротный европейский костюм или замызганная китайская дабу. Их гончую породу выдавали липкие и цепкие взгляды, вкрадчивые кошачьи движения и незапоминающиеся физиономии. Филерская служба японской жандармерии не знала покоя ни днем, ни ночью. Охота на коммунистических агентов была в самом разгаре.

Город жил прифронтовой жизнью. План «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии») вооруженного нападения Японии на советский Дальний Восток командующий армией генерал Умэдзу готов был привести в действие по первому приказу из Токио. Но император Хирохито медлил — чего-то выжидал.

Военной машине Японии позарез требовалась нефть, но она находилась на Борнео и в Бирме под пятой американцев и голландцев. Поэтому вести войну на два фронта было пока рискованно. Япония стояла перед выбором: либо вцепиться в глотку Дяде Сэму и стать полновластным хозяином на Тихом океане, либо прыгнуть на спину «русскому медведю» и совершить то, что не удалось сделать двадцать лет назад.

Тогда, после развала Российской империи, Дальний Восток сам свалился в руки божественного микадо. Но радость оказалась недолгой. Всевышний не захотел признать в японском императоре своего родственника и, к его изумлению, повернулся лицом к безбожникам большевикам. В сентябре

1922 года части Красной армии под командованием главкома Народно-революционной армии Дальневосточной республики Василия Блюхера наголову разбили хваленых самураев.

Спустя девятнадцать лет в Токио стояли перед дилеммой — либо захватить Дальний Восток, либо продолжить наступление на юг. Чаша войны на время застыла, и здесь свое слово предстояло сказать разведке. В те майские дни резидентуры 2-го (разведывательного) отдела Квантунской армии не знали переделки. Граница по Амуру порой напоминала линию фронта. С наступлением ночи десятки разведывательно-диверсионных групп и агентов-одиночек прорывались на советскую территорию, чтобы выводить из строя линии связи, инженерные коммуникации и собирать информацию о частях Красной армии. Паутина японской агентурной сети пришла в движение.

7 мая 1941 года ее резидент капитан Каймадо (он же Де До Сун, он же Пак) прибыл в Харбин. Здесь его с нетерпением ожидали руководитель японской военной миссии генерал Янагита и начальник 2-го отдела подполковник Ниумура. Размеренный шорох напольных часов нарушал безмятежную тишину кабинета. В двухэтажном особняке и небольшом уютном дворике миссии, отгороженном от улицы высоким каменным забором, жизнь текла так же тихо и размеренно, как и десять, и двадцать лет назад. Разведка не любит суеты и звона победных фанфар.

Ниумура, развалившись в кожаном кресле, со скучающим видом перелистывал страницы «Харбинского вестника» и изредка бросал скользящие взгляды на генерала. Тот уже больше часа внимательно изучал материалы дела Каймадо, одного из самых опытных и удачливых резидентов японской разведки в Советском Союзе.

За скучными строками на пожелтевших от времени страницах донесений агента, а затем резидента Каймадо скрывалась захватывающая история человеческой жизни и поразительная по своей удачливости судьба разведчика. Он оказался единственным из более двух десятков японских агентов, заброшенных в Советский Союз в середине 20-х годов, который в 1937 году

сумел не только спастись от безжалостной «косы» советской тайной полиции — НКВД, но и ухитрился получить такую «крышу», о которой приходилось лишь мечтать.

В тот год Каймадо стал Ситровым, секретным сотрудником управления НКВД по Приморскому краю. Почувствовав нависшую над собой и резидентурой опасность, «преданный партии» коммунист Пак вовремя проявил политическую бдительность и сумел «выявить» четырех замаскировавшихся «троцкистов», пробравшихся в руководство управления железной дороги и просигнализировал куда надо. Там быстро среагировали. И после того, как «метла» НКВД прошла по железнодорожной верхушке, Каймадо-Пак вырос не только в должности, но и в секретной иерархии, став агентом-разработчиком «неблагонадежного элемента».

К началу 41-го он еще более укрепил свое положение. В органах высоко оценили его информацию о ревизионистских настроениях среди командиров китайской бригады и после «зачистки пораженцев» рекомендовали не куда-нибудь, а в святая святых — в разведотдел Дальневосточного военного округа.

Для разведчиков Разведывательного управления Красной армии активный коммунист Пак и бывший негласный сотрудник органов НКВД Ситров оказался настоящей находкой. Он на лету хватал премудрости нового для себя дела. Вскоре начальник разведотдела «положил на него глаз». Пака начали готовить для ответственной работы в качестве резидента нелегальной советской сети в Маньчжурии.

Это был неслыханный успех для японской разведки; о таком генерал Янагита за свою долгую службу еще не слышал и поэтому с особым вниманием вчитывался в каждую строчку. Он пытался понять: как еще при жизни Каймадо стал легендой?

В далеком 1922 году молодой армейский офицер из древнего рода самураев неожиданно отказался от блестящей военной карьеры в пользу неприметной службы в нелегальной разведке. Что заставило его сделать такой шаг? Верность рода Каймадо

своему девизу: «Долг и Честь!»? Или жажда подвига во имя «великой Японии», которой горели многие юноши из благородных семей после позорного поражения на Дальнем Востоке? Об этом знал только он сам и капитан Такасаки, давно ушедший в мир иной и сумевший разглядеть в нем будущего гения нелегальной разведки.

Сменив строгий военный мундир на плохонькую корейскую одежку, Каймадо перевоплотился в молодого рабочего Пака и активно включился в революционную борьбу. В 1923 году он, якобы спасаясь от преследования полиции, вместе с группой революционеров, бредивших идеалами коммунизма, бежал из Маньчжурии в Советский Союз. После проверки в ГПУ, отделавшись легким испугом, вышел на свободу и активно включился в строительство социализма.

Ударный труд на железной дороге и упорство в изучении трудов Ленина и Маркса были вознаграждены. Через три года его приняли в комсомол и вскоре поручили руководить рабочим комитетом в поселке Нагорный. Там на деятельного активиста обратили внимание старшие товарищи и в 1929 году рекомендовали его в партию большевиков, а затем направили учиться во Владивосток на рабочий факультет университета.

На этом месте Янагита остановился, выпил рюмочку саке и снова вернулся к делу резидента Каймадо.

Первые шаги как разведчик-агентурист Каймадо сделал после третьего курса, когда проходил заводскую практику на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ, сумев добыть материалы о составе вооружения и защищенности бронепоезда. Позже, в 34-м, создал там свою первую резидентуру.

Последующая география и диапазон его разведывательной работы поражали. После окончания университета он получил направление на химзавод № 92 в далекий Сталинград. Для дирекции инициативный и безотказный инженер стал настоящей палочкой-выручалочкой. За год работы на заводе Каймадо-Пак успел побывать в командировках в Азове, Новороссийске, Сталино (с 9.11.1961 г. Донецк) и Астрахани. Он,

подобно «Летучему голландцу», появлялся в разных местах: то в закрытых цехах завода «Баррикады», старейшего машиностроительного предприятия Поволжья, то на военных верфях, то на испытательных полигонах.

Потеряв связь с резидентом, Каймадо-Пак действовал на свой страх и риск. В неполные 29 лет самостоятельно провел три вербовки агентов в Сталинграде и добыл ценную информацию о производстве танков. В Азове исхитрился и скопировал чертежи нового пограничного катера. Семнадцать листов отчета, подшитых в дело, свидетельствовали о результативности его работы в тот период.

В 1934 году, по возвращении в Улан-Удэ, Каймадо-Пак восстановил связь с японской разведкой и передал резиденту Хая Си добытые материалы. Их содержание, а также три вербовки, проведенные среди инженеров местного паровозоремонтного завода, произвели на руководство разведки сильное впечатление. Вскоре Каймадо стал самым перспективным резидентом в Советском Союзе.

В течение следующих трех лет резидентура работала как швейцарские часы и добывала ценную информацию даже в 37-м году.

Здесь Янагита болезненно поморщился при воспоминании о том времени. Тогда японская разведка потеряла в СССР бóльшую часть своих резидентов и агентов; они попали под безжалостную «косу» репрессий.

Но Каймадо-Пак и на этот раз нашел выход: он подставился на вербовку и вскоре стал для Управления НКВД по Приморскому краю ценным агентом-разработчиком «вражеского элемента». В дальнейшем это открыло ему дорогу в советскую разведку, а японской разведке позволило приобрести уникальную возможность контролировать деятельность советской шпионской сети в Маньчжурии. Часть ее со временем оказалась в застенках, а другая регулярно подпитывала дезой командование Забайкальского фронта. О результатах последней работы Каймадо-Пака, выявленных восемнадцати большевистских

агентах в Харбине, Дацине, Цицикаре, Синьцзине, генерал Янагита лично доложил в Токио. Не задержав внимания на своем рапорте, генерал перешел к очередному донесению резидента Каймадо.

В это время раздался телефонный звонок из приемной. Генерал отложил дело в сторону, но так и не услышал окончания доклада адъютанта. Каймадо знал себе цену и без приглашения появился в дверях кабинета. За его спиной бледным пятном отсвечивало растерянное лицо дежурного. Генерал поморщился, раздраженно махнул рукой — дежурный растворился в полумраке приемной — и немигающим взглядом уставился на резидента.

Ниумура поднялся из кресла и с любопытством наблюдал за этой молчаливой «перестрелкой» генерала и капитана. Первым опустил глаза генерал и сделал шаг навстречу Каймадо. Они крепко пожали друг другу руки, а затем Янагита пригласил пройти в заднюю комнату, за кабинетом. Пока они рассаживались за столом, Ниумура погасил верхний свет и включил торшер.

В его свете жесткие черты Каймадо смягчились. В них, как показалось Ниумура, проглядывала усталость. С последней встречи, а это было год назад, когда русская военная разведка перебросила его в Маньчжурию, чтобы разобраться в причинах провала своей агентурной сети в Харбине и восстановить связь с теми, кто уцелел после разгрома, он заметно постарел. В уголках рта залегли глубокие складки, густая седина усыпала виски, а и без того жилистое, узловатое тело еще больше высохло и напоминало корень прошлогоднего женьшеня. Прежними в нем остались глаза: спрятавшись за сильно выступающими скулами, они, как и раньше, цепко смотрели на собеседника.

Янагита широким жестом провел рукой над столом. Ниумура разлил по бокалам дорогой французский коньяк и вопросительно посмотрел на генерала. Тот выдержал долгую паузу и затем произнес тост:

— За капитана японской разведки Каймадо и его усердную работу!

С того памятного для Каймадо дня минуло полтора года. За это время в чудовищной топке войны сгорели миллионы человеческих жизней. Лучшие сыны Японии сложили свои головы в Индокитае и на островах Тихого океана. Войне с янки не было видно конца. Не лучше обстояли дела и здесь, в Маньчжурии. Квантунская армия так и не сдвинулась ни на шаг. Все усилия его и резидентуры оказались напрасны. Трусливые политики в Токио не поверили его информации о переброске в октябре 1941 года под Москву 18 советских дивизий с Дальнего Востока.

И сейчас, сидя в вагоне поезда, мчавшегося в Харбин, Каймадо при одном только воспоминании об этом заскрипел зубами от ярости. В душе была ледяная пустота. Ее холод не смогла растопить даже короткая встреча с родными в Корее, которую организовал Янагита перед тем, как снова направить его в СССР. Он с трудом узнал сестру и брата. Они пришли к нему из другого мира, давно уже забытого им.

Город встретил Каймадо трескучими морозами. Русский Дед Мороз вел себя в Маньчжурии по-хозяйски. На вокзале его ожидал капитан Кокисан. На этот раз они поехали не в японскую военную миссию, а на конспиративную квартиру. Там под охраной немногословной прислуги специалисты японской разведки принялись шлифовать с Каймадо последние детали легенды возвращения в СССР, способы связи с разведцентром и задание. Наряду со сбором разведывательной информации о частях Красной армии ему поручалось «установить глубоко законспирированных агентов Хен Ги Сера, Ма Вен Зия и Ома, взять их на личную связь и включить в работу резидентуры».

На второй день подготовка была свернута. События на Восточном фронте, под Сталинградом, где в «котле» переваривались остатки 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса, развивались столь стремительно, что генерал Янагита вынужден был поторопить Кокисана с отправкой Каймадо в СССР. Японская разведка позарез нуждалась в свежих данных о частях Красной армии, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке.

14 февраля 1943 года Каймадо выехал из Харбина в сопровождении майора Дейсана и капитана Кокисана. На следующий день они были на станции Ери, от нее до русской границы — рукой подать. Здесь им пришлось провести пять дней, чтобы вжиться в обстановку и изучить пограничный режим.

Наступило 20 февраля. Дождавшись, когда стусились сумерки, Каймадо спустился на лед Амура и, пользуясь темнотой, благополучно перешел на советский берег. Но далеко уйти ему не удалось, пограничный наряд задержал нарушителя в нескольких километрах от реки.

На допросе у начальника заставы Каймадо-Пак вел себя уверенно. Легенда прикрытия, отработанная в Харбине, не должна была вызвать сомнений у капитана-пограничника. Но опытный служака, повидавший всякого на своем веку, со знанием дела «тянул жилы» из нарушителя. Ситуация осложнилась. Каймадо-Пак начал «плыть» на деталях и, чтобы окончательно не запутаться, выложил свой главный козырь. Он потребовал связать его с начальником разведотдела Забайкальского фронта.

Это произвело впечатление на капитана-пограничника, но, прежде чем звонить разведчикам, он решил подстраховаться и доложил дежурному Особого отдела фронта о задержании нарушителя. Тот распорядился доставить его в отдел. У особистов имелись веские причины задержать передачу Пака в разведотдел фронта. По данным зафронтового агента, внедренного в японскую военную миссию в Харбине, она располагала *«крупным шпионом, действующем в советской разведывательной сети»*.

В тот же день Пака доставили в Особый отдел фронта. На допросе у старшего следователя старшего лейтенанта В. Скворцова он подтвердил то, что рассказал начальнику погранзаставы, и, ссылаясь на наличие важной информации, потребовал немедленной встречи с руководством разведотдела. Скворцов не спешил с ее организацией и направил к военным разведчикам запрос. Ответ пришел быстро. В разведке подтвердили принадлежность Пака к своей нелегальной зафронтовой сети и, чтобы окончательно рассеять подозрения у особистов, сообщили о

том, что *«...он направлялся в город Цицикар с важным заданием. Занять прочную легализацию. Добыть информацию о японских частях и восстановить связь с закордонным агентом Ваном».*

Теперь, кажется, все стало на свои места, и тем не менее в Особом отделе фронта продолжали удерживать удачливого агента. Кроме информации разведчика, действовавшего в японской военной миссии, особистов насторожило и то, что Пак возвратился с задания на семь месяцев раньше срока. Еще большие подозрения вызвали обнаруженные при осмотре его тела свежие следы ожогов, а на запястьях — кровоподтеки и синяки. За этим угадывался знакомый почерк японской контрразведки. Она не церемонилась с захваченными в плен советскими агентами, подвергала их пыткам, а тех, кто «ломался», перевербовывала и потом перебрасывала за Амур.

Это предположение следователя Скворцова Каймадо, припертый к стенке очевидным фактом, не стал отрицать и подтвердил свой арест японской контрразведкой. А чтобы спастись от полного провала, он прибегнул к легенде, которую Кокисан отработал для того, чтобы как-то объяснить свое досрочное возвращение с задания.

Вслед за Скворцовым историю его злоключений в Маньчжурии пришлось выслушать сначала начальнику 3-го отдела В. Казакову, а потом и руководителю Особого отдела фронта полковнику А. Вяземскому. На допросах Пак рассказал о тех трудностях, которые подстерегали его при переходе границы, а потом преследовали на всем пути до заброшенного в лесной глухомани крохотного поселка Яндяу. Там ему удалось наконец легализоваться, устроившись на работу к мелкому торговцу. На этом везение закончилось. Досадная оплошность, допущенная в разведотделе фронта при оформлении документов прикрытия, стала роковой. Первая серьезная полицейская проверка привела к аресту, и он оказался в лапах японской контрразведки.

Пак не винил в этом своих наставников-разведчиков, сдержанно говорил о пытках, перенесенных в японской тюрьме, и не преминул отметить, что не выдал важного агента Вана в

Цицикаре. Но, оказавшись перед выбором между жизнью и смертью, вынужден был пойти на сотрудничество с врагом.

Теперь, казалось бы, все стало на свои места. Подобные агенты-двойники перед военными контрразведчиками в 43-м году проходили десятками. Большинство из них уже ни на что не годились, и после завершения проверки их отправляли подальше в тыл, в лагерь или строительные батальоны. Но на Паке, похоже, рано было ставить крест как на агенте.

На допросах он засыпал Казакова и Скворцова фамилиями и званиями высокопоставленных офицеров разведки японской военной миссии в Сахаляне и Харбине. Казалось бы, у контрразведчиков появлялся хороший шанс использовать перспективные контакты Пака, чтобы завязать с японской разведкой оперативную игру. Но они не торопились. Казакову и Скворцову не давало покоя слишком долгое пребывание рядового агента-двойника в Сахаляне, а потом в Харбине. В японскую военную миссию просто так никого не направляли.

Многолетний опыт и интуиция подсказывали контрразведчикам, что за всем этим могло скрываться нечто большее, чем заурядное маршрутирование агента для сбора информации о частях Красной армии. И они принялись искать подтверждения версии о том, что Пак мог оказаться тем самым «крупным шпионом», о котором сообщал советский разведчик из Харбина. Ответ на этот вопрос лежал в прошлом Пака. Им предстояла трудная и кропотливая работа — скрупулезно проверить каждый шаг пребывания Пака на советской земле.

После очередного безрезультатного допроса шифровки ушли во Владивосток и Улан-Удэ, где Пак учился и работал. Первый ответ пришел из Владивостока и был положительным. Коллеги из Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю подтвердили, что он зарекомендовал себя твердым партийцем. Действительно, в 1924 году вместе с группой молодых марксистов бежал из Маньчжурии, спасаясь от преследования полиции, и нашел приют в СССР. После проверки в ГПИУ, не жалея себя, включился в строительство социализма. В 1926 году

вступил в ряды ВЛКСМ, а спустя три года его приняли в партию.

Последующий послужной список Пака, а затем секретного сотрудника управления НКВД Ситрова говорил сам за себя. На его счету были десятки разоблаченных «троцкистов» и «ревизионистов». Из разведотдела также пришли положительные отзывы. Добытая им информация о частях Квантунской армии заслужила высокой оценки командования Забайкальского фронта. Казалось, на этом дело в отношении Пака следователь Скворцов мог бы закрыть. Но что-то не сходилось в показаниях, и он снова и снова анализировал материалы, пытаясь найти зацепку.

12 июля Скворцов засиделся в кабинете до глубокой ночи. Сизые клубы дыма плавали под потолком, а в пепельнице росла гора окурков. От усталости и хронической бессонницы голова свалилась на грудь. Он очнулся и пришел в себя от острой боли. На стол шлепнулся тлеющий окурков, а на губе вспух багрово-красный кровоподтек. И тут его осенило! Такие же свежие следы от ожогов имелись и на теле Пака. Следы пыток в японской контрразведке. Пыток, которым он, по его словам, подвергся два месяца назад в Сахаляне!

Пака немедленно вызвали на допрос. Как угорь на раскаленной сковородке, он крутился под перекрестными вопросами Скворцова и про себя клял на чем свет стоит тупоголового начальника сахалянской военной миссии. Его, аса японской разведки, этот чванливый баран подверг унижительной проверке и затем больше месяца продержал в камере со всяким сбродом. Лишь в начале ноября 1942 года он удосужился устроить ему встречу с секретарем японского консульства в Синьцзине Хая Си. Тот признал в нем своего агента, который еще в начале 30-х годов в качестве связного японской резидентуры на Дальнем Востоке доставлял в Харбин шпионские сведения.

После встречи со старым шефом все разительно переменялось. Его тут же вымыли и очистили от тюремной грязи, переодели в модный костюм и в сопровождении майора Дейса-

на и капитана Кокисана доставили к генералу Янагита. Но даже он, всемогущий глава японской военной миссии в Харбине, был уже не в силах исправить промахи, допущенные в Сахалине.

Время оказалось безнадежно упущенным. И уже не имело смысла давать объявление в газете «Манею Симбун» — условный сигнал для русской военной разведки, что он, ее агент Пак, успешно легализовался в Нанкине и ждет связного с рацией. Октябрь давно закончился, и другого выбора у генерала Янагита уже не оставалось, кроме как возвращать его назад по избитой схеме агента-двойника. И ас разведки Каймадо вынужден был терпеть адскую боль от ожогов раскаленным клинком и сигарет, часами висеть подвешенным за руки под потолком. Лучшие мастера заплочных дел из японской контрразведки за две недели до заброски в советский тыл усердно поработали над ним, чтобы не вызвать подозрений в разведотделе Забайкальского фронта. Но до него Каймадо-Пак так и не удалось добраться. И вся из-за этого сахалинского барана. Теперь ему одному приходилось за все расплачиваться.

Он исподлобья ненавидящим взглядом сверлил Скворцова. Этот настырный и цепкий, как клещ, следовательно пытался докопаться до истины. Пока его подозрения рассыпались перед теми аргументами, которые приводил в свое оправдание «лучший резидент разведотдела Забайкальского фронта». Но упорный Скворцов не терял надежды поймать его на деталях. Допросы продолжались, и Паку-Каймадо становилось все труднее избегать ловушек, расставлявшихся перед ним.

Тем временем коллеги Скворцова не сидели сложа руки. Маховик оперативной проверки военной контрразведки набирал обороты. Подобно снежному кому нарастал поток шифровок и спецсообщений, поступавших в Особый отдел Забайкальского фронта из Сталинграда, Азова, Сальска, Ростова-на-Дону и других городов. Пак, агент японской разведки (а в этом ни у Вяземского, ни у Казакова, ни у Скворцова уже не было сомнений), на короткое время появлялся то на артиллерийском заводе «Баррикады», то на химзаводе № 92 в Сталинграде, по-

том на судоверфях Азова и Ростова-на-Дону. А затем бесследно растворился в бескрайних просторах России.

Дело № 2865 на японского агента, а возможно и резидента, как предполагали контрразведчики на основе анализа маршрута передвижения Пака по самым разнообразным регионам, где удалось обнаружить его следы, с каждым днем приобретало все бóльший резонанс. Работу по нему взял под личный контроль начальник ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумов. Он живо интересовался ходом оперативной разработки японского агента. Его короткая и энергичная резолюция на докладной: «*Очень интересное дело! Докладывать еженедельно, лично!*» — была больше чем приказ для начальника УКР Смерш Забайкальского фронта полковника Вяземского.

На разработку Пака и его связей были брошены лучшие силы двух управлений военной контрразведки Забайкальского и Дальневосточного фронтов, НКВД по Приморскому краю, Сталинградской, Ростовской и другим областям. Из архивов были подняты и тщательно изучены материалы на разоблаченных агентов японской разведки в тех местах, где появлялся Пак. И он «засветился». К исходу июля 1943 года военными контрразведчиками была поднята из подполья густая шпионская сеть, сплетенная одним из лучших японских резидентов в СССР.

Под давлением неопровержимых доказательств 20 июля Каймадо-Пак начал давать правдивые показания. Они заслуживали того, чтобы дело № 2865 можно было назвать «очень интересным и многообещающим». В нем нашла отражение по-своему захватывающая история удивительной человеческой жизни и столь редкой в спецслужбе невероятной карьеры.

Каймадо после успешной разведывательной работы на оборонных предприятиях Сталинграда, Азова и Москвы, где ему удалось не только добыть ценные сведения, но и провести ряд вербовок ценных агентов, возвратился в Забайкалье. Руководство японской разведки по достоинству оценило его работу. Каймадо, которому было всего-то 27 лет, поручили создать резидентскую сеть в Забайкалье.

К концу 1937 года он успешно решил и эту задачу: завербовал девять человек, в том числе и четырех советских граждан, занимавших ответственные посты в конструкторском и чертежном бюро паровозоремонтного завода. После перехода в разведывательный отдел Забайкальского фронта он пошел на риск и создал из числа вспомогательного персонала еще одну резидентуру. В числе завербованных оказался переводчик, знавший в лицо многих зафронтовых агентов.

Более того, Каймадо, советскому резиденту, а точнее — японской разведки, была передана на связь вся нелегальная агентурная сеть, действовавшая в Харбине, Цицикаре и других городах Маньчжурии. Это был последний успех Каймадо-Пака и японской разведки.

Оперативная разработка и следствие в отношении Каймадо продолжались до ноября 1943 года. В ходе нее органам военной контрразведки удалось выявить еще двух резидентов японской разведки и разоблачить 39 агентов, находившихся у них на связи. Результаты этой работы оказались столь весомы, что 1 ноября 1943 года начальник ГУКР Смерша НКО СССР В. Абакумов отдельной докладной запиской доложил Верховному главнокомандующему И. Сталину «о разоблачении японских резидентур, действовавших в Забайкалье».

О нем доложили Сталину

Часть первая

Вода, огонь и медные трубы разведчика Прядко

22 июня 1941 года хрупкую предрассветную тишину на западной границе СССР взорвали залпы десятков тысяч орудий и рев моторов армад фашистских самолетов. Невиданный по мощи удар артиллерии и авиации стер с лица земли пограничные заставы и передовые укрепления советских войск. Вооруженная до зубов гитлеровская армия, быстро подавив очаги сопротивления, ринулась в глубь страны. «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед...», которая, по заверениям советских вождей, должна была бить противника на чужой территории, терпела одно поражение за другим на собственной земле. Для них и всего народа все происходящее стало настоящим потрясением.

Вдвойне испытали его оказавшиеся в окружении сотни тысяч бойцов и командиров Красной армии. Одни, раздавленные этой, казалось, несокрушимой мощью германской военной машины, теряли волю к сопротивлению и сдавались в плен. Другие сражались до последнего патрона, который оставляли для себя. Третьи наперекор всему упорно пробивались на восток для соединения с частями действующей армии. К концу осени 41-го года, когда фронт откатился на сотни километров на восток, лишь немногим по силам оказался долгий и тернистый путь к своим.

27 ноября 1941 года на участке обороны 6-й армии Юго-Западного фронта ненадолго установилось короткое затишье. Морозная дымка укутала окопы и нейтральную полосу. Часо-

вые 417-го стрелкового батальона напрягали слух, чтобы не прозевать вылазку вражеских диверсантов.

К концу подходила вторая смена дежурства, когда в тылу гитлеровцев вспыхнула беспорядочная стрельба. Ее шум нарастал и стремительно накатывался на нейтральную полосу. Резервные огневые группы батальона еще не успели занять места в окопах, как наступила разгадка: из тумана перед ними возникли, словно призраки, размытые силуэты. Заросшие, изможденные лица, истрепанное обмундирование и трофейное оружие говорили сами за себя. Это были окруженцы.

Потом, когда радость встречи прошла и была выпита первая кружка спирта, а затем съедена краюха хлеба, командир батальона, пряча глаза от окруженцев, распорядился, чтобы они сдали оружие старшине и отравились на фильтрацию к особистам. В ответ послышался недовольный ропот. Капитан, потупясь, только развел руками. Этот порядок установил не он, и окруженцам пришлось подчиниться.

Возле блиндажа, в котором располагался фильтрационный пункт Особого отдела НКВД СССР 6-й армии, выстроилась молчаливая очередь. Бойцы нервно переминались с ноги на ногу и исподлобья постреливали колючими взглядами на брезентовый полог, закрывавший вход. За ним происходило что-то непонятное. Прошло пять минут, десять. Но никого в блиндаж так и не вызвали. Похоже, особист решил поиграть на нервах окруженцев.

Но те, кто так думал, были не правы. В это время оперуполномоченный лейтенант государственной безопасности Виктор Макеев просматривал документы окруженцев. Опрос он решил начать со старшего лейтенанта Прядко. Его настораживало то, что разношерстную группу бойцов и младших командиров возглавил не политрук или строевой офицер, а какой-то интендант. Здесь, как ему казалось, было что-то нечисто, и в голове зароилось подозрение, как бы тот не оказался подсадной уткой гитлеровской разведки. За пять месяцев войны Макеев насмотрелся всякого и уже ничему не удивлялся. На всякий случай,

расстегнув кобру и проверив пистолет, он приказал сержанту вызвать Прядко.

Прядко решительно вошел в блиндаж и, освоившись с полумраком, уселся на табурет, не спрашивая разрешения. В свете чадающего фитиля на Макеева из-под буйной пряди волос с вызовом смотрели карие глаза. Судя по всему, перед ним сидел крепкий орешек, и он решил для разминки «поколоть» его на косвенных признаках.

Это ничего не дало. Прядко держался уверенно и без запинок отвечал на самые каверзные вопросы. Не взял его Макеев и на испуг. На обвинение в лоб в связях с гитлеровской разведкой последовал ироничный и хлесткий ответ. В душе Макеева начали вскипать раздражение и злость, но разум взял верх, и тогда он иными глазами посмотрел на дерзкого, не лезущего за словом в карман интенданта. Тот, похоже, оказался настоящей оперативной находкой.

В те тяжелейшие дни, когда обстановка на фронте менялась каждый день и враг, казалось, находился повсюду, иметь в чужом стане свои глаза и уши было пределом мечтаний военных контрразведчиков. Но Макеев не спешил с решением. Гитлеровцы тоже не лыком были шиты. Опасаясь самому оказаться игрушкой в руках абвера, он продолжил дальнейшую проверку Петра Прядко.

Она заняла не больше часа. В группе окруженцев оказались сослуживцы, знавшие Петра еще по довоенным временам. Главным же аргументом, убедившим Макеева в мысли задействовать его в качестве зафронтowego агента, было то, что Прядко ни минуты не находился во вражеском плену, а значит, не мог быть завербован. Это свое предложение Макеев в тот же день доложил начальнику Особого отдела НКВД СССР 6-й армии капитану государственной безопасности Павлу Рязанцеву. Тот после ряда уточняющих вопросов согласился и потребовал дело в долгий ящик не откладывать.

Спустя сутки после выхода из окружения Петр уже находился в Особом отделе армии и там под личным руководством

Рязанцева на ходу принялся осваивать непростую «азбуку» разведки и контрразведки.

В том, что Макеев в нем не ошибся, лучше всего говорит оперативная и личная характеристика на зафронтowego агента Гальченко, позже утвержденная Рязанцевым.

В ней отмечалось:

«Прядко Петр Иванович, оперативный псевдоним «Гальченко», он же «Петренко», кадровый сотрудник абвергруппы-102, 1913 года рождения, уроженец м. Каневцы, Чернобаевского района, Полтавской области, украинец, кадровый военный, в Красной армии с 1937 года...

Принимал участие в разработке...

По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный. Быстро и хорошо ориентируется в боевой обстановке.

К заданиям относится серьезно и выполняет их точно, в соответствии с нашими указаниями...»

Какие задания и где их предстояло выполнять, Петр такими вопросами, видимо, не задавался. В те суровые дни перед бойцами и командирами Красной армии стояла только одна задача: как можно больше забрать жизней врагов. И потому столь неожиданный поворот в службе и судьбе он встретил как должное. Короткое слово «надо» не оставляло места для сомнений. С того дня начался короткий и яркий путь в разведке Петра Прядко.

Вряд ли в ту лихую годину Макеев, Рязанцев, а тем более сам Петр думали, что спустя 60 лет совершенно секретные донесения и рапорты из дела зафронтowego агента Гальченко станут предметом исследований историков отечественных специальных служб, войдут в известные сборники «Смерш», «Военная контрразведка России. История, события, люди» и послужат основой для настоящего очерка. Тогда все они мечтали только о том, как выжить и победить.

СОВ. СЕКРЕТНО

Д О К Л А Д

Зажв 5 (2)

ЗА ФРОНТОВОГО АГЕНТА "ГАЛЬЧЕНКО" ВОЗВРАТИВШЕГОСЯ
ИЗ ТЫЛА ПРОТИВНИКА.

ОО НКВД РСФСР
17/У-1942 года.

Принял: Нач.ОО НКВД 6 Армии -
Капитан г/б - РИЗАНЦЕВ.

Выполняя Ваше задание, мной в ночь с 13 на 14 апреля была передана линия обороны румынских войск / вышел из с. Ново-Ивановка - расположение войск Красной Армии и утром 14/IV-42 г. я прибыл в с. Алексеевку, где на встречу вышло 6 румынских солдат, которые меня обыскали и повели в коменданту.

Придя к коменданту / проводивший солдат предупредил, что он майор / я заявил, что являюсь немецким агентом и сказал пароль "АТЭС-И-ДИР-ИЖИОН". Он сразу дал распоряжение подать завтрак, после чего выважал и задал несколько вопросов в отношении количества войск в Лозовой и Ново-Ивановке, не видел ли я танков / этот майор по русски разговаривал плохо.

На все эти вопросы я ему ответил, что имею строгое предупреждение от немецкого генерала / сказал "генерал" просто для большей убедительности и жесткости этих слов / чтобы я кроме него никаких показаний никому не давал и что-бы при переходе линии фронта требовал немедленной отправки меня к нему по указанному паролю. Что касается войск в Лозовой - то мне не было вадания, поэтому не интересовался, да и не успел, так как в Лозовой был мало. Войска мал видел, их мало знал, что там войска 270 СД; Ново-Ивановку переходили ночью / Танков нигде не видел.

Майор потом сказал, что он лично интересуется этими вопросами, а подробно меня спросит в штабе. Написал записку, выважал солдата и меня он повел в с. Ново- Николаевка.

Идя в это село, сразу за с. Алексеевка по дороге в бадке стоял румынский часовой. Я спросил солдата, почему здесь часовой, то он мне сказал, что здесь заминирована дорога и он для этого поставлен / действительно я увидел это сам и ма этот участок дороги - метров 80-100 обходили /.

Из разговоров по пути я узнал, что в Ново-Николаевке находится штаб румынского полка. Так же в разговоре со мной этот солдат жаловался на войну.

В штабе куда мы пришли в 9 ч. утра, допрос производил полковник через переводчика / как говорил об этом переводчик / Я сказал, что являюсь немецким агентом, назвал пароль. На это он сказал: " А Вы правду говорите, что немецкий агент". Я ему ответил, что верить или не верить - это его право, а меня срочно доставьте к немцам и тут-же заявил, что отправляя меня на разведку немецкий генерал предупреждал, чтобы я никому никаких показаний не давал. На это полковник, заявил, что он вместе с немцами воюет против

Тем временем обстановка на фронте серьезно осложнилась. Враг снова перешел в наступление, а в тылу советских войск активизировалась его агентура. Руководство Особого отдела 6-й армии вынуждено было форсировать подготовку Петра. В ночь с 14 на 15 января 1942 года Гальченко, теперь уже зафронтовой агент под легендой дезертира-перебежчика, перешел на сторону гитлеровцев. Первая часть задания им была выполнена. Вторая и более сложная, связанная с внедрением в подразделение абвера — абвергруппы-102, осуществлявшую разведывательную и диверсионную деятельность в полосе обороны 6-й армии, могла закончиться ничем. Путь из лагеря в немецкую разведку оказался непрост.

Прежде чем Петр попал в поле зрения вербовщиков из абвергруппы-102, он до дна испил горькую чашу советского военнопленного в сборно-пересыльном пункте, находившемся в окрестностях города Славянска Донецкой области: голод, холод, унижения со стороны охраны. Но не это стало главным испытанием для него, а презрение товарищей по несчастью, когда они узнали, что он пошел на сотрудничество с гитлеровцами и решил стать их шпионом.

Расчет капитана Рязанцава на то, что грамотный, толковый офицер, «обиженный на советскую власть», может оказаться для абвера гораздо более перспективным, чем десяток перевербованных сержантов и рядовых, которых пачками забрасывали в советский тыл, полностью оправдался. Уже на первой ознакомительной беседе Петр приглянулся заместителю начальника абвергруппы-102 бывшему петлюровскому офицеру Петру Самутину. Набивший руку на вербовках агентов еще в белогвардейской контрразведке и съевший собаку в своем деле, он положил глаз на «пышущего ненавистью к Советам» смышленного офицера.

Прошло несколько дней, и положение Петра резко изменилось. Его направили в базовый лагерь подготовки абвергруппы-102, находившийся в то время в Славянске. После беседы с ее начальником, кадровым военным разведчиком под-

полковником Паулем фон Гопф-Гойером, инструктора начали спешно готовить военнопленного Гальченко, теперь уже агента Петренко, к выполнению шпионского задания.

В ночь с 25 на 26 января 1942 года новоиспеченный агент абвера перешел линию фронта с разведывательным заданием и уже вечером находился в кабинете капитана Рязанцева. Возвратился Петр не с пустыми руками. Десяти дней пребывания в абвергруппе-102 ему хватило, чтобы изучить ее структуру, собрать установочные и характеризующие данные на ряд кадровых сотрудников. Более того, он исхитрился добыть сведения на двенадцать агентов, готовившихся для заброски в советский тыл.

В те суровые дни, когда военная контрразведка только начинала делать первые шаги по агентурному проникновению в гитлеровские спецслужбы, операция «ЗЮД», такое кодовое название она получила с легкой руки Павла Рязанцева, стала несомненным успехом. О нем он доложил начальнику Особого отдела Юго-Западного фронта Петру Ивашутину. Операция «ЗЮД» и работа с перспективным зафронтовым агентом Гальченко была им взята на личный контроль.

В целях укрепления оперативных позиций Петра в абвергруппе-102 Павел Рязанцев с помощью офицеров штаба армии подготовил для Гопф-Гойера «ценную разведывательную информацию».

14 апреля подошел к концу срок выполнения задания агентом Петренко в расположении частей Красной армии, и он вынужден был снова возвращаться к «своим», пережив при этом несколько тревожных минут: контрразведчики, осуществлявшие его вывод за линию фронта, в темноте ошибочно забрались на минное поле.

В группе Петренко встретили как героя. Добытые «ценные сведения» Гопф-Гойер доложил командованию 17-й армии вермахта. Вслед за этим последовало повышение Петра по служебной лестнице. Удачливого агента Петренко назначили командиром разведывательной группы. В ее состав в качестве

заместителя командира группы вошел агент Чумаченко, а радистом — Погребинский. Их начали интенсивно готовить для выполнения важного задания.

Гитлеровское командование накануне крупного контрнаступления под Харьковом остро нуждалось в свежих разведывательных данных о частях Красной армии на этом участке фронта.

Гопф-Гойер решил, что именно группа опытного Петренко должна первой осесть в тылу советских войск и обеспечить штаб 17-й армии необходимой информацией.

17 мая группа была переброшена через линию фронта. Погребинский передал в эфир первую радиограмму об успешной легализации. Все последующие его сообщения шли уже под диктовку военных контрразведчиков. Здесь сказалась предварительная работа Петра с агентами абвера. На первом же допросе они сознались в связях с германской разведкой и предложили свои услуги.

Операция «ЗЮД» набирала обороты. О важной роли в ней Петра Прядко-Гальченко было доложено начальнику Управления особых отделов НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3 ранга Виктору Абакумову.

В спецсообщении по делу «ЗЮД» говорилось:

«В расположение Особого отдела НКВД 6-й армии вернулся из тыла противника агент «Гальченко».

«Гальченко» по заданию ОО НКВД 6-й в январе с. г. посылался в тыл противника по внедрению в немецкие разведорганы.

Выполнив это задание, «Гальченко» в начале февраля с. г. возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой разведкой в гор. Славянске.

Вторично, с соответствующими дезинформационными материалами, «Гальченко» был послан в тыл противника 14 апреля с. г., оттуда возвратился 17 мая с. г.

Вернувшись из тыла противника, «Гальченко» привел с собой двух немецких шпионов — Чумаченко и Погребинского, которые

нами перевербованы. Он также принес ряд данных о разведорганах 17-й немецкой армии, разрабатываемом нами по агентурному делу «ЗЮД», о положении на оккупированной противником территории, о предателях и изменниках Родины, сведения о расположении воинских частей и т. п...»

Операция «ЗЮД» вышла на качественно иной уровень. Контрразведчики получили возможность вести игру с гитлеровской спецслужбой на двух полях: через Петра — в абвергруппе-102, а с помощью перевербованных Чумаченко и Погребинского — на своей территории. Но трагическое развитие обстановки на фронте помешало их замыслу. Два мощнейших контрудара вермахта в районе Белгорода и Харькова обрушили советский фронт. 6-я армия и ее особый отдел оказались в окружении. Капитан Рязанцев и его подчиненные отстреливались до последнего патрона, но в плен не сдались.

Петр, потеряв связь с особистами и ничего не зная о судьбе Погребинского и Чумаченко, принял рискованное для себя решение: продолжать выполнение задания Рязанцева. Он покинул отступавшие части Красной армии и двинулся на запад, навстречу к немцам. Там его ждала ставшая уже дежурной проверка в группе. И на этот раз он не вызвал подозрений. Более того, Гопф-Гоейр ставил его в пример другим. В частности, он заявлял: *«Ваш случай нужно рассказывать всем агентам, и это для них будет поучительно. Если бы все такие были, как Вы, это было бы очень хорошо. Пока отдыхайте. Я скажу, чтобы Вам дали много денег, папирос и водки».*

Долго отдыхать Петру не пришлось. Он был зачислен в кадровый состав абвергруппы-102 и назначен на исключительно важный участок работы, связанный с подготовкой документов прикрытия на агентуру, направляемую на советскую территорию. О такой удаче вряд ли могли мечтать Рязанцев и Макеев. Их разведчик получил доступ в святая святых в любой разведке и не преминул воспользоваться этим. В памяти Петра и тайнике накапливались установочные данные на агентов, их анкеты и фотографии.

26
18
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА

тов. АБАКУМОВУ.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По агентурному делу "З Д Д" - о возвращении из тыла противника
агента "ГАЛЫЧЕНКО".

В распоряжение Особого Отдела НКВД 6-й армии вернулся
из тыла противника агент "ГАЛЫЧЕНКО".

"ГАЛЫЧЕНКО", по заданию СО НКВД 6-й армии, в январе с.г.
посылался в тыл противника на внедрение в немецкие разведорганы.

Выполнив это задание, "ГАЛЫЧЕНКО" в начале февраля с.г.
возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой развед-
кой в гор. Славянске.

Вторично, с соответствующим дезинформирующим материа-
лом, "ГАЛЫЧЕНКО" был послан в тыл противника 14-го апреля с.г., откуда
возвратился 17-го мая с.г.

Вернувшись из тыла противника, "ГАЛЫЧЕНКО" привел с
собой двух немецких шпионов - ЧУМАЧЕНКО и ПОГРЕБИЧКОГО, которые нами
арестованы. Он также принес ряд данных: о разведорганах 17-й немецкой
армии, разрабатываемом нами по агентурному делу "З Д Д"; о положении на
оккупированной противником территории; о предателях и изменниках
Родины; сведения о расположении воинских частей и т.д.

Штаб 17-й немецкой армии размещен в гор. Горловка.
Здесь же, по ул. Комсомольская, 18, помещается и разведывательная группа.
Отделение разведки армии помещается в г. Константиновка, по ул. Ново-
садовая, № 207, 210, 212 и 216. Руководящим составом отделения являются:

1. Подполковник немецкой армии /обрст-лейтенант/,
возглавляет отделение /фамилия не установлена/;
2. Обер-лейтенант /фамилия не установлена/, является
помощником у подполковника, недавно прибыл из гор. Таганрог;

Время шло, но на связь с ним никто не выходил. Рязанцев и Макеев погибли, а те из работников Особого отдела, которые выжили и имели отношение к операции «ЗЮД», полагали, что зафронтовой агент Гальченко тоже давно погиб. Петр этого не знал и продолжал собирать разведывательный материал; он надеялся, что связник рано или поздно даст о себе знать. Надежде не суждено было сбыться.

Наступило жаркое лето 42-го года. Оно обернулось катастрофой для советских войск. В знойных донских степях войска, оставшись без надежного воздушного прикрытия, становились легкой добычей фашистской авиации. На земле бронетанковые и моторизованные части вермахта перемалывали, как в мельничных жерновах, остатки истрепанных в непрерывных боях 51-й и 64-й армий.

Фронт стремительно откатывался на восток. Вслед за ним продвигались разведывательно-диверсионные подразделения абвера.

Новым местом дислокации абвергруппы-102 стал Ростов-на-Дону. Там на улице Первая Баррикадная до 10 августа находился ее штаб, в котором работал Петр. Так и не дождавшись связника, он решил действовать самостоятельно и старался как мог затруднять деятельность разведывательно-диверсионных групп, посылавшихся в тыл Красной армии. Петр вносил в документы прикрытия агентов такие искажения, которые потом позволили бы советским контрразведчикам облегчить их поиск. Продолжалось это недолго, на неточности в документах обратил внимание Самутин.

Реакция Гопф-Госейра последовала незамедлительно. Разведчика арестовали, и началось расследование. От расстрела Петра спасло то, что в одном из образцов, с которого он копировал документы, действительно имелась ошибка. Прошлые заслуги и та интенсивность, с которой работал гитлеровский конвейер шпионов, когда «тайной канцелярии» приходилось пачками штамповать липовые документы для липовых красноармейцев, послужили для него оправданием. Петра выпустили из-под ареста, и ему пришлось на время затаиться.

В тот, пожалуй, самый трудный для Петра период жизни, когда он остался один на один с противником, а с фронта приходили вести одна хуже другой, судьба словно в награду за терпение необыкновенно щедро одарила его. В разрушенном войной и оккупированном фашистами Ростове разведчик встретил ее, свою самую большую Любовь — Веру Пивоварчук. Свидетельством тому являются пятьдесят с лишним лет их совместной жизни и выцветший от времени лист бумаги, дошедший до наших дней из дела зафронтового агента Гальченко.

Группа готовилась к переезду на новое место, в Краснодар. Петр, накопивший большой объем разведанных, решил рискнуть и подготовил пакет, в который вложил списки заброшенной и готовившейся к заброске в советский тыл гитлеровской агентуры, образцы некоторых документов прикрытия, фотографии и рапорт на имя капитана Рязанцева. Перед отъездом он оставил их Вере и попросил при освобождении города частями Красной армии передать представителю Особого отдела.

Своего адресата пакет ждал шесть месяцев. 14 февраля 1943 года части Южного фронта освободили Ростов. Вера достала из тайника документы, оставленные Петром, и принесла в Особый отдел. Подобных случаев в практике его начальника еще не было. Зафронтовой агент Гальченко не только выжил, но и наперекор всему продолжал действовать.

В тот же день сухим лаконичным языком шифровки он доложил в Управление особых отделов НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3 ранга Виктору Абакумову о результатах его работы. Она почти слово в слово повторяет рапорт Петра:

«В Ростове-на-Дону группа пробыла до 10 августа 1942 г. За это время было заброшено до 12 агентов, из которых возвратилась лишь половина. В этот раз им были выданы очень плохие документы...»

В Ростове-на-Дону начальством группы-102 оставлен агент для внутренней работы (фамилию — см. приметы стр. 11)...

Там же во время пребывания группы 102 в Ростове в этот же период находился радист по имени «Игорь», которого вскоре некий капитан, представитель группы 101, забрал для переброски самолетом (прыжок с парашютом), где-то район Сталинграда...

Далее со страницы 11 своего рапорта Петр дает характеристики и приметы агентов и сотрудников абаергруппы-102:

Шофер Зверев Алексей, «Алекс», «Павел» — работает в группе с декабря 1941 г.

До войны находился в кадрах РККА в звании воентехника 2 ранга. В плен перешел в первые месяцы войны.

В группе больше всего ездит на машине, которая развозит агентов для переброски через фронт и при доставке их обратно из передовых частей в группу.

В группе пользуется большим доверием, и, как правило, машина посылается в ответственные задания.

В отношении советской власти настроен плохо, всецело в разговорах и на деле симпатизирует немцам.

Его семья — жена проживает в г. Симферополе (Крымская АССР). В марте ездил к жене, поддерживает с ней переписку.

Приметы: Возраст до 30–32 лет, среднего роста, голова лысая, в переднюю челюсть вставлены 2 белых металлических зуба, лицо смуглое, глаза черные...»

В докладной начальника Особого отдела Южного фронта не нашлось места нескольким строчкам из рапорта Петра Ивановича. Строгий стиль служебного документа не допускал ничего личного. И все же они заслуживают того, чтобы привести их. В наш прагматичный и циничный век они, вероятно, звучат наивно. Но не нам, которым не дано было жить в том суровом времени, судить их. Они были скромны в словах, но необыкновенно щедры и благородны в поступках.

Вручая Вере запечатанный пакет для капитана Рязанцава, Петр постеснялся выразить то, что чувствовал к ней. Он изложил это в короткой записке:

«Будучи в Ростове-на-Дону, я установил связь с комсомолкой Верой Пивоварчук (проживает г. Ростов, Красный Город Сад, ул. Баррикадная № 5/7), надежным и верным товарищем...»

Этот пакет, грозивший Вере смертью, остался в Ростове-на-Дону и ждал прихода в город частей Красной армии, а тем временем сам Петр вынужден был отправиться навстречу неизвестности и новым опасностям.

По прибытии к месту назначения, в город Краснодар, новый начальник абвергруппы-102 капитан Мартин Рудель энергично принялся за дело. Штаб разместился в двухэтажном купеческом особняке, находившемся на улице Комсомольская, дом 58, а вблизи фронта, в станицах Хадыженская, Крымская и Абинская, были оборудованы пункты заброски агентуры.

Август — октябрь 1942 года стали решающими в битве за Кавказ, и сотрудникам группы пришлось работать без отдыха и выходных. Вербовки агентов из числа советских военнопленных и полицейских, их ускоренная подготовка и заброска в тыл частей Закавказского фронта были поставлены на поток. Особую активность проявляли фельдфебель Аппельт, инструкторы Лысый и Шевченко. Петр как мог старался затруднить деятельность инструкторов и искал способ дискредитировать их. Вскоре он нашелся и оказался весьма простым, но зато эффективным по результатам.

Националистические взгляды Романа Лысого Петру были известны. Москалей тот люто ненавидел, и когда заходил разговор на эту тему, то в запале от Лысого доставалось не только москалям, перепадало и немцам. До поры до времени Рудель сквозь пальцы смотрел на его завихрения. Но чаша терпения переполнилась, когда он «случайно» обнаружил в папке Лысого листовки антинацистского содержания. На допросе тот отрекся от них как черт от ладана и заявлял, что «это рука агента большевиков». Здесь Лысый был прав — то была рука разведчика Прядко. Заверения в преданности и прошлый послушный список не спасли Лысого от отчисления из абвергруппы-102.

Следующий удар Петр нанес по одной из ключевых фигур группы, по фельдфебелю Аппельту. На нем «висели» финансы, в том числе и те, которые выдавались агентуре. Найти у него уязвимое место, как это было в случае с Лысым, оказалось делом гораздо более сложным. Аппельт, «истинный ариец» со своим особым статусом, держался на расстоянии от черной кости — инструкторов-славян. И все-таки уязвимое место у него нашлось. Он грешил нарушениями в работе с секретными документами и нередко брал их с собой на квартиру. Петр решил рискнуть. Однажды, воспользовавшись его отсутствием, он проник в квартиру. Риск оправдался: в руки разведчика попали сводные списки агентуры, ведомости оплаты и две тысячи рейхсмарок.

Пропажа быстро обнаружилась. Аппельт жестоко за нее поплатился. Его сняли с должности и направили в Варшаву в штаб «Валли-1» — специальный орган управления «Абвер-заграница», созданный в июне 1941 года для ведения разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза. Но пострадал не только он. Вся та агентура, что значилась в пропавших списках, было отчислена из группы и возвращена в лагерь для военнопленных.

Участившиеся провалы агентуры, ЧП, происшедшие с Лысым и Аппельтом, видимо, послужили причиной чистки в руководстве группы. В ноябре 1942 года Руделя сменил капитан Карл Гесс, но и он недолго продержался. Сгубила его не измена немецкому шнапсу, потерявшему прежний градус, и любовь к русской водке, а очередное, из ряда вон выходящее происшествие. Его сотворил все тот же неугомонный Петр.

Наступило Рождество. В группе на время забыли про неудачи на фронте и провалы агентуры. В кабинетах звучали выстрелы, но не пистолетные, а из бутылок шампанского. Недостатка в нем не было. Дежурные машины регулярно доставляли шампанское ящиками и спирт канистрами из подвалов завода шампанских вин Абрау-Дюрсо. Гесс, и до назначения в Краснодар водивший дружбу с «зеленым змием», здесь, вдали

от начальства, расслабился и пил, как говорится, не просыхая. Дисциплина среди личного состава падала на глазах.

Этим решил воспользоваться Петр и по-своему готовился к Рождеству. Он давно присматривался к водителю группы Василию Матвиенко. Бывший красноармеец попал в плен, будучи контуженным, и, оказавшись перед лицом голодной смерти, принял предложение вербовщика Самутина: перешел на сторону фашистов. Скрипя зубами, он тащил ненавистную фашистскую лямку, а в глубине души продолжал оставаться советским человеком. Петр, тонкий психолог, почувствовал в нем эту двойственность и принялся исподволь готовить на роль своего помощника. Петр при этом серьезно рисковал.

Наступление советских войск под Сталинградом ускорило их сближение. Незадолго до Нового года между ними состоялась решающая беседа. И когда она закончилась, Петр был рад, что не ошибся в Василии. Тот согласился начать тайную войну против фашистов. И первое, что они решили сделать, — это подложить большую свинью Гессу и его шпионам вместо традиционного рождественского гуся. Кража служебных документов или оружия у сотрудников была отклонена Петром: он решил не повторяться. Его изобретательный ум нашел более простой и эффективный способ, как скомпрометировать не только Гесса, но и деятельность всей группы.

Несколько ночей подряд они ждали подходящего момента. Наконец он настал. Пронизывающий январский ветер шершавой поземкой хлестал в лицо редким патрулям и тоскливо завывал в разрушенных печных трубах. Тусклый свет фонарей таял в призрачной мгле. Дежурный по группе, придвинувшись к печке, сонно клевал носом и не заметил, как две серые тени выскользнули за дверь. Наутро он, а вслед за ним мгновенно протрезвевший Гесс и жители города Краснодара увидели на фасаде штаба группы плакат. На плакате черным по белому большими печатными буквами было написано:

*«Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами.
Вам не уйти от кары».*

Шпионское гнездо абвера оказалось засвеченным. Скандал вышел грандиозный. Из Варшавы, из штаба «Валли-1», в Краснодар прикатила специальная комиссия и приступила к расследованию. Злоумышленника она не нашла, но меры приняла решительные. Штаб группы перебазировался в неприметное одноэтажное здание по улице Седина. Часть агентов отправили в лагерь для военнопленных, а самого Гесса увезли в Варшаву. Исполнять обязанности начальника абвергруппы-102 поручили обер-лейтенанту Бруно Штайну.

Он, настоящий профессионал, попытался взять ситуацию в руки и наладить работу, но наступление частей Северо-Кавказского и Закавказского фронтов не позволило ему это сделать. Ситуация на фронте серьезно осложнилась. Остаться в городе и продолжать испытывать судьбу дальше было равносильно самоубийству. Не дожидаясь команды сверху, Штайн самостоятельно принял решение эвакуировать группу.

В суматохе сборов Петр выбрал момент и разыскал начальника местной типографии. К нему он давно приглядывался как к своему будущему помощнику. И не ошибся. Тот без колебаний принял пакет для советских контрразведчиков. В нем находились последние разведывательные материалы, в том числе и данные на 14 гитлеровских агентов, заброшенных в тыл Красной армии.

Краснодар группа покидала под грохот артиллерийской канонады и треск пулеметных очередей. Части 31-й стрелковой дивизии и 40-й мотострелковой бригады 46-й армии Северо-Кавказского фронта ворвались на восточную окраину города. Ураганный огонь артиллерии сметал с лица земли целые кварталы одноэтажных глинобитных хат и не давал пехоте генералов Бутлара и Пикерта высунуть головы из окопов. Танковые батальоны и штурмовые роты 40-й мотострелковой бригады и 31-й стрелковой дивизии, несмотря на отчаянное сопротивление немцев и румын, продолжали вести наступление и метр за метром вгрызались в оборону противника. Порой казалось, что земля и воздух пропитались смрадным запахом смерти, а

город напоминал собой огромный костер, в котором сгорали тысячи людей.

К рассвету 12 февраля 1943 года сопротивление фашистских войск было сломлено, и лишь на отдельных участках отборные эсэсовские части продолжали отчаянно защищаться, но это уже не могло остановить наступления. Советские танки прорвались в город и при поддержке пехоты стремительно продвигались к центру. К полудню северо-восточные окраины и главная улица Краснодара — Красная перешли под полный контроль штурмовых подразделений 40-й бригады генерал-майора Никиты Федоровича Цепляева. С приближением темноты бои переместились в район железнодорожного вокзала и маслозавода. Ближе к ночи отступление гитлеровцев из города превратилось в паническое бегство.

У понтонной переправы сгрудились сотни машин, повозок и тысячи обезумевших от страха людей. Сметая на своем пути редкие кордоны военных комендатур и тайной полевой полиции, они рвались на спасительный левый берег Кубани. Расстрелы паникеров и отчаянные призывы командиров не в силах были остановить охваченных ужасом и отчаянием солдат и офицеров. Спасаясь от гусениц советских танков, они штурмом брали переправу, плоты и лодки, вышвыривая в ледяную воду раненых и слабых. Зловонная лента из вздувшихся человеческих трупов и трупов животных на несколько километров протянулась по песчаной отмели.

Штайн остановившимся взглядом смотрел на эту ненавистную русскую реку и в душе благодарил Бога, что успел унести ноги из того ада, что бушевал за ней. Зябко поведя плечами, он нырнуть в кабину «опеля». Вслед за ним инструкторы и агенты-курсанты поспешили занять места в машинах, и колонна, извиваясь словно змея, медленно поползла по горной дороге к новому месту назначения — к станции Крымской.

Штаб группы разместился на окраине станицы в заброшенных корпусах консервного завода. Вместе с заместителем по контрразведке лейтенантом Райхдихтом, лейтенантом Рей-

хером, радистом Куном и русскими инструкторами Шевченко, Самутиным и Петренко Штайн в пожарном порядке занялся его обустройством. Другой его заместитель, обер-лейтенант Краузе, с архивом и картотекой на агентуру осел в приморском городке Темрюке, подальше от фронта и спецгрупп захвата военной контрразведки. Опытный инструктор ефрейтор Шойрих остался в соседней станице Абинской, чтобы подготовить пункт переброски агентуры за линию фронта и оборудовать учебный полигон для обкатки курсантов на бывшем кирпичном заводе.

Двое суток, пока не была налажена связь, Штайна никто не беспокоил. Но как только она заработала, о нем вспомнили на самом верху. Шифроаппарат выплюнул на стол дырявую, будто швейцарский сыр, бумажную ленту. Через полчаса перед Штайном лежала уже расшифровка приказа из штаба «Валли-1». В течение недельного срока ему предстояло выполнить то, что не удалось сделать за все предыдущие месяцы предшественникам — капитанам Руделю и Гессу. Пять самых боеспособных групп агентов, направленных для совершения диверсий в Туапсе, Поти и Баку, канули как в воду.

В ярости швырнув шифровку на стол, Штайн набросил на плечи шинель и вышел на крыльцо. Перед его глазами на перекладинах, наспех сделанных из водопроводных труб, болтались будущие диверсанты, террористы и разведчики. Они представляли собой жалкое зрелище. Этот контингент Райхдихт и Самутин с трудом нагребли в лагере военнопленных в Краснодаре и отобрали из числа полицейских, бежавших из захваченных красноармейцами казачьих станиц правобережной Кубани.

Штайн с ненавистью смотрел на снующих по двору курсантов. Их угловатые движения, резавшие глаз профессионала, походили на выступление дешевого деревенского балагана. Все они — русские, украинцы, грузины, армяне — казались ему на одно лицо. Лицо дикого, коварного и мстительного азиата. За полтора года работы на Восточном фронте он мог по пальцам пересчитать те редкие случаи, когда из подобного сброда получалось что-то дельное.

В сердцах сплюнув на раскисшую землю, Штайн возвратился в кабинет, вызвал дежурного и распорядился свернуть занятия и отправить группу Загоруйко на обкатку в Абинскую. Из-за цейтнота ему ничего другого не оставалось, как пустить агентов по «кругу гладиатора» — зрелище не для слабонервных. У некоторых оно вызывало брезгливые гримасы на физиономии, но он плевал на паркетных чистоплюев, за глаза называвших его мясником Бруно. Важен был результат, а «круг гладиатора» давал результат стопроцентной надежности агента.

Через 15 минут грузовик, под тентом которого вместе с Загоруйко и Шевченко сидели 11 агентов-диверсантов, тронулся со двора. Вслед за ними выехал Штайн с инструкторами фельдфебелем Бокком и Петренко. Расстояние от Крымской до Абинской составляло чуть больше 10 километров, но из-за налетов русской авиации поездка растянулась на целый час. На месте их встретил ефрейтор Шойрих и предложил перекусить. Штайн наотрез отказался. Здание правления бывшей табачной артели «Рассвет», казалось, на века пропиталось табаком, от одного запаха которого Штайна мутило. Он предпочел остаться на дворе, мелкими глотками пил кофе, поданный расторопным Шойрихом, и наблюдал за тем, как Загоруйко с Шевченко повели колонну диверсантов в сторону кирпичного завода.

Шум мощного двигателя, донесшийся с улицы, заставил Штайна встрепенуться. Перед воротами остановился грузовик, его кузов был плотно затянут тентом. Из кабины выглянул Райхдихт и махнул рукой. Не допив кофе, Штайн вместе с Бокком и Петренко сели в «опель» и поехали в сторону завода. Там их встретил Шевченко и провел под навес. Загоруйко и диверсанты, предчувствуя недоброе, нервно переминались с ноги на ногу и настороженно поглядывали в сторону начальников. Штайн не спешил с командой и ждал, когда подъедет грузовик с Райхдихтом.

Машина въехала в ворота и остановилась у стены сарая. Райхдихт спрыгнул на землю и, старательно обходя лужи, направился к навесу. За его спиной раздались отрывистые

команды. Охрана, взяв автоматы наизготовку, прикладами и пинками стала высаживать из кузова пленных красноармейцев. Их оказалось тоже одиннадцать, столько же, сколько и диверсантов. Они с ненавистью смотрели на лощеных гитлеровских офицеров и таких же, как сами, русских, от которых их отделяла одна незримая черта — предательство.

Штайн брезгливо поморщился: от пленных исходил тошнотворный запах давно немытого тела. Дал команду часовым. Те выстроили пленных напротив диверсантов. Со зловещей ухмылкой он осмотрел шеренги и кивнул Шойриху. Тот подхватил мешок, в нем что-то погромыхивало, протрусил на середину двора, остановился у опрокинутого на землю пожарного щита и выложил на него армейские тесаки. Их оказалось ровно двадцать два. Пленные угрюмо наблюдали за происходившим, а диверсанты с нарастающей тревогой поглядывали на Штайна. И те и другие уже догадались, что их ждет впереди.

Шойрих возвратился под навес. Штайн перевел взгляд на строй диверсантов и остановился на Буруне. Тот судорожно сглотнул и сделал шаг вперед. Ему повезло — его противником оказался раненый красноармеец. Штайн взмахнул рукой. Часовой выхватил из-за пояса штык-нож, разрезал веревку, связывавшую руки пленного, и пихнул в спину. Тот едва удержался на ногах и, припадая на правую раненую ногу, устремился к щиту с тесаками. Холодная сталь ножа придала ему сил и уверенности. Он метнулся к пролому в стене склада, вслед за ним ринулся Бурун. Во дворе воцарилась зловещая тишина. Пленные с диверсантами замерли и ловили каждый звук, доносившийся из склада. Предсмертный вскрик и вслед за этим появившийся в дверном проеме Бурун вызвал дружный рев в строю диверсантов.

Следующий выбор Штайна пал на Асланидзе и юного, почти мальчишку, партизана. Сытый и натасканный диверсант расправился с ним играючи. Он настиг свою жертву у стены склада, заученным приемом выбил из рук тесак, а затем мертвой хваткой сомкнул свои лапищи на его шее. Торжествуя победу, Асланидзе

развернулся к строю и держал юношу на весу до тех пор, пока последняя конвульсия не затихла в тщедушном теле.

На этом пляска смерти не остановилась. Теперь уже Райхдихт выбрал очередную жертву и палача. Схватка между ними закончилась с прежним результатом. Пленному не удалось вырваться на свободу — удар тесака настиг его у забора. Измученные и обессилившие от голода и пыток красноармейцы становились легкой добычей диверсантов. Вскоре Штайну и Райхдихту наскучило наблюдать за расправой, и они поручили ее Загоруйко. Тот назначил очередную пару, и тут произошло непредвиденное.

Жилистый красноармеец вместо того, чтобы бежать, как все, за тесаком, на месте набросился на своего врага. Атака оказалась настолько стремительной, что растерявшийся Ромишвили не успел ничего предпринять. Сбитый с ног, он извивался, словно уж, и пытался выскользнуть из-под навалившегося тела. Ногти и пальцы диверсанта царапали лицо и рвали волосы красноармейца, но ярость и ненависть придали тому дополнительные силы. Он мертвой хваткой вцепился в горло Ромишвили.

Растерявшиеся диверсанты пришли в себя. Двое бросились на выручку Ромишвили. Резкий окрик Райхдихта остановил их. Выхватив из кобуры парабеллумом, он застыл в нескольких метрах от катавшихся по земле тел. Ромишвили предпринимал отчаянные попытки вырваться из удушающего захвата, и в какой-то момент ему это удалось. Но пленный изловчился, дотянулся до обломка кирпича и нанес им удар по голове противника. Бурое пятно расплылось по земле, и сопротивление диверсанта ослабло.

Пленный иступленно молотил кирпичом по голове и лицу Ромишвили, превратившемуся в кровавую маску. Остановил его выстрел парабеллума. Рука бессильно, плетью обвисла. Пленный отпрянул от безжизненно распростертого тела. Поднял голову. Ненавидящим взглядом прошелся по врагам, уставился на Райхдихта. Тот злобно сверкнул глазами, вскинул парабеллум и нажал на спусковой крючок.

На этом «круг гладиатора» не завершился. Последнего, отчаянного смельчака, уложившего диверсанта, пуля снайпера, засевшего на смотровой площадке, настигла у забора. Тринадцать безжизненных тел остались лежать на земле. Проверка агентов-диверсантов подошла к концу. Теперь Штайн мог доложить в Запорожье начальнику абверкоманды-101 подполковнику Гемприху о том, что группа Загоруйко проверена и готова к выполнению задания.

Часть вторая

Долгий путь домой

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальнику Особого отдела

НКВД 18-й армии

По достоверным оперативным данным, в период с 28 по 30 января на участке фронта 18-й армии планируется заброска диверсионной группы в составе 8–11 человек с целью проведения диверсий на нефтетерминалах туапсинского морского порта.

Диверсанты будут экипированы в форму бойцов и командиров Красной армии. В качестве документов прикрытия могут быть использованы спецпропуска и командировочные удостоверения саперных частей 18-й армии.

Группу возглавляет бывший лейтенант Красной армии Загоруйко Владимир Афанасьевич, он же Голодец, он же Дронов, он же Панасюк, украинец, 1919 г. р., уроженец г. Кировограда, б/партийный, проходит под № 427 Алфавитного списка разыскиваемых агентов германской разведки.

Ранее, 25 августа 1942 г., в составе особой команды, условно именуемой «предприятие Ланге» или «предприятие Шамиля», был перебросен из г. Армавир в район селения Дуба-Юрт, Атагинского района для осуществления диверсионно-террористических актов и организации повстанческого движения.

В ноябре 1942 г. группа Ланге ликвидирована органами НКГБ. Самому Ланге, Загоруйко и нескольким диверсантам удалось скрыться

Приметы: рост выше среднего, телосложение крепкое, лицо овальное, нос прямой с горбинкой, волосы темные, в разговоре картавит.

Особые приметы: на кисти левой руки имеется татуировка из трех букв — З, В, А.

Исходя из особой опасности группы, требую не допустить прорыва диверсантов на объекты и принять меры к их розыску и ликвидации.

*Начальник Особого отдела НКВД Закавказского фронта
комиссар госбезопасности 3 ранга*

Н. Рухадзе

4.02.1943 г.»

Специальный оперативно-боевой отряд военной контрразведки Закавказского фронта, усиленный патрулями из комендатуры туапсинского гарнизона, перед рассветом был поднят «в ружье». В считанные минуты бойцы заняли места в кузовах выдавших виды полуторок и ждали команды на марш. Служба в Особом отделе приучила их не задавать лишних вопросов. Схватки с диверсантами из абвера и горного батальона «Эдельвейс» для бойцов спецотряда «Шторм» и его командира капитана Александра Дроздова стали привычными делом.

Опытный розыскник, имевший на личном счету не одно задержание матерых гитлеровских агентов и диверсантов, он за два года войны побывал в стольких переделках, что солдатская молва окрестила его «заговоренным». Под стать командиру были и подчиненные — бывшие борцы, боксеры, стрелки и альпинисты. Они с полуслова понимали Дроздова и готовы были идти за ним в огонь и воду. Розыскники знали себе цену, не робели даже перед начальством и, когда надо, за словом в карман не лезли.

Начальник Особого отдела Закавказского фронта Николай Рухадзе ценил их и предпочитал не вмешиваться по мелочам в службу отряда, предоставив самому Дроздову разбираться и командовать этой отчаянной командой сорви-голов. Сегодня он изменил себе, и инструктаж затянулся. Дроздов плотнее прижал телефонную трубку к уху и внимательно ловил каждое слово. Задача, которую ставил Рухадзе, не допускала никаких «но».

Диверсия гитлеровских агентов на нефтетерминалах Туапсе накануне наступления войск Закавказского фронта могла серьезно повлиять на его ход. Дроздов слушал Рухадзе и нетерпеливо тербил телефонный шнур. И как только инструктаж подошел к концу, он, не теряя ни секунды, выскочил во двор, цепким взглядом пробежался по лицам подчиненных и, не встретив на них тени тревоги, дал команду водителям: «Вперед!»

Два грузовика вырвались из ворот базы и устремились к мрачной громаде гор. Дроздов с беспокойством поглядывал на часы и торопил водителей, чтобы успеть к восходу солнца добраться до горной долины и взять под контроль дорогу и козьи тропы, ведущие к Гойтхскому перевалу, проходящему через Черноморскую цепь Большого Кавказа.

Дроздов, сжав зубы и поигрывая желваками на скулах, напряженно глядел в ночную мглу, словно пытаясь рассмотреть в ней затаившегося врага. Нескрываемое нетерпение командира передалось и водителям; они старались выжать из своих старушек все, что можно. Машины жалобно поскрипывали деревянными бортами, пронзительно взвизгивали изношенными железными внутренностями и на удивление резво катили вперед. Закончился исклеванный бомбежками асфальт. Началась грунтовая, вдребезги разбитая, ухабистая дорога. Машины то и дело застревали. Из глубоких рытвин разведчики вытаскивали их почти на руках.

Вскоре рассвет напомнил о себе — окрасил вершины гор бледно-розовым цветом. Их гигантская тень, безмятежно покоившаяся на бескрайней морской глади, пришла в движение.

Первый робкий солнечный луч разорвал полумрак и тысячами ярких вспышек заполохал на ледниках горы Агой. Блеклое солнце нехотя выплыло из-за гор и покатилося по холодной синей небесной вышине. День уверенно вступал в свои права.

Разведчики приободрились. Подходы к Гойтхскому перевалу находились в их руках. Рассредоточившись, они принялись тщательно изучать каждую складку местности. Ничто не свидетельствовало о присутствии диверсантов; они будто растворились. Двое суток поиска так и не дали результата.

В этом не было вины Дроздова и его подчиненных. Ни он, ни Николай Рухадзе не знали, да и не могли знать, что неизвестный им зафронтовой агент не только вовремя сообщил о группе Загоруйко, но и сумел сорвать ее выход на задание.

Накануне в станице Абинской, в пункте заброски агентуры, события разворачивались самым неожиданным образом. Подходила к концу ночная смена часовых. Внезапно шаги часового стихли. Прошла минута-другая, и drobный топот сапог на крыльце заставил очнуться дремавшего дежурного.

Бокк вопросительно уставился на застывшего перед ним часового. В дрожащих руках часового была зажата стопка листов, и, когда они легли на стол, у ефрейтора глаза полезли на лоб. Это были совершенно секретные анкеты с истинными и вымышленными данными на готовившихся к заброске агентов группы Загоруйко. Как они оказались во дворе, ни часовой, ни начальник караула не могли вразумительно ответить. Инструктор Шевченко, отвечавший за них головой, исчез. Бокк тут же поднял группу по тревоге и отправил посыльного в штаб, в Крымскую.

Не прошло и часа, как во двор влетел «опель» Штайна. Он на ходу выскочил из машины и бросился к застывшей шеренге инструкторов и агентов. В ней не хватало двоих. Наихудшее предположение — их уход к партизанам — не подтвердилось. Шевченко еле живого нашли на сеновале. Он был в стельку пьян и сказать что-либо вразумительное не мог. Не лучше выглядел Петренко, обнаруженный в конюшне. Лишь к обеду

взбешенный Штайн смог прояснить картину. Все оказалось до банальности просто. Накануне оба отмечали завершение работы с группой и перебрали норму.

От этого Штайну легче не стало. Заброску группы Загоруйко пришлось отложить. До завершения служебного расследования забуддыг посадили под замок. Судьба Петренко повисла на волоске. Срыв задания мог стоить должности Штайну, и ему с Шевченко в лучшем случае грозила отправка на фронт. В памяти еще были свежи последствия засветки группы в Краснодаре. Все находились в тревожном ожидании.

На этот раз в штабе «Валли-1», в Варшаве, дело не стали раскручивать. Штайн остался в своем кресле. Петренко отделался легким испугом, отсидев трое суток в «холодной». Козлом отпущения стал Шевченко. Под охраной караула его отправили в Запорожье к начальнику абверкоманды-101 подполковнику Гемприху. Заброска группы Загоруйко в тыл 56-й армии была отложена. Вскоре стало не до нее и не до диверсии в Туапсе.

Весна не принесла радости сотрудникам абвергруппы-102. В апреле части Красной армии снова перешли в наступление. Предгорья и окраины Крымской содрогались от взрывов. Войска Закавказского фронта начали штурм мощной оборонительной «Голубой линии» — системы немецких укреплений на Западном Кавказе, воздвигнутой лучшими инженерами рейха.

Станица потонула в облаках пыли и клубях дыма. Штайну и Райхдихту пришлось начать спешную эвакуацию группы. Серая лента из машин и повозок выползла за ворота и поехала по дороге, ведущей к приморскому городу Темрюку. Там их встретил обер-лейтенант Краузе и передал приказ подполковника Гемприха: следовать дальше к порту Тамань и оттуда переправляться в Керчь.

Дорога к переправе заняла пять часов и лишь поздним вечером группа вышла на берег Керченского пролива.

В порту Темрюка царил хаос. С одних судов выгружали прибывшие из Крыма немецкие и румынские резервные части

и маршевые подразделения, боевую технику и различные грузы, на другие спешно грузили раненых. Порт был забит разномастными автомашинами и повозками. Воздух сотрясала режущая слух какофония: ревели моторы танков и автомашин, испуганно ржали лошади, неистово орали офицеры и солдаты, стонали раненые. С неба на землю падал надрывный клекот мощных моторов истребителей, схватившихся в сметрельной схватке...

Искать в этом бедламе коменданта порта, чтобы попросить у него помощи, было бесполезно. И Штайн решил действовать на свой страх и риск. По его команде комендантское отделение, усиленное инструкторами, ринулось на штурм ближайшей баржи. Там тоже царил суматоха. По одному трапу сходили испуганно озирающиеся по сторонам солдаты румынского стрелкового батальона, по другому уже шла погрузка раненых; над их головами непрерывно сновали судовые стрелы с какими-то тюками, ящиками и сетками с мешками.

Осипший и заросший густой щетиной майор-пехотинец попытался было преградить путь здоровяку Райхдихту и сунул ему под нос бумагу, усыпанную лиловыми печатями. Тот отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и пошел напролом. На борту баржи возникла короткая и яростная потасовка. Конец ей положили автоматные очереди, просвистевшие над головами румын.

Через час баржа взяла курс на Керчь. Четыре с небольшим километра, разделявшие берега, показались Штайну и его подчиненным дорогой в ад. Русские штурмовики проносились на бреющем полете и раскручивали свою смертельную карусель. Вода вокруг пузырилась от пулеметных очередей и вздымалась чудовищными фонтанами от разрыва авиационных бомб. Пролив был покрыт пятнами мазута и обломками погибших плавсредств.

Баржа получила две пробоины в правом борту, но все же дошла до Керчи и ошвартовалась у причала порта.

Краузе, не раз наезжавший в Керчь из Темрюка для координации разведывательной работы с командиром морской форт-

группы корвет-капитаном Роттом, несмотря на кромешную темноту, быстро нашел в хитросплетении узких улочек штаб базы. Здесь группа оставалась несколько дней. В конце недели из Запорожья пришел приказ от Гемприха. Он предписывал Штайну передислоцировать группу в Евпаторию и там приступить к работе.

Тихий приморский городок на западном побережье Крыма не привлекал внимания советской авиации. Здесь царил настоящий немецкий порядок. Штайн со штабом наконец смог заняться своим непосредственным делом. Пока инструктора и агенты-курсанты занимались оборудование учебной базы, Краузе вместе с Самутиным объезжали лагеря военнопленных и занимались вербовкой. Но развернуть работу по-настоящему так и не удалось. Гемприх распорядился перебазировать группу под Винницу, в местечко Вороновицы.

Украинская провинция встретила ее патриархальной тишиной и покоем. О далекой войне напоминал лишь гул ночных дальних бомбардировщиков, направлявшихся для бомбардировок Курска, Воронежа и Ростова. Сельская школа в Вороновицах, отведенная под центр подготовки диверсантов и агентов-разведчиков, подходила для этих целей как нельзя лучше. Вековые дубы и липы парка надежно укрывали штаб от посторонних глаз. Здание штаба служило одновременно и учебным корпусом. Соседство с батальоном СС отпугивало партизан и местных подпольщиков не только от села, но и от ближайших хуторов. Впервые за последние месяцы Штайн и его подчиненные получили идеальные условия для работы и окунулись в нее с головой.

Меньше чем за неделю Райхдихт, Самутин, Коляда и Петренко подобрали из числа военнопленных, местных полицейских и украинских националистов полный комплект кандидатов в агенты. На этот раз работа не пошла насмарку; контингент оказался весьма перспективным, особые надежды подавали националисты. Они люто ненавидели советскую власть и были готовы живьем перегрызть горло комиссарам и чекистам.

Петр оказался отрезанным от своих. Не нашел он надежного курьера и среди жителей Вороновиц, через которого можно было бы переправить за линию фронта собранные разведывательные материалы. Тем не менее у него не опустились руки. В его голове вызрел новый дерзкий план, как одним махом покончить с осиным гнездом абвера. Он решил его сжечь! Старое здание школы, где размещались штаб и офицерское общежитие, а также деревянные бараки для курсантов должны были, по его расчетам, вспыхнуть как порох. Одному сделать это было не под силу, и тогда Петр привлек к выполнению задуманного уже проверенного на краснодарской акции Матвиенко и Ивана Ковалея, к которому присматривался как к еще одному своему помощнику.

Первая же беседа с Ковалем убедила Петра в том, что он в своем выборе не ошибся. Иван с Василием поддержали разработанный им план и начали активно готовиться к его выполнению. Василий, пользуясь своим положением водителя, тайно накапливал запасы бензина, а Петр с Иваном оборудовали для него хранилище. Подходил к концу май. Все было готово. Они ждали только подходящего случая. И он представился. Очередная, на сей раз удачная, заброска группы агентов в советский тыл по уже сложившейся традиции должна была закончиться грандиозной попойкой инструкторов.

Всего несколько часов оставалось до того момента, когда с абвергруппой-102 было бы покончено. Но роковая ошибка Ивана сорвала их план и поставила всех под удар: он проговорился о нем своему другу. Тот оказался осведомителем и немедленно донес Штайну. Ивана с Василием тут же арестовали. Шансов спастись у них не было. На руках у Штайна находились неопровержимые улики — емкости с бензином. Гитлеровцы жестоко пытали Ивана и Василия, но они не выдали Петра.

Оставшись один, разведчик не смирился с потерей товарищей и не спасовал, а продолжил свою опасную работу. Втайне от Самутина изготовил дубликаты фотографий, анкет на агентов и ждал подходящего случая, чтобы переправить материалы советским контрразведчикам.

К началу осени 1943 года положение гитлеровских войск значительно ухудшилось. Под ударами Красной армии они оставили Донбасс. Фронт стремительно откатывался на запад. В двадцатых числах сентября передовые части 13-й и 60-й армий форсировали Днепр и закрепились на правом берегу.

Грозный гул артиллерийской канонады уже был слышен в Вороновицах. Командование абвергруппы-102 сидело на чемоданах и ждало команды на эвакуацию. Петр решил воспользоваться этим, чтобы выйти на связь со своими. Рапорт к руководству группы с просьбой отпустить его на несколько дней повидаться с семьей был удовлетворен. По мнению Штайна, ветеран, за спиной которого была не одна ходка в тыл к красным, своей добросовестной службой заслужил это как никто другой.

25 сентября 1943 года Петр, спрятав под подкладкой плаща материалы на личный состав абвергруппы-102, покинул Вороновицы и двинулся на восток. Спустя сутки он перешел линию фронта на участке 57-го стрелкового корпуса, у села Брюсовка, и оказался в расположении стрелкового батальона. Измотанный боями и бессонницей капитан-пехотинец не стал связываться с загадочным перебежчиком и отправил его к особисту.

Тот встретил Петра с еще большей настороженностью. Его ссылки на начальника отдела военной контрразведки 6-й армии капитана Павла Рязанцева не помогли. Старший оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш лейтенант Анатолий Ивонин по-прежнему с недоверием смотрел на него. Петр не стал больше тратить слов и вспорол подкладку плаща.

На стол с тихим шелестом посыпались фотографии в форме бойцов и младших командиров Красной армии, бланки служебных документов с печатями и штампами, на которых бросались в глаза лиловые и фиолетовые свастики с хищными орлами. Последняя фотография, как поздний осенний листок, легла на горку документов. Ивонин склонился над фашистским архивом, долго разглядывал, затем обернулся к разведчику и, не

стесняясь своего порыва, крепко обнял. Лицо Петра дрогнуло. На глазах навернулись слезы. Он не пытался их скрывать.

Остались позади полтора года постоянного риска и смертельной игры с фашистами. Теперь ему не требовалось таиться, выверять каждое сказанное слово и взвешивать каждый свой шаг. Ушли в прошлом коварные проверки обер-лейтенанта Райхдихта, патологическая подозрительность Самутина и изматывающее душу состояние двойной жизни, когда он сам порой не мог понять, где кончается советский разведчик, а где начинается кадровый сотрудник абвера Петренко. Он был среди своих. Своих!

Петр счастливыми глазами смотрел на Ивонина, и в этот миг ему казалось, что ближе и роднее человека для него нет. А когда схлынули эмоции, он энергичным движением расправил рубашку под ремнем, Ивонин невольно подтянулся, и доложил:

— Старший лейтенант Прядко, оперативный псевдоним Гальченко, после выполнения задания Особого отдела НКВД шестой армии в абвергруппе-102 прибыл!

Ивонин в ответ загадочно улыбнулся, а затем ринулся к тумбочке, вытащил фляжку со спиртом, краюху черного хлеба и банку тушенки. Первый тост — за возвращение из разведки, второй — за победу, третий — за погибших — они выпили стоя.

Ивонин снова принялся хлопотать вокруг стола. На нем появились добродушно попыхивающий чайник, горстка сахара-рафинада и горка сухарей. А когда был выпит последний стакан чая, Петр попросил дать ему бумагу с карандашом и сел писать рапорт. Тот самый, который он не раз мысленно набрасывал в Краснодаре, Крымской и Евпатории.

Время шло. За окнами забрезжил рассвет. Строчки перед глазами стали расплываться, а мысли начали путаться и теряться. Свинцовая усталость сморила Петра. На непослушных ногах он добрал до топчана, без сил рухнул и тут же уснул. Сквозь сон доносились шум шагов, жужжание телефонного аппарата, обрывки неясных фраз. Сознание разведчика непроизвольно

№ 2

№ 3

№ 4

№ 5

Показания опознавшего

в представлении пяти доотрядовых
 лица никого из указанных ему лиц
 не могло разглядеть абсурдность не
 только, известна ли Долгих он не
 мог бы сообщать, что лицо под такой формой
 известен за время пребывания в некоем органе,
 поскольку его истощение затрудняется, так как
 личный личность.

Дневной

Опознавшие прова Валс на 4 отб-12 отдела
 УКФС при СМ СССР по Ростовской области
 майор. Решетов (Семин)

8 января 1956 года.

Подпись _____

продолжало работать. В разговоре Ивонина речь шла о нем. Впервые за многие месяцы Петр поймал себя на мысли, что его совершенно не волновало происходящее. Он вернулся домой!

Ивонин в ту ночь так и не уснул. Ему с трудом удалось дозвониться до отдела Смерш армии — на линии связи оказался порыв. Машину за разведчиком обещали прислать в ближайшие часы, и, чтобы скоротать время, Ивонин принялся за чтение рапорта Петра.

Девять листов были заполнены убористым почерком. За сухими и лаконичными строчками крылась поистине титаническая работа блестящего разведчика. Данные на 24 официальных сотрудников, 101 агента абвергруппы-102 и 33 фотографии из алфавитной картотеки позволили органами Смерш в короткие сроки разыскать многих из них. В последующем, после освобождения Полтавы, на основе добытых Петром материалов Управление контрразведки Смерш 2-го Украинского фронта арестовало еще семь агентов и содержателя конспиративной квартиры, оставленных гитлеровцами для проведения разведывательно-диверсионной работы.

Это было далеко не все, что удалось совершить Прядко-Гальченко. Добытая им разведывательная информация о военных планах командования 8-й армии вермахта представляла несомненный разведывательный интерес. Лейтенант Анатолий Ивонин, за два с лишним года службы в стрелковой роте, а потом в военной контрразведке немало хлебнувший своего и чужого горя, повидавший такого, что многим с лихвой хватило бы на две жизни, был поражен. В них было все: казалось бы, неминуемый провал, сначала в Ростове и Абинске, а потом в Вороновицах, и удача, как это случилось в Краснодаре.

Заканчивался рапорт Петра Ивановича предложением о направлении его с новым заданием в тыл гитлеровских войск. В тот же день рапорт и все добытые разведчиком материалы на абвергруппу-102 были направлены в Москву. А спустя двое суток Петр уже сам находился в столице. На встрече с полковником Г. Утехиным, начальником 3-го отдела ГУКР Смерш, он

Совершенно секретно

НАЧАЛЬНИКУ 4 ОТДЕЛА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ
"СМЕРЬ"

Полковнику - тов. УТЕХИНУ

РАПОРТ

Особым отделом НКВД 6-й Армии бив. Юго-Западного фронта в ноябре 1941 года был завербован и переброшен в тыл противника для внедрения в германские разведорганы, агент "ГАЛЬЧЕНКО" *Д. Я. Я.*
К. С. Пётр Иванович, 1913 года рождения, уроженец м. Каневцы, Червонобаевского района Полтавской области, кандидат в члены ВКП(б), украинец, с незаконченным высшим образованием. В Красной Армии с 1937 года. Последняя должность - Начальник Головного склада горючего 5-й Армии бив. Юго-Западного фронта - техник-интендант 1-го ранга. (Находился в окружении противника. Вышел организованно).

"Гальченко" внедрился в 102 разведгруппу германской разведки и по нашему заданию трижды перебрасывался в тыл противника.

За первые две ходки "Гальченко" собрал данные на 26 агентов германской разведки и обеспечил задержанке 4-х агентов разведгруппы, переброшенных вместе с ним в начале мая 1942 г. на участке обороны частей 12-й армии бив. Южного фронта.

Третий раз "Гальченко" был переброшен в тыл противника в конце мая 1942 года, где находился до 25-го сентября 1943 года.

Всё это время работал в 102 разведгруппе и по возвращении сообщил подробные данные на 101 агента германской разведки, доставил 33 фотокарточки германских разведчиков, собрал установочные и характеризующие данные на 28 официальных работников германской разведки, сообщил ценные сведения о деятельности германской разведки, методах её работы, об экипировке вражеской агентуры и её легендировании, способе изготовления фиктивных документов, об отдельных

доложил о выполнении задания и свои предложения по дальнейшей работе в абвере. В руководстве контрразведки Смерш, проанализировав сложившуюся вокруг разведчика ситуацию, пришли к выводу, что на этот раз удача могла отвернуться от него — вероятность расшифровки была слишком велика. И тогда по настоянию Петра его направили в армейскую часть на фронт. На новом месте службы он тоже не потерялся. В воинском звании вырос до майора, а в должности — до заместителя командира полка по тылу и был награжден несколькими медалями и орденом.

Не забыли своего боевого товарища и военные контрразведчики. Начальник ГУКР Смерш НКО СССР генерал-полковник В. Абакумов лично доложил Верховному главнокомандующему И. Сталину о результатах выполнения задания зафронтовым агентом Гальченко. 24 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за «проявленное мужество и героизм в тылу противника» Петр Иванович Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

Но самая большая награда ждала его после окончания войны. Прозвучали победные залпы, и майор Прядко, следуя к новому месту службы в Закавказский военный округ, никак не мог проехать мимо столицы Дона — Ростова. Туда бывшего разведчика влекли не прошлые воспоминания о «службе» в абвергруппе-102. В его сердце жила она — Вера Пивоварчук.

Город только начал подниматься из руин, но Петр безошибочно нашел знакомый домик на 1-й Баррикадной улице. Весна на Дону была в самом разгаре. Аромат буйно цветущего вишневого сада кружил голову. Петр взлетел на крыльцо. Там стояла ОНА — «надежный и проверенный товарищ, комсомолка Вера»! Его единственная женщина, подарившая разведчику Великую любовь, которой они остались верны до конца своих дней!

Петр Прядко, Иван Данилов, Александр Козлов, Алексей Скоробогатов и десятки других зафронтовых агентов особых отделов НКВД СССР, ГУКР Смерш НКО СССР своей само-

отверженной работой существенно подорвали разведывательную и диверсионную деятельность абвера и «Цепелина».

Только за период с 1 октября 1943-го по 1 мая 1944 года военными контрразведчиками задействовались в зафронтной работе 343 разведчика. Из них 57 удалось не только внедриться в абверкоманды, абвергруппы и специальные центры «Цепелина», но и закрепиться в их кадровом составе. Эти успехи дались дорогой ценой — 112 разведчиков погибли.

Несостоявшееся «сватовство» обер-лейтенанта Биттига

25 сентября 1943 года части 10-й армии в результате стремительного наступления освободили от гитлеровцев город Рославль — крупный транспортный узел. На западной окраине и у железнодорожных мастерских еще продолжали звучать автоматные очереди и греметь разрывы гранат — это красноармейцы добивали остатки 52-го армейского корпуса 4-й армии группы армий «Центр», а в центре города уже налаживалась мирная жизнь.

В столпотворении, царившем в приемной военного коменданта города, мало кто обращал внимание на молодую, лет двадцати, девушку, робко державшуюся в дальнем углу. Она терпеливо ждала своей очереди. Пожилой майор-комендант с лицом, посеревшим от хронической бессонницы, устало отбивался от наседавших горластых пехотинцев и нагловатых интендантов. Постепенно толпа рассосалась, и девушка, собравшись с духом, нырнула в клубы сизого дыма, плававшего в кабинете.

Комендант оторвал взгляд от документов, которыми был завален стол, и с недоумением посмотрел на посетительницу. Она переминалась с ноги на ногу и, видимо, не знала, с чего начать разговор. Вымученная улыбка на лице майора придавала ей уверенности. Краснея и пряча глаза, девушка упомянула про какого-то «очень хорошего немца» и осеклась. Брови у коменданта поползли на лоб, а в глазах полыхнул гневный огонек. За два года войны ему попадались только такие немцы, кто только стрелял, вешал и поджигал.

Анна Астафьева, так звали посетительницу, набравшись смелости, продолжила рассказ. Из него следовало, что на ее

квартире находится немецкий солдат, который решил порвать с фашизмом и дезертировал из части во время отступления из Рославля. Опасаясь попасть под руку какого-нибудь заведенного боем красноармейца, он решил отсидеться, а потом попросил Анну сообщить о нем советскому командованию.

Здесь взгляд майора смягчился, жесткие складки, залегшие у рта, разгладились. Анна приободрилась и принялась его уверять, что Клаусу можно верить, что он хороший человек. Битый жизнью и начальством, опытный комендант не стал морочить себе голову «хорошим немцем» и направил девушку к военным контрразведчикам.

Отдел Смерш 10-й армии располагался поблизости, занимал чудом уцелевшие первый и второй этажи бывшей школы. Часовой на входе остановил Анну и поинтересовался, к кому направляется. Наученная общением с комендантом, она не стала распространяться о «хорошем Клаусе» и заявила, что у нее есть важное сообщение для контрразведчиков. Ее проводили в кабинет старшего оперуполномоченного старшего лейтенанта Старинова.

Царившая в коридоре и кабинете тишина, ровный и спокойный тон контрразведчика расположили Анну к разговору. Она без утайки рассказала необычную для военного времени романтическую историю своих отношений с ефрейтором Клаус Биттигом.

Познакомились они, по словам Анны, в начале октября 1943 года при обстоятельствах, воспоминание о которых ее бросало в дрожь. В тот вечер она задержалась у большой подруги. Приближался комендантский час, и ей пришлось срезать путь. Позади остались развалины хлебозавода, впереди уже виднелся родной дом, как вдруг из проулка вывалила едва державшаяся на ногах кучка пьяных немецких солдат. Секундная растерянность, и Анну окружила гогочущая толпа. Грубые, похотливые руки уже лапали ее. Вырваться из плотного кольца ей не удалось, а просить помощь было не у кого. Улица будто вымерла. И тут произошло чудо.

Из вечернего полумрака, словно ангел хранитель, возник ефрейтор. Он решительно стал на защиту Анны. После короткой перепалки с ним насильники оставили девушку в покое. Ефрейтор представился: Клаус Биттиг. Клаус проводил ее до двери дома, но от предложения зайти и выпить чаю вежливо отказался.

С того дня минула неделя, и Анна стала забывать о жуткой истории, когда в дверь квартиры кто-то тихо постучал. Она открыла дверь. На пороге стоял Клаус. Смущаясь, он протянул ей небольшой сверток. В нем оказались хлеб, сахар, масло и палочка копченой колбасы. На этот раз они вместе пили чай и говорили о жизни. Ломаный русский Клауса не был им помехой.

Прошло несколько дней. Он снова появился у Анны и принес с собой коробку дорогих конфет и бутылку французского вина. В тот вечер они долго говорили о несправедливости и жестокости войны и о маленьком человеческом счастье. Вскоре между ними сложились добрые отношения, которые, как показалось Анне, со стороны Клауса переросли в глубокое чувство. В разговорах с ней он со все большей симпатией отзывался о России и русских людях, осуждал Гитлера и развязанную им войну.

Во время наступления советских войск Клаус решил порвать с фашизмом. Воспользовавшись хаосом и неразберихой, он покинул часть и спрятался у нее на квартире.

История отношений Анны и Биттига заинтересовала Старинова в первую очередь с профессиональной точки зрения. В ней он увидел хорошую возможность для ведения через влюбленного немца зафронтовой разведывательной работы и отправил на ее квартиру командира комендантского взвода. Не прошло и часа, как тот доставил Биттига в отдел. Ефрейтор держался скованно, но страха в его глазах Старинов не заметил.

Вместе с ним и переводчиком он поднялся в кабинет начальника отдела капитана Москалева. В ходе допроса Биттиг подтвердил рассказ Астафьевой. Дополнительно рассказал,

что воспитывался в семье, в которой читали и восхищались произведениями Достоевского и Толстого. На вопросы о характере службы и составе части дал развернутые ответы. Ряд из них подтверждались захваченными документами 52-го армейского корпуса и показаниями других военнопленных. Последним местом службы Биттига был отдел штаба того самого корпуса. По его словам, он отвечал за хранение всей секретной документации.

Москалев моментально оценил перспективного перебежчика. Его доступ к секретам в случае вербовки и переброски за линию фронта открывал прямой путь ко многим тайнам гитлеровского армейского командования. Медлить с решением было нельзя. Фашистская контрразведка тоже не дремала и тщательно проверяла всех, кто прорывался из окружения. И чем дольше окруженец блуждал в советских тылах, тем больше к нему возникало вопросов.

Приняв решение о вербовке Биттига, Москалев, несомненно, рисковал, так как слишком мало знал о нем, а то, что тот сообщил о себе, не поддавалось глубокой перепроверке. В приемно-пересыльном армейском пункте военнопленных Старинову не удалось найти его сослуживцев. В самом городе, как выяснилось, кроме Астафьевой, Биттиг никому не был знаком. Ее соседи ничего существенного контрразведчикам не добавили.

Вместе с тем добровольная сдача в плен, ненависть к фашизму и любовь к Астафьевой являлись весомыми, но недостаточными аргументами для вербовки. Опытный контрразведчик Москалев не исключал того, что за этим крылась тонкая игра гитлеровской разведки. Тем не менее, взвесив все «за» и «против», он решился на вербовку и подготовку Биттига к заброске за линию фронта. Соблазн иметь своего агента в штабе 52-го армейского корпуса оказался слишком велик.

Бойкий ефрейтор охотно дал согласие на сотрудничество, написал подписку и для конспирации в работе избрал себе псевдоним Штабист. Однако предложение Москалева сфо-

тографироваться вместе воспринял без особого энтузиазма и довольно кисло поглядывал на Старинова, который выставил на стол литровую бутылку водки с небогатой закуской. Окончательно настроение у него испортилось, когда капитан предложил на обратной стороне фотографии еще раз подтвердить контрразведчикам свою преданность и готовность к выполнению заданий Смерша.

Теперь, когда у Биттига все пути к своим были отрезаны, Москалев направил докладную записку начальнику Управления контрразведки Смерш Центрального фронта генерал-майору А. Вадису. В ней изложил существо полученных на перебежчика материалов, поставил в известность о его вербовке и представил оперативный замысел по использованию в разведывательных целях. В управлении предложение Москалева поддержали и потребовали не затягивать с отправкой Штабиста на задание.

С того часа началась его интенсивная подготовка к разведывательной работе в гитлеровском штабе. Времени на это у Москалева катастрофически не хватало. Советские войска добывали разрозненные остатки фашистской группировки. Москалев и Старинов спешили и потому работали с Биттигом день и ночь. Они на ходу обучали его азам разведки, шлифовали детали легенды возвращения в штаб, отработывали способы связи и передачи секретной информации.

Ефрейтор оказался на удивление смышленным и способным учеником, все схватывал на лету. На второй день они уже говорили на одном языке — языке разведки. Подготовка шла настолько успешно, что Москалев уже подумывал о ее сокращении. К тому времени контрразведчики разработали в деталях и окончательно согласовали с руководством Управления контрразведки Смерш фронта два варианта задания.

Первый предусматривал, что после перехода Штабистом линии фронта вся тяжесть выполнения задания целиком и полностью ложилась на его плечи. В частности, по возвращении в часть и получении доступа к секретным документам корпуса

он должен был скопировать их и затем, при благоприятно складывающейся ситуации, доставить в отдел Смерша. В этом случае исключался всякий риск для курьера контрразведчиков, но зато возникала масса проблем для самого Штабиста. Надолго отлучиться из штаба он не мог. Кроме того, без хорошего знания русского языка даже самому опытному агенту скрытно пройти 50 километров по незнакомой местности было делом почти невозможным.

Согласно второму варианту, от «Штабиста» требовалось только одно — после возвращения в часть восстановиться на прежнем месте службы и ждать связника. При его появлении передать ему собранную информацию. В этой ситуации основной риск брал на себя связник. Такого человека контрразведчикам не пришлось долго искать. Тот только что вернулся из-за линии фронта. Это был опытный подпольщик из числа местных жителей, в совершенстве знавший немецкий язык. Он без колебаний дал свое согласие. В Управлении Смерш фронта рассмотрели оба предложения Москалева, и окончательный выбор оставили за ним.

Когда основные вопросы были согласованы, операция перешла в завершающую стадию. Прежде чем довести до Биттига оба варианта задания и познакомить со связником, Москалев решил выслушать мнение смышленного агента. Тот в очередной раз удивил своей сообразительностью. Почти слово в слово Штабист назвал то, что намечали для него контрразведчики и стал настаивать на варианте со связником.

И здесь у Москалева вновь проснулись прежние подозрения: Штабист специально подставлен гитлеровской разведкой на вербовку, чтобы внедриться в Смерш! К сожалению, фактов, их подтверждающих, ни ему, ни его подчиненным за время работы со Штабистом добыть так и не удалось. Бравый ефрейтор держался уверенно, разве что в деталях переигрывал. Но это были его, Москалева, предположения, которые к делу не подошьешь и начальству не представишь. Вокруг Штабиста была абсолютная пустота. Повторная проверка, которую

провел Старинов, ничего не дала. Единственная его связь, Астафьева, к тому, что сообщила в первый раз, ничего нового не добавила.

После беседы с Биттигом Москалев возвратился к себе в кабинет и снова принялся за изучение материалов дела, пытаясь найти зацепку, которая бы привела к раскрытию хитроумного плана, возможно, задуманного гитлеровскими разведчиками. Логика ему подсказывала, что сам по себе Биттиг не мог действовать, а значит, в городе должен находиться второй гитлеровский агент. Им мог быть агент-радист или агент-связник. Проверка указанных Астафьевой адресов, где она видела Биттига, тоже ничего не прояснила. Хозяева одной квартиры были вне подозрений, а в двух других жильцы отсутствовали.

Появление Старинова прервало размышления капитана. Ни слова не говоря, тот выложил из сумки на стол кучку вещей, среди которых оказался фотоаппарат. Москалев вопросительно посмотрел на него. На лице старшего лейтенанта расплылась довольная улыбка. Не вдаваясь в подробности, он рассказал, что обнаружил его среди вещей, оставшихся после Биттига на квартире Астафьевой. Фотоаппарат являлся хоть и косвенной, но все-таки уликой.

И это была не последняя удача контрразведчиков. На следующее утро в одном из двух пустовавших домов, куда заходил Биттиг, появились жильцы. Его хозяин незадолго перед войной попадал в поле зрения органов госбезопасности, но она помешала довести проверку до конца. Подозрения Москалева начали оправдываться. Но он не спешил дожимать Биттига и, как обычно, приступил к очередному занятию с ним. Они продолжали шлифовать последние детали разведывательного задания.

До переброски Штабиста через линию фронта оставалось меньше суток, и это будоражило ему кровь. Несколько раз он путался в легенде прикрытия и не сразу смог вспомнить место и имя хозяина запасной явки. Москалев посчитал, что наступил подходящий момент и нанес свой первый удар — выложил на стол фотоаппарат.

С затаенным страхом Биттиг поглядывал то на объектив, предательски поблескивавший на солнце, то на капитана-контрразведчика. Тот решил воспользоваться его растерянностью и «взять» на фотоаппарате. Но Биттиг быстро пришел в себя и начисто отверг обвинения в шпионской связи с гитлеровской разведкой. Свой последний козырь — объявившегося накануне хозяина, как предполагал Москалев, содержателя явочной квартиры — он не стал пускать в ход и отправил Биттига под присмотр караула.

Тем временем Старинов работал по выявленному адресу. Хозяин дома чех Рудольф Гочекаль, попавший в плен еще в Первую мировую войну и затем оставшийся в России, как выяснилось, для контрразведки был не чужим человеком. На этот раз ему не повезло. У контрразведки, а точнее, у архивов оказалась крепкая память, которую не смогла стереть даже война. Незадолго до ее начала Гочекаль проверялся местным отделом НКВД. Но тогда возникшие было у сотрудников подозрения о его связях с германской разведкой не нашли документального подтверждения. Теперь цепочка доказательств замкнулась. Последним звеном в ней оказался Биттиг, засветившийся на этом адресе.

Появление на пороге дома Старинова с вооруженными бойцами из отделения охраны отдела Смерш нагнало страх на Гочекаля. В кабинет к Москалеву он вошел сам не свой и поплыл уже на первых вопросах. Одно только упоминание контрразведчиками о его прошлых подозрительных контактах с сотрудниками германской фирмы, работавшими в середине 30-х годов в России, развязало ему язык. Гочекаль, видимо, посчитал, что его раскрыли и, спасая свою жизнь, заговорил.

Он признался, что с 1936 года тесно сотрудничал с германской разведкой. До войны выполнил ряд ее заданий. Во время гитлеровской оккупации Рославля о нем, по его словам, на время забыли. Но когда обстановка на фронте накалилась и немецкие войска откатились к городу, о Гочекале вспомнили снова. В кабинете начальника отдела разведки 52-го армейского корпуса капитана Виккопфа его познакомили с ефрейтором

Клаусом Биттигом. Не вдаваясь в детали задания Биттига, он поручил Гочекалю обеспечить канал связи. Теперь на руках у Москалева имелись не только весомые вещественные доказательства, но и живой свидетель, чтобы припереть абверовского «жениха» к стенке.

Ночь подходила к концу. Контрразведчики так и не сомкнули глаз. Они выверяли имевшиеся на руках доказательства перед решающим допросом гитлеровского агента и готовили для него сюрприз. По замыслу Москалева, он должен был сработать и не оставить Биттигу ни одного шанса выйти сухим из воды. Тот словно чувствовал, как над ним сгущаются тучи, и тоже не ложился спать. Он как маятник ходил из угла в угол, пытаясь предугадать, какой еще подвох ему приготовили контрразведчики.

За окном забрезжил рассвет. В коридоре жалобно скрипнули доски под тяжестью часового. Биттиг невольно напрягся и стал прислушиваться к тому, что происходило за стенами. Шаги затихли. Наступившую тишину нарушил скрежет ключа в ржавом замке. Этот звук болезненной гримасой отразился на лице Биттига. Его глаза, как к магниту, тянулись к двери. С пронзительным визгом она распахнулась. В проеме двери возник неправдоподобно громадный серый силуэт часового. Он грозно щелкнул затвором и повел стволом автомата в сторону выхода.

На ватных ногах Биттиг переступил порог. Впервые за четыре дня его взяли на мушку. Сутулясь, он брел по пустынному коридору. По щербатой от разрывов пуль лестнице поднялся на второй этаж. Вошел в кабинет Москалева. Беглым взглядом пробежал по его лицу и лицу Старинова, пытаясь по их выражениям понять что-нибудь. Но они были непроницаемы как маски. В кабинете находился еще третий. Он стоял в углу. Широкие поля надвинутой на самые глаза шляпы скрывали лицо. Биттиг интуитивно ощутил нависшую над собой опасность, исходившую от неизвестного, и, опустившись на табурет, невольно косил глаза в его сторону.

Москалев выдержал долгую паузу. Затем вытащил из ящика стола большую фотографию, поднялся, подошел к Биттигу и сунул ее в лицо. Выдержка изменила гитлеровскому агенту. Нервным спазмом перехватило дыхание, а на лбу выступила обильная испарина. В тусклом свете чадившей керосиновой лампы он с первого взгляда узнал на фотографии своего связника.

Как?! Каким образом она оказалась у контрразведчиков? Искать ответ Биттигу не пришлось. За спиной раздалися шаги, и на свет вышел сам Гочекаль!

Задуманная крупная игра гитлеровской разведки была проиграна. Биттиг заговорил на хорошем русском языке. Его хитроумно запутанная шпионская история во многом отличалась от тех, что десятками распутывали контрразведчики Смерша. В сентябре 1943 года он, обер-лейтенант отдела 1-Ц разведки армейского корпуса, сменил шитье офицерских погон на неброский мундир ефрейтора. С того дня начался его путь в советскую контрразведку.

Первый этап реализации замысла многоходовой операции, одобренной в абвере на самом верху, не вызвал больших затруднений. Появление ефрейтора Биттига в штабе 52-го армейского корпуса прошло гладко. Работа заведующего хранилищем топокарт и секретных документов оказалась непыльной. Она требовала аккуратности и внимательности. С этим у Биттига было все в порядке. С начальством и сослуживцами быстро сложились деловые отношения. Никто из них даже не догадывался об истинном его предназначении.

Гораздо труднее было найти подход к местной подпольщице Анне Астафьевой. Она, того не подозревая, должна была сыграть ключевую роль в легализации Биттига после отступления германских войск из Рославля и затем сформировать у контрразведчиков положительный образ противника фашизма. Несколько заранее подготовленных капитаном Виккопфом заготовок не сработало. Анна никак не среагировала на них.

Подходил к концу сентябрь, а Биттиг все еще был далек от цели. Времени для выполнения задания оставалось в об-

рез. Русские могли ударить в любой момент. И тут сработала резервная заготовка Виккопфа. Астафьева легко попала в расставленную им любовную ловушку.

Все остальное Москалеву и Старинovu было уже известно. Теперь их больше интересовало другое: кто кроме самого Биттига был оставлен в тылу советских войск для проведения шпионской и диверсионной деятельности? Он не стал скрывать этого. На дальнейших допросах подробно рассказал о структуре разведотдела 52-го армейского корпуса и дал характеристики своим сослуживцам.

Так благодаря профессионализму и настойчивости контрразведчиков сватовство «жениха» из абвера к Смершу не состоялось.

Две истории дневника полковника Бойе

Ранним морозным утром 29 января 1943 года в развалинах школы на окраинах Сталинграда полковая разведывательно-поисковая группа натолкнулась на человекоподобное существо. Оно с трудом выкарабкалось на край воронки. Его ноги, замоченные в детское одеяло, скользили по обледеневшим обломкам кирпича и бетона. Полы длинного, снятого с чужого плеча тулупа цеплялись за искореженную металлическую арматуру. Сквозь дыры засаленного женского платка на бойцов смотрели с затаенным страхом серые водянистые глаза. Только по нашивкам на порванном и прожженном мундире они догадались, что перед ними находится немецкий полковник.

Долго не разбираясь, полковника отправили в Отдел военной контрразведки вместе с кожаным французским чемоданом, обнаруженным в подвале.

За те несколько часов, что пленного вели в штаб, он успел прийти в себя. В кабинет старшего оперуполномоченного капитана Густава Федорова вошел обыкновенный окопный полковник. Такие, как он, в конце января проходили перед военными контрразведчиками по десятку в день. Здесь, в развалинах Сталинграда, они, некогда лощеные генералы и полковники вермахта, становились маленькими, суевливыми и угодливыми.

И этот ничем не отличался от них. Он охотно и четко отвечал на вопросы, которые задавал моложавый капитан с ранней сединой на висках. Перед ним на столе лежала карта 134-го пехотного полка. В верхней ее части стояла его, полковника Бойе, размашистая подпись. Капитан водил карандашом по карте и уточнял места расположения уже несуществующих батальонов и рот полка.

Бойе нечего было скрывать. Зимнюю кампанию под Сталинградом вермахт проиграл вчистую. Ударная 6-я армия любимца фюрера Фридриха Паулюса, ставшего 31 января 1943 года генерал-фельдмаршалом, была уничтожена русской армией. Почти никто не уцелел и из полка Бойе. Большинство офицеров и солдат полегли под руинами города, ставших для них жутким кладбищем. Секретные документы и вся штабная канцелярия сгорели или остались лежать под развалинами школы.

Допрос подходил к концу. Бойе успокоился и мысленно готовился «тянуть ляжку» в русском плену. Для него это было не в новинку. Двадцать лет назад, в сентябре 18-го, на той первой своей войне, он лейтенантом попал в плен к британцам и на свободу вышел в октябре 19-го, прибавив в весе и научившись сносно говорить по-английски. Здесь, в России, после того, что они натворили в Сталинграде, рассчитывать на подобное обращение не приходилось.

«Главное — остался жив», — тешил себя Бойе. Выдержка и хладнокровие изменили ему, когда на столе появились дневник под названием «История 134-го пехотного полка, или Борьба немецкого мастера против Советов», а затем потертый пакет с фотографиями.

В это мгновение он проклял тот день и час, когда тщеславная мысль подтолкнула его взяться за перо: хотел увековечить победоносный поход полка в «варварскую России».

Бойе напряженно следил за каждым жестом капитана. Похоже, тот знал немецкий и, пододвинув керосиновую лампу, стал внимательно вчитываться в текст дневника, написанный аккуратным и убористым почерком. В тишине блиндажа отчетливо зазвучал голос капитана:

«Когда я 15 марта 1941 года во Франции, стоящий на параде знаменитого полка «Дойчмейстер», во время незабываемого праздника 245-й его годовщины давал клятву, что полк, несомненно, проявит себя в боях с врагом, я тогда не думал, в каких обстоятельствах исполнится моя надежда...

25 марта начинается погрузка. Последнее прощание, и поезд медленно отходит. Продолжительная дорога по всей Франции. Плодородная почва и безлюдные пространства. Вскоре поезд въехал в пределы Эльзаса. Какой здесь порядок и чистота! Германия! Везде видим работу и веселые лица людей. Какая разница! Это высшая точка! Слышны удары пульса новой эры...

Проезжаем старую немецкую границу. Мы в Польше. Везде видим евреев. Уже давно пора, чтобы эта страна перешла в порядочные руки империи...

Начинается весна. После нескольких недель отдыха и обучения в окрестностях Паверке полк продолжает свой путь на восток...

22 июня [1941 года] полк занимает укрепления; еще одна ночь, и тогда начнется невиданная борьба порядка против беспорядка, культуры — против бескультурья, хорошего — против плохого. Как мы благодарны фюреру, что он вовремя заметил опасность и неожиданно ударит. Еще только одна ночь!..

За рекой Буг стоит враг. Стрелки часов медленно движутся. Небо розовеет. Три пятнадцать! Ударила наша артиллерия. Огонь ведется из сотен стволов. Передовые группы бросаются в лодки и переправляются через Буг. Бой начался! Неожиданный удар удался — другой берег наш! Звучат выстрелы. Здесь горит дом, там соломенный стог. Первое сопротивление сломлено. Теперь вперед, дальше!..»

Здесь капитан прервал чтение, поднял голову и тяжелым взглядом окатил пленного. Тот поежился и заелозил на табурете. Но Федоров не замечал его суетливых движений и бегающих глаз. В эти мгновения он был там, в далеком и трагическом июне 41-го...

Через распахнутое окно кабинета легкий утренний ветерок доносил опьяняющий запах увядающей сирени и сладковатый дымок, потягивающий со стороны Брестской крепости. Дежурные смены поваров поднялись еще до рассвета и растапливали походные кухни, чтобы приготовить ранний завтрак для по-

следних рот, отправляющихся в летние лагеря. Перед ним, тогда еще оперуполномоченным Особого отдела лейтенантом Густавом Федоровым, сидели трое. За их плечами грозной тенью нависал часовой.

Шел второй час допроса, но пока ясности в отношении подозрительной троицы, задержанной патрулем неподалеку от северных ворот крепости, у него не было. Командир группы, нагловатый старлей, вел себя вызывающе и продолжал утверждать, что они из штаба дивизии. Наличие рации в вещмешке сержанта он объяснял спецзаданием, которое получил на учении, и наотрез отказался назвать причину появления группы у стен крепости. Это не убедило Федорова, и тогда рассвирепевший старлей начал грозить самыми суровыми карами. Проверить и подтвердить его информацию в штабе или Особом отделе дивизии у Густова не было возможности. Старый армейский телефон молчал, опять где-то на линии произошел обрыв.

Федоров ломал голову, как поступить с задержанными. Отпустить их, не убедившись, что это свои, а не гитлеровские лазутчики, которые в последние две недели не давали покоя, было бы непростительной ошибкой; это пахло трибуналом. Продолжать и дальше удерживать разведгруппу штаба дивизии, значит, поставить план предстоящего учения под угрозу срыва. Медлить было нельзя, и он послал в крепость посыльного в надежде, что хоть там работает связь.

Не успели стихнуть шаги сержанта-пограничника, как он снова появился на пороге. На нем лица не было. В глазах плескался ужас. Леденящий холодок окатил спину Федорова. Недобрые предчувствия скорой войны, слухи о которой в последние дни упорно бродили среди солдат и офицеров, ожили в нем с прежней силой. Он подался к окну.

Во дворе суматошно металась размытые тени и раздавались тревожные крики. Со стороны Брестской крепости доносился выворачивающий душу надрывный вой сирен. Сердце Федорова сжало предчувствие страшной и неотвратимой беды. Он

задрал голову, и в нем все помертвело. Небо сплошь усеяли хищные силуэты наплывавшей с запада армады самолетов.

Первый робкий луч солнца скользнул над горизонтом, и через мгновение небо полыхнуло сотнями зловещих багрово-красных огней. Грозный, нарастающий гул авиационных моторов оглушил землю. Это была война!

В следующее мгновение яркая вспышка разорвала во дворе предрассветный полумрак. Пол ушел из-под ног Федорова. Чернильница задребезжала и лягушкой поскакала по столу. Потолок и стены заскрежетали. Взрывная волна вышибла стекла и опрокинула Федорова на пол.

Сотни снарядов и авиабомб обрушились на Брестскую крепость и погранзаставу. Рушились и горели дома командного состава и казармы. Под обломками гибли жены и дети офицеров и сверхсрочников. Огненный смерч сметал все на своем пути. В зареве пожаров поблекло утреннее солнце...

Капитан Федоров потрянул головой, чтобы освободиться от жутких воспоминаний о тех первых днях войны, и снова склонился над дневником. Его автор со скрупулезностью летописца день за днем описывал путь 134-го пехотного полка «Дойчмейстер» по советской земле. С течением времени тон записей становился все более нервным и раздражительным.

В ноябре 1941 года автор писал:

«Продвижение все ухудшается. Противник укрепляется. Часто в селах квартиру приходится завоевывать с оружием. Начались дожди. Мы застреваем по колено в грязи. Машины и повозки безнадежно вязнут или скатываются на обочину. Днем и ночью слышны крики и ругань...»

Далее продолжал:

«Все мы удивлены, как выглядит Россия. У многих пропала надежда на хлебный рай на Украине. Мы возмущены тем, что увидели в этом «раю» Советов. Полное бездорожье. Крытые соломой глиняные домишки с маленькими окошками. Кроме полуразрушенной халупы, пары курей и одной свиньи крестьянин ничего не имеет. И это называется рай Советов?!.»

Тем большее недоумение вызывали у автора растущее сопротивление войск Красной армии и ночные атаки окруженцев. Они не желали сдаваться и не хотели подчиняться фашистскому порядку, так милому его сердцу. Порядку, в котором его идол и властелин Гитлер отводил этим недочеловекам — славянам и евреям, лишь одно только место — за колючей проволокой лагерей смерти.

В декабре 41-го автору было уже не до дневника. Полк втянулся в затяжные, кровопролитные бои, и записи стали носить отрывочный характер. Они были проникнуты ненавистью к противнику, который никак не хотел сдаваться на милость победителя. Следующий год, 1942-й, принес ему одни разочарования. Половина полка полегла на подступах к Сталинграду в прокаленных жгучим солнцем донским степях. Неторопливые воды великой русской реки Волги стали непреодолимой преградой на пути 134-го пехотного полка. В сталинградском «котле» бесславно закончились и вековой путь и история «Дойчмейстера», и жизненный путь его командиров. Вместе с гибелью полка оказалась похороненной и тщеславная мечта мелкого лавочника из Берлина Бойе прославиться.

Капитан закончил читать дневник и тряхнул бумажный пакет. На стол посыпались фотографии. Горящие дома, взорванные церкви, истерзанные тела красноармейцев и мирных граждан. Эту улику, оказавшуюся в руках военных контрразведчиков, Бойе отдал и все валил на обер-лейтенанта Эверста из отдела пропаганды 44-й пехотной дивизии, неделю назад погибшего в Сталинграде под обломками дома.

Профессиональный опыт и интуиция подсказывали Федорову, что за этими строчками из дневника могла таиться страшная для Бойе правда, и он продолжил допрос. Но тот полностью отвергал все подозрения и категорически отрицал свою причастность к тем преступлениям, что бесстрастно запечатлел объектив фотоаппарата.

На следующий день все повторилось — Бойе стоял на своем. И Федорову, у которого в условиях постоянно меняющейся

обстановки на фронте не было достаточно оперативных и иных возможностей организовать его глубокую разработку, ничего другого не оставалось, как отправить подозрительного полковника в армейский сборно-пересылочный пункт проверки.

Там Бойе тоже долго не задержался. Косвенные улики, фотографии, и на этот раз не сработали. Оперативная разработка тоже ничего не дала. Он крепко держал язык за зубами и мало распространялся о своей службе и боях, в которых участвовал 134-й пехотный полк. За те несколько недель, когда Бойе находился на фильтрационном пункте, оперативники и следователь так и не смогли вывести его на чистую воду. Свидетелей военных преступлений, в совершении которых он подозревался, из числа пленных не поступило.

По завершении предварительной проверки Бойе отправили с очередным этапом в глубокий тыл.

Конечным пунктом назначения для него стал Красногорский спецлагерь, затерявшийся в густых марийских лесах. В нем содержались пленные офицеры и генералы вермахта. Чистый барак, светлая комната, которую Бойе занимал с тремя старшими офицерами, сносная пища и работа по желанию в столярных мастерских или на заготовке леса ничего общего не имели со страшными рассказами об ужасах советских лагерей. Для него и сотен других военнопленных потянулись дни, похожие один на другой, месяцы монотонной лагерной жизни. Время от времени ее течение нарушали скудные новости о положении на фронтах, приходившие в лагерь с очередной партией пленных, или суд над разоблаченным военным преступником.

Местная контрразведка не дремала и упорно копала под тех, кто засветился на связях с гитлеровскими спецслужбами, на участии в карательных операциях против партизан и в зверствах над местным населением и советскими военнопленными. По мере того как части Красной армии все дальше продвигались на запад, судебные процессы над военными преступниками происходили все чаще. Заговорили и уцелевшие после карательных расправ свидетели их злодеяний.

Бойе же оказался для контрразведчиков крепким орешком. Месяц шел за месяцем, а его дневник продолжал оставаться для них неразгаданной тайной. Сам он не горел желанием раскрыть ее и по-прежнему все валил на обер-лейтенанта Эверста из отдела пропаганды 44-й пехотной дивизии, под диктовку которого, по словам Бойе, он писал эту «пропагандистскую агитку». Ничего не дали и поиски его сослуживцев по другим лагерям военнопленных. А те немногие, что нашлись, предпочитали не распространяться о своей службе в 134-м пехотном полку. Но контрразведчики не теряли надежды и продолжали оперативную разработку Бойе. В конце концов их настойчивость была вознаграждена.

26 сентября 1943 года к ним поступили агентурные данные, косвенно указывавшие на то, что именно Бойе мог быть причастен к тем преступлениям, которые запечатлел объектив фотоаппарата. Накануне во время бесед в узком кругу он проговорился, что с 1936 по 1938 год служил командиром батальона СС в Гамбурге. Позже, когда в лагерь просочились слухи о временном успехе фашистов в Крыму, Бойе с нескрываемой радостью заявил своим собеседникам: «С этим сбродом вскоре будет покончено! Нельзя терять веру в себя и Германию!»

Спустя несколько дней контрразведчики получили еще одну важную оперативную информацию. Она придавала новый импульс разработке Бойе. Агент сообщил то, что старший оперуполномоченный капитан Сергей Савельев и начальник отдела подполковника Федор Пузырев рассчитывали давно услышать: «Полковник Бойе очень опасается истории со своей книжкой». Это убедило их в том, что они ведут работу в правильном направлении.

Теперь основные усилия оперативники и следователь сосредоточили на поиске свидетелей преступлений, совершенных Бойе. Прошло немного времени, и их упорство было вознаграждено. В лагерях для военнопленных № 27 и № 171 нашлись бывшие его сослуживцы: командир 1-го батальона майор Поль Эбергард и унтер-офицер из 2-го арtdивизиона

Пауль Сухич. На допросах они, спасая себя, недолго запирались, и покрывать преступления бывшего командира ни тот, ни другой не стали.

Первым заговорил Сухич. Вместе с ним контрразведчикам пришлось заново перечитывать дневник Бойе. «Литературные изыскания» фашиста потрясали жестокостью совершенных злодеяний и цинизмом рассуждений.

Из дневника полковника Бойе:

«Рай Советов.

Что мы видим в раю Советов? Народ не имеет религии и души. Церкви разрушены или служат амбарами. Культуры не видно и следа. Тупо сидит население у своих разрушенных домов. У каждого из нас лишь одно чувство — это счастье, что фюрер решил радикально изменить эту порочную систему.

Победа, сохрани нашего фюрера!..»

Из протокола допроса обер-лейтенанта Пауля Сухича:

«В 15–20 км от города Дергачи, в населенном пункте, название которого не помню, по приказу полковника Бойе все население было согнано в синагогу, последняя была заминирована и взорвана вместе с находящимися там людьми. Это было в ноябре 1941 года...

В населенном пункте Несолонь, восточнее 30 км от Новгород-Волынский, полковник Бойе приказал взорвать церковь. Церковь была взорвана 12 или 13 июля 1941 года...

Приблизительно в первой половине августа месяца 1941 года по дороге Крупологи — Березань, в 10 км от станции Березань, был сожжен совхоз и расстреляно более 300 военнопленных Красной армии, среди которых большинство были женщины. Полковник Бойе еще кричал: «Что означает женщина с оружием? Это наш враг!»

Из дневника полковника Бойе:

«Выходные дни.

Не часто выпадали выходные дни в войне против Советов. Но после горячих боев около Юровки, Почтовой и на юго-западной

окраине Киева, принимаем выходные как лучшие дни. Как быстро в шутках забываются упорные бои. Теплое августовское солнце светит с неба. Все ходят в спортивных брюках. Солдаты занимаются своим лучшим занятием, заботой о желудке. Это удивительно, сколько может переварить солдатский желудок. Утки, курицы и гуси, ничто не может скрывается. Их ловят, гоняют и стреляют».

Из протокола допроса обер-лейтенанта Пауля Сухича:

«В первой половине августа около города Киева полковник Бойе развезжал по полю на своей машине и стрелял по военнопленным из винтовки, т. е. охотился на них. Убил лично сам десять человек. Данный факт также видел я...»

Из дневника полковника Бойе:

«Наступление на Дубно.

Невыносимо жжет солнце. Золотистый урожай на полях. Как хорошо в пшеничном поле! В бесконечных рядах через пески Вольни продвигаются серые колонны. Песок как мука попадает в сапоги и делает невыносимым каждый шаг. Пот ручьями течет по лицу и телу. Пересохло во рту. Воды! Воды! Но ничто не может задержать нас! Ни жара, ни песок, ни пыль и ни пот. Мы все дальше и дальше продвигаемся на восток...»

Из протокола допроса майора Поля Эбергарда:

«В городе Дубно 134-й полк захватил в плен много русских танков и четыре танковых экипажа. По приказу полковника Бойе они были расстреляны. Солдаты в городе занимались грабежом мирного населения. По его приказанию все памятники, статуи, бюсты советских руководителей уничтожались личным составом...»

Из дневника полковника Бойе:

«Шоссейная дорога на север.

Коммунизм за все годы существования ничего не делал, кроме как уничтожения Европы и в первую очередь — Германии. Боль-

шевики только и делали, что повсюду укреплялись. Везде мы видим огромные укрепления, казармы и казармы. Длинные колонны военнопленных встречают нас. Азиатские лица смотрят на нас. История потеряла свой ум! Чтобы эти орды победили нас?»

Из протокола допроса обер-лейтенанта Пауля Сухича:

«Около села Круполи, у озера в камышах, по приказанию полковника Бойе было расстреляно пять комиссаров. Это лично видел я, находясь с одним сержантом из нашей роты на охоте в этих камышах. Там же, название населенного пункта я не помню, лично полковник Бойе расстрелял офицера, который прятался в стоге сена. Для демонстрации этот труп лежал непогребенным. Среди солдат ходили разговоры, что труп принадлежал работнику ГПУ. Раньше в укрепленном пункте Янов, за рекой Буг, за укреплением из бетона была построена группа из командиров и красноармейцев Красной армии, приблизительно 20 человек. Полковник Бойе приказал их расстрелять».

Теперь в распоряжении Савельева и Пузырева помимо дневника и фотографий, которые давали основания подозревать Бойе в совершении тяжких преступлений, имелись свидетельские показания бывших сослуживцев: майора Поля, капитана Краузе, обер-лейтенанта Сухича и лейтенанта Гростмана.

Но Бойе продолжал полностью отрицать предъявленные обвинения и отказывался признать свою вину. Но так продолжаться бесконечно долго не могло. Кольцо доказательств все плотнее смыкалось вокруг него. Прошлый полицейский опыт подсказывал ему, что надо сдавать других, чтобы выторговать себе жизнь. Офицерская честь превратилась в ничто, когда дело коснулось его собственной шкуры. Спасая ее, Бойе стал секретным осведомителем «Цезарем» и принялся строчить доносы, но не на армейскую мелюзгу, окопных капитанов и майоров, а на высший генералитет.

Первой его мишенью стал ни много ни мало сам генерал-фельдмаршал Паулюс.

Бойе доносил:

«Я познакомился с генерал-фельдмаршалом Паулюсом еще до войны на маневрах. Тогда он был генералом и начальником штаба танкового корпуса. Здесь, в лагере, его все уважают и почитают. На политические темы он вообще не разговаривает, так как считает, что его подслушивают. Фельдмаршал никогда и ничего не предпримет против Германии и ее правительства. К «Союзу немецких офицеров» его никогда нельзя будет привлечь. Это он расценивает как предательство...»

Реакция контрразведчиков на это сообщение Бойе была более чем прохладной. Они по-прежнему пытались уличить его в совершенных военных преступлениях. И тогда он стал сдавать всех подряд, в том числе генерал-полковника Штреккера, с которым воевал еще в Первую мировую войну. Старый армейский служака не забыл Бойе после возвращения из британского плена и помогал как мог. И здесь, в лагере, он остался верен армейскому товариществу. На допросе Штреккер настаивал на том, что «обвинение Бойе в неправильном обращении с русским населением может быть только ошибкой». И далее с армейской решительностью заявил: «Я за это полностью отвечаю!»

Бойе не замедлил отплатить генералу черной неблагодарностью. В очередном своем доносе сообщал:

«Генерал Штреккер раньше многих других офицеров стал придерживать национал-социалистических взглядов. Он против «Союза немецких офицеров» и никогда и ничего не предпримет против Германии. К деятельности в плену его привлечь нельзя».

Не забыл Бойе и своего непосредственного командира — генерал-лейтенанта Дебуа. О нем он писал:

«Генерал Дебуа убежденный национал-социалист и противник «Союза немецких офицеров». Но он не верит в военную победу Германии, и его можно привлечь к сотрудничеству».

Кроме них Бойе настроил доносы еще на десяток генералов и офицеров германской армии. Но это не могло отвлечь

внимание Пузырева и Савельева от главного — поиска неопровержимых фактов, свидетельствовавших о совершенных им преступлениях. И тогда Бойе, продолжая выторговывать себе жизнь, прибегнул к очередной уловке. Он пытался убедить контрразведчиков в том, что может быть полезен в самой Германии, и предлагал услуги для установления контактов со своими высокопоставленными связями в Берлине. В своих прожектах Бойе рассчитывал якобы в интересах советских спецслужб привлечь их к сотрудничеству с «Союзом немецких офицеров» для «борьбы с Гитлером, чтобы подготовить необходимый демократический строй в Германии».

Эта его очередная игра не усыпила бдительности Савельева и Пузырева. 18 октября 1943 года на имя заместителя начальника УНКВД СССР по делам военнопленных комиссара госбезопасности 3 ранга Мельникова был направлен рапорт, в котором указывалось:

«За период пребывания в лагере Бойе выполнил ряд заданий и представил небольшие материалы описательного характера. Выказал заинтересованность в своем производстве в генерал-майоры, чтобы потом активно работать в генеральском лагере. Вместе с тем на него добыты оперативные и документальные данные, указывающие на участие в злодеяниях против командиров, комиссаров и солдат Красной армии».

Реакция Мельникова на доклад была незамедлительной и острой. Он потребовал от Пузырева и Савельева «взять Бойе в активную разработку». И они продолжили кропотливую работу по сбору доказательств его преступной деятельности. В 1944 году перед ними открылись более широкие возможности подкрепить вещественными доказательствами письменные показания Сухича, Поля, Краузе и Гростмана.

К тому времени под ударами советских войск гитлеровские войска все дальше откатывались на запад. На освобожденных территориях постепенно возвращались к жизни живые, и восстанавливалась из пепла и безымянных могил память о трагических

жертвах фашистского порядка. Оперативно-следственные группы органов государственной безопасности приступили к документированию совершенных гитлеровцами преступлений.

В ходе расследования, проводившегося по местам пребывания 134-го пехотного полка, перед оперативниками и следователями все отчетливее проступал кровавый след, оставленный Бойе и его подчиненными на советской земле. Заговорили живые и мертвые свидетели совершенных ими злодеяний.

Нельзя без содрогания читать скупые строки акта № 24 от 5 мая 1945 года Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских войск, совершенных в Ровенской, Житомирской и Киевской областях. Военные контрразведчики еще раз прошли вместе с членами комиссии по жуткому следу преступника Бойе.

Акт комиссии бесстрастно свидетельствовал о творимых им зверствах:

«Южнее села Быдумка Ровенского района, в 500 метрах, в лощине песчаного карьера обнаружено два кострища, возле которых находится три больших пятимиллиметровых листа железа и девять рельсов. Указанное железо и рельсы обгорели во время сжигания людей. Помимо костров на расстоянии тридцати метров имеется яма размером в квадрат 6 метров и три метра глубиной, которая наполовину наполнена человеческим пеплом и недогоревшими костями».

Допрошенная в качестве свидетельницы жительница села Несолонь Михайловская показала:

«В июле 1941 года командир полка полковник Бойе лично расстрелял моего мужа за связь с партизанами. Кроме того, по его приказанию были сожжены дома многих жителей».

Житель того же села Оскиренко подтвердил:

«В июле 1941 года по приказу полковник Бойе также были сожжены церковь и 12 жилых домов, а жители села убежали в лес, преследуемые немцами».

И таких свидетельств в деле разработки на бывшего гитлеровского полковника Бойе, секретного осведомителя «Цезаря» и военного преступника, оказалось более чем достаточно. В мае 1946 года в отношении него было возбуждено уголовное дело. Последнюю точку в кровавой истории дневника Бойе поставил суд.

29 декабря 1947 года после завершения следствия Военный трибунал войск МВД Татарской АССР на основании части первой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года приговорил Бойе к лишению свободы сроком на 25 лет. К тому времени смертная казнь в Советском Союзе была отменена.

Капкан для «арийцев»

Поражение гитлеровских войск под Москвой зимой 41-го и последующий сокрушительный разгром 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса под Сталинградом окончательно похоронили надежды руководства рейха на легкий успех в войне с Советским Союзом. Война приобретала затяжной характер и неумолимо пожирала материальные и людские ресурсы фашистской Германии. Ее военная промышленность работала на пределе возможностей. Каторжный труд миллионов восточных рабов был уже не в состоянии компенсировать те огромные материальные потери, которые нес вермахт на Восточном фронте.

Гитлеровская верхушка лихорадочно искала выход из сложившегося положения. Лучшие научные и инженерные умы бились над созданием нового сверхмощного «оружия возмездия», чтобы остановить набравшую обороты советскую военную машину, которая безжалостно уничтожала дивизии вермахта одну за другой. Фронт все ближе подкатывался к границам Третьего рейха. На его заводах в обстановке строжайшей секретности вызревал и матерел фашистский бронированный «зверинец» из «тигров» и «пантер». Эти «звери», по замыслу гитлеровской верхушки, должны были решить исход битвы под Курском и Орлом и позволить вермахту перехватить стратегическую инициативу на Восточном фронте.

В те месяцы не знали покоя и гитлеровские спецслужбы. Абвер и «Цепелин» лезли из кожи вон, чтобы оправдаться за предыдущие провалы в работе. Прежняя ставка на массовую заброску разведывательно-диверсионных групп во фронтовую полосу и ближайший тыл Красной армии на третий год войны полностью себя исчерпала. Головорезы из полка специального назначения «Бранденбург-800», оперативных групп (айн-

затцгруппен), чувствовавшие себя в первые месяцы войны как рыба в воде, теперь все чаще терпели поражение от советской контрразведки.

В 1943 году разведывательно-диверсионная деятельность тысяч агентов, заброшенных в тыл частей Красной армии, существенного влияния на положение на фронтах уже не оказывала. Это становилось все более очевидно для руководства абвера и «Цепелина». Набравшая к тому времени силу советская военная контрразведка начисто переигрывала их по всем статьям. Лучшим подтверждением тому служат показания заместителя шефа абвера генерал-лейтенанта Франца фон Бентевиньи, данные им в мае 1945 года на допросе у следователя Смерша. Он признал:

«По нашей оценке, исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным врагом. По данным, которыми располагал абвер, почти ни один заброшенный в тыл Красной армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационным материалом».

Но тогда, в 1943–1944 годах, Бентевиньи и другие руководители гитлеровских спецслужб все еще надеялись на выигрыш в тайной войне и настойчиво искали пути к победе. И здесь, как они полагали, вполне могло сгодиться антисоветское политическое и националистическое отребье. С его помощью в абвере и Главном управлении имперской безопасности (РСХА) Третьего рейха рассчитывали нанести удар в спину Красной армии путем инспирирования восстаний в республиках Северного Кавказа и Закавказья.

Одна из таких масштабных операций была своевременно выявлена и пресечена сотрудниками Смерша. Подготовку к ней в гитлеровских спецслужбах начали еще в начале 1944 года. В качестве плацдарма и запального фитиля для организации

восстания они намеревались использовать территорию и население Калмыкии. За дело взялись профессионалы — кадровые сотрудники штаба «Валли-1».

Ведущая роль в операции принадлежала специалисту по Кавказу зондерфюреру Отто Вербу, более известному в своих кругах как доктор Долль. Специализация у этого «доктора» была весьма специфической: теракты, диверсии, шпионаж. С июня 1941-го по конец 1942 года он руководил специальным диверсионным отрядом, а затем так называемым Калмыцким кавалерийским корпусом, входившим в состав абвергруппы-103. Под его началом предатели и деклассированные элементы занимались проведением карательных акций против мирного населения, партизан и советских разведывательных групп, действовавших в тылу фашистских войск.

Весной 1944 года из числа изменников, в основном калмыцкой национальности, был сформирован с участием О. Верба так называемый Калмыцкий корпус доктора Долля. Он представлял собой довольно внушительную силу: в его состав входило 36 эскадронов. После переброски по воздуху в удаленные места Калмыкии корпусу, по замыслу организаторов операции, предстояло стать ядром массового повстанческого движения в этой и соседних республиках Северного Кавказа. В последующем на базе корпуса планировалось продвижение спецгрупп в Западный Казахстан с целью проведения крупных диверсий на транспортных коммуникациях и в местах добычи нефти.

О том, какое значение придавалось операции в гитлеровских спецслужбах, может свидетельствовать следующий факт. Для ее обеспечения была задействована по указанию высшего военного руководства уникальная авиационная техника особо секретного соединения люфтваффе — 200-я бомбардировочная авиационная эскадра специального назначения КГ-200 (нем. KG-200 — Kampfgeschwader).

В состав этого соединения входили сверхтяжелые четырехмоторные самолеты ФВ-200 («Кондор») и Ю-86 с двумя вы-

сотными моторами, которые могли подниматься на высоту, недоступную для огня зениток, — до 12 тысяч метров. К 1944 году на ее вооружение поступили машины новых типов, в частности тяжелый бомбардировщик Ю-290. Он мог поднимать в воздух до 15 тонн груза и был способен осуществлять дальние переброски боевых групп с полным снаряжением численностью не менее 100 человек. При его создании использовались новейшие разработки в области авиастроения, представлявшие несомненный интерес для советских конструкторов.

После того как руководство абвера согласовало с командованием люфтваффе последние технические детали, операция перешла в практическую фазу. В ночь на 23 мая 1944 года первый отряд диверсантов численностью 24 человека под командованием опытного командира, кадрового сотрудника абвера капитана Эбергарда фон Шеллера (оперативный псевдоним Кваст) занял места в самолете. Взревели двигатели, и в их грозном реве потонул надрывный вой серен воздушной тревоги. С запада на Берлин заходила на бомбардировку авиация западных союзников. Огромная туша Ю-290, тяжело оторвавшись от земли, ушла в ночное небо и взяла курс на восток.

Кваст покинул кабину пилотов, молча опустился в кресло и ушел в свои мысли. Обер-лейтенант Ганс Ганзен, лейтенант Вагнер, обер-фельдфебель Миллер не решались его потревожить — перед полетом все уже было сказано. В те минуты они, видимо, думали об одном и том же: что их ждет в бескрайних степях Калмыкии? Та отрывочная информация, что поступала в абвер от заброшенных туда агентов, носила разрозненный характер и не позволяла составить целостную картину. Но Кваст верил в себя и своих подчиненных, за спинами которых была не одна заброска в советский тыл, а также в удачу. За годы войны удача ни разу не изменила ему.

Под монотонный гул моторов Кваст не заметил, как задремал. Пробуждение было внезапным. Самолет трянуло на воздушной яме. Он бросил взгляд на часы и приник к иллюминатору. Они пролетали над линией фронта. О ней напоминал

холодно мерцающий пунктир артиллерийской перестрелки. Русские зенитки молчали, а в чернильном ночном небе не было видно хищных силуэтов истребителей. Похоже, посты воздушного наблюдения не заметили самолет, и нервное напряжение, царившее на борту, спало. Диверсанты оживились, загремели кружки, и ароматный запах настоящего кофе прогнал остатки сна.

Прошло еще около часа. Из кабины пилотов показался штурман и предупредил о скорой посадке. Все разговоры тут же стихли. Руки привычно проверили оружие. Лица Кваста и диверсантов затвердели. Они напрягали слух, пытаясь уловить за шумом моторов Ю-290 чужой, грозящий опасностью звук русских истребителей, и вглядывались во враждебную им землю. Она словно затаилась. Кваст пытался определить, где они находятся, но все было тщетно: ни одного огонька, ни одного движения не было видно в бескрайней калмыцкой степи.

Внезапно слабая вспышка озарила бледным светом лица диверсантов и тут же погасла. Прошло еще мгновение. И на востоке ночную темноту рассекала алая, напоминающая открытую рану, полоска: над горизонтом показалась кромка солнца. Степь проснулась. Далеко внизу живым, слепящим глаза серебром вспыхнул лиман Большой Маныч. Огромным ятаганом он вытянулся с запада на восток. Слева, в котловине, крохотными кубиками и прямоугольниками угадывался небольшой поселок. Кваст догадался — это Элиста!

Рев двигателей сорвался на визг. Самолет резко пошел на снижение. В ушах заломило. Бешеная тряска продолжалась несколько минут, потом последовал легкий толчок. Ровная, как стол, калмыцкая степь оказалась идеальным аэродромом. Опасения Кваста, что тяжелая машина может повредить шасси, были напрасны. Пока все шло гладко. Асы из люфтваффе не подкачали.

Ю-290 быстро погасил скорость и остановился как вкопанный в десятке метров от неглубокой балки. Лопасте винтов устало застыли. Наступившую тишину нарушал лишь сухой

скрип шарниров аппарели грузового люка. В его проеме проглянул клочок серой, покрытой скудной растительностью степи. Кваст поднялся первым и пошел к выходу. Вслед за ним на землю посыпались, как горох, диверсанты.

Группа разведки выдвинулась вперед и, не обнаружив ни одной живой души, вскоре возвратилась. Находившаяся поблизости кошара оказалась пустой; хозяйева, судя по всему, покинули ее давно. Кваст довольно поглаживал осанистую бороду, в полную грудь дышал и не мог надышаться бодрящим утренним воздухом. Запах полыни и первого успеха пьянил и кружил голову. Обер-лейтенант Ганс Ганзен, не дожидаясь команды, принялся готовить для работы мощный 40-ваттный передатчик SE90/40, смонтированный вместе с антенной и приемником в огромном чемодане, который в простонародье называют «мечта оккупанта».

В первой радиограмме в «Валли-1» Кваст был скуп. Он сообщил о благополучной посадке, отсутствии противника и начале выдвижения отряда в район оперативного базирования. Затем диверсанты, не разводя костров, перекусили сухим пайком и, построившись в походную колонну, приготовились к маршу. Экипаж Ю-290 поднялся на борт, двигатели простуженно чихнули, лопасти винтов лениво начали рубить воздух. И в этот миг на востоке в зыбком утреннем мареве возникли три черные точки. Они стремительно приближались и на глазах приобретали зримые очертания.

Лихорадочная работа экипажа Ю-290 уже не могла изменить положение. Искать спасения в небе было поздно. Обрушился шквал огня. Русские истребители методично, словно на тренировке, один за другим заходили в атаку. Пулеметные очереди рвали в клочья огромную, беспомощную тушу Ю-290 и не давали диверсантам оторвать головы от земли. Казалось, что этому кошмару не будет конца. Автоматный и пулеметный огонь диверсантов не мог причинить вреда советским самолетам. Когда налет наконец закончился, Кваст подсчитывал потери. Но они оказались неокончательными.

Внезапно, будто из-под земли, показались группы захвата контрразведки. Бой разгорелся с новой силой и продолжался больше часа. В нем погибли шесть диверсантов, четырнадцати удалось вырваться из кольца окружения, а остальные вместе с Квастом сдались в плен.

Кваст оказался перед жестоким выбором: либо к стенке, либо сотрудничество. Контрразведчики, разъяренные ожесточенным сопротивлением и собственными потерями, готовы были разорвать его на части. Кваст хорошо понимал, что Россия — это не Запад, где можно было работать в «белых перчатках». Здесь вместе с бородой легко было потерять и голову. Он решил, что лучше сохранить и то, и другое.

Прошло всего несколько часов с момента высадки десанта, как кадровые сотрудники абвера сменили свою служебную ориентацию. Примеру Кваста последовал радист обер-лейтенант Ганзен. Они пошли на сотрудничество с советской контрразведкой. Их вербовка была закреплена подписками. Для конспирации в работе контрразведчики присвоили Квасту-Шеллеру псевдоним Борода, а Ганзену — Колонизатор. В тот же день спецсообщение об этом, а также о захвате шифров и радиоаппаратуры ушло в Москву.

В Москве сложившуюся ситуацию оценили как весьма перспективную. Отправка Квастом радиogramмы о благополучной высадке десанта и начале работы создавала благоприятные условия для завязывания масштабной радиоигры с гитлеровской разведкой. Загвоздкой был самолет: такое огромное «шило» требовалось грамотно утаить. Но это уже было чисто технической стороной дела. Поэтому нарком внутренних дел СССР Л. Берия в служебной записке от 26 мая 1944 года, направленной на имя начальника ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумова, указывал:

«Пойманные работниками НКВД — НКГБ парашютисты представляют большой интерес. По-видимому, немцы не знают, что калмыки высланы, но, несмотря на это, есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться.»

Поэтому тов. Леонтьеву всю работу сосредоточить в руках товарищей Свирина, Лукьянова и Михайлова. Тов. Мешиху принять активное участие. То же надо сделать и по Гурьевской области. Представьте план мероприятий и регулярно докладывайте».

С того дня операция, получившая в советской контрразведке кодовое название «Арийцы», бумерангом возвращалась к абверу. Основные ее нити держали в своих руках профессионалы «войны в эфире»: начальник 3-го отдела ГУКР Смерш НКО СССР генерал-майор В. Барышников и его подчиненные Г. Григоренко, Д. Тарасов, В. Фролов. За их спиной уже был опыт такой сложнейшей операции, как радиоигра «Загадка». И первое, что они сделали, так это постарались снять все подозрения у руководства абвера в провале задуманной им операции по созданию опорной базы для переброски Калмыцкого корпуса доктора Доля.

В очередной радиограмме 30 мая Кваст-Борода сообщил:

«Посадка в 04-55 московского времени. В 12-40 атака русских истребителей. «Ю» — уничтожен. Необходимое снаряжение спасли, без воды и продуктов. Гремер, Ханлапов, Беспалов, Мухин, два калмыка убиты. Осетров ранен. Перешли положение один пески район Яшкуль. Положение благоприятное, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку «Ю» заметили русские. Из Сталинграда и Астрахани прислали истребители. Ошибка «Ю» — садиться днем, долго сидел, надо ночью. Площадку готовим. До полного выяснения мною обстановки мер не принимайте. Радистом использую обер-лейтенанта Ганзен. Слушаю вас по плану. Прошу указаний. Кваст».

Ее содержание не вызвало каких-либо подозрений у руководства абвера. В радиограмме отсутствовал условный сигнал о том, что Ганзен работает под контролем советской контрразведки. Тем более легендарная личность самого Шеллера, до мозга костей наци, снимала все сомнения. В Берлине

смирились с потерей самолета и экипажа и теперь спешили расширить плацдарм.

Положение на фронте, да и самого абвера, с каждым днем становились все хуже. И потому Шеллера торопили с установлением контактов с «местными повстанцами и созданием условий для переброски Калмыцкого корпуса доктора Долля. В руководстве Смерша тоже не дремали и старались упредить возможную и неподконтрольную ему инициативу абвера.

29 мая, за сутки до того, как Кваст отправил радиogramму своим бывшим начальникам, Абакумов распорядился, чтобы Отдел контрразведки Смерша ПВО Южного фронта «...обеспечил наблюдение за воздухом в районах, через которые возможен пролет вражеских самолетов из Румынии в б. Калмыкию и Западный Казахстан». Он также потребовал немедленно докладывать «...о трассе пролета каждого вражеского самолета, идущего в тыловые районы Советского Союза».

Эта предусмотрительность контрразведчиков оказалась все не лишней. После установления двусторонней радиосвязи в тот же день гитлеровской разведкой без уведомления Кваста был направлен в Калмыкию самолет Ю-252. Появившись в районе высадки отряда Кваста, он стал подавать условные световые сигналы. Руководители операции «Арийцы» посчитали более целесообразным самолет не сбивать и ответных сигналов не давать. Они обоснованно полагали, что его направили с целью проведения разведки на месте и перепроверки доклада Кваста. Благополучное возвращение Ю-252 на базу окончательно убедило штаб «Валли-1» в том, что отряд диверсантов действительно перебазировался в другое место и не работает под контролем советской контрразведки.

После этого одна за другой в адрес Кваста ушли радиogramмы. Руководство абвера рассыпалось перед ним в благодарностях. В первой говорилось:

«Орган поздравляет. Принимаем меры для развития операции. Исполним указания, которые ожидаем от Вас. Операция в

духе Римского два готовится. Когда должна начаться. Начальник органа».

Во второй, носившей ободряющий характер, сообщалось:

«Ю-252 был ночью 30 мая у Вас для помощи. Вас не нашел. Собственные имена и названия местности шифровать два раза. С этого момента только нормальные часы связи. Вскоре подберем радистов. Всем привет. Ни пуха ни пера. Капитан».

В руководстве операции «Арийцы» решили не давать абверу передышки и времени на обдумывание ситуации. 5 июня Кваст-Борода отправил очередную радиограмму:

«Осетров умер, лейтенант Вагнер здоров, обер-фельдфебель заметно поправляется, обер-лейтенант Ганзен запрашивает, последовало ли производство в капитаны. Ожидая доставки всего необходимого».

Ответ пришел быстро:

«Подвоз вероятен 16 июня в 23 часа, так как отбираем. Обер-лейтенант Ганзен еще не капитан, но представлен. Майор».

Время шло, а обещанного абвером подвоза все не было. В оперативном штабе операции «Арийцы» занервничали. Капкан, в который, как они рассчитывали, должны были угодить не только очередные диверсанты, но и уникальный самолет, представлявший исключительный интерес для советских авиаконструкторов, занимавшихся разработкой тяжелых бомбардировщиков, пока оставался открытым. Заверения Кваста о готовности принять самолет и очередной отряд диверсантов в абвере приняли, но почему-то медлили с отправкой. И тогда генерал В. Барышников, получив «добро» у руководителя Смерша В. Абакумова, решил рискнуть и подстегнуть «перестраховщиков» из разведки абвера.

В очередной радиограмме Кваст-Борода «не удержался» от упрека:

«Начальнику органа. Наступила решающая фаза войны, а мы бездействуем. Прошу ускорить доставку оружия и людей. Мы отвлечем на себя часть сил врага. Экипаж «Ю» просит вывезти, они хотят драться. Кваст».

В ходе следующего радиосеанса он пытался убедить штаб «Валли-1» в том, что вместе с подчиненными не сидит сложа руки, а активно действует. В этих целях контрразведчики подготовили убедительную дезинформацию, которую гитлеровская разведка не имела возможностей перепроверить и вынуждена была принять на веру:

«Как в резерве радистов нуждаюсь в Захарове, Блок, Косарева, Майлер. Из-за сложных условий связи используйте только лучших радистов. Разведка встретила пять мелких партизанских отрядов без боеприпасов. Огдонов имеет 85 всадников, вооружены плохо. Не мог собрать вокруг себя мелкие группы. Необходимо авторитетное руководство. Первым самолетом продукты, деньги, два комплекта посадочных фонарей, боеприпасы, оружие, радистов. Когда ждать самолет».

Этот доклад в «Валли-1» встретили с энтузиазмом. 85 «повстанцев» во главе с Огдоновым, конечно, не «легион восставших калмыков», на который так рассчитывали разработчики операции по переброске Калмыцкого корпуса доктора Доля. Но им вместе с Квастом, как полагали в абвере, было по силам подготовить плацдарм и с него начать восстание в тылу Красной армии.

9 июня 1944 года в руководстве операции «Арийцы» смогли наконец перевести дыхание. Колонизатор получил радиограмму, которую с таким нетерпением ждали в Москве. В ней сообщалось:

«Подвоз вероятно ночью 11.6. Последует все необходимое. Посадка и взятие экипажа при соответствующем обозначении площадки. Опознавательный знак и окончательное решение последует. Капитан».

Но в указанное время самолет в районе посадки не появился. У генерала В. Барышникова и его подчиненных возникли опасения, что абвер разгадал их игру и решил выйти из нее. Прошло несколько часов. И все стало на свои места. Капитан известил Кваста о переносе высадки десанта на сутки по техническим причинам. Этот запас времени позволил контрразведчикам, имевшим лишь общие сведения о технических характеристиках Ю-290, более тщательно подготовить свой капкан. С помощью авиаторов-специалистов они еще раз перепроверили свои расчеты, а затем для подстраховки приняли за оборудование дополнительных ям-ловушек на посадочной полосе, в которые должен был угодить самолет с диверсантами и при этом остаться целым.

К утру работы на посадочной полосе по дооборудованию и маскировке укрытий для группы захвата были завершены. Наступил рассвет. И уже ничто не напоминало о присутствии здесь человека. Теперь контрразведчикам оставалось только запастись терпением и ждать. День, которому, казалось, не будет конца, закончился. Солнце торопливо скатилось к унылым, пологим холмам и багровым закатом разлилось по горизонту. Чернильная темнота ночи сменила непродолжительные южные сумерки и скрыла все вокруг.

Бойцы группы захвата, выбравшись из пышущих жаром укрытий, торопливо стаскивали с себя гимнастерки и с наслаждением подставляли разгоряченные тела «дагестанцу», приносившему с собой блаженную прохладу гор.

Со стороны балки, где находилась полевая кухня, потянуло ароматным запахом гречневой каши. Многие бойцы отказались от позднего ужина: азарт охотника и предстоящего боя заглушил в них аппетит. Они напрягали слух и ловили каждый звук. Наконец с запада донесся еле слышный, напоминающий писк комара звук авиационного мотора. Он быстро приближался, и вскоре на небе, густо усыпанном звездами, возник гигантский, напоминающий акулу силуэт Ю-290.

На земле все пришло в движение. Сигнальные огни ярким пунктиром прочертили по степи посадочную полосу. Экипаж

самолета их заметил, дал подтверждение, и через минуту в небе блестящими тюльпанами распустились купола четырех парашютов, пятый еле заметной точкой стремительно несся к земле. Диверсант Бадмаев разбился насмерть. Трое других — Цокаев, Бацбурин и Росимов, так ничего и не поняв, оказались в руках контрразведчиков. Пятый, отклонившийся от точки приземления, далеко от погони не ушел

Самая крупная «дичь», за которой велась охота, все еще находилась в воздухе. Ю-290, описав широкий полукруг над посадочной полосой, скрылся за горизонтом. Прошла минута-другая, и мощный рев авиационных моторов оглушил бойцов группы захвата. Огромной самолет хищной птицей распластался над степью и, взяв курс на сигнальные огни, пошел на посадку.

Степь тревожно всколыхнулась, и седая волна из ковыля и полыни покатила к горизонту. Ю-290 окутало плотное облако пыли. Вой моторов и визг колес внезапно оборвались. Когда пыль рассеялась, то на фоне розовеющего неба возникла гигантская птица со сломанным крылом. Ее искореженные «лапы» надежно захватил «капкан».

В следующее мгновения над притихшей степью прозвучала отрывистая команда. Бойцы группы захвата подхватились с земли и стали смыкать кольцо окружения вокруг самолета. Несмотря на безвыходное положение, экипаж не собирался сдаваться. Чрево Ю-290 отозвалось утробным звуком выстрела бортовой пушки, вслед за ней в остервенелом лае зашлись пулеметы. Перестрелка длилась несколько часов и закончилась после того, как самолет охватил пожар. В руки контрразведчиков попали те, кто сумел вырваться из огня, два уцелевших двигателя и около трех тон груза.

Казалось, на операции «Арийцы» можно было ставить крест. Теперь у абвера появились веские основания считать, что Кваст стал игрушкой в руках советской контрразведки. С 00.30 и до 6.00 утра немецкий радиоцентр бомбил его вопросом: где самолет? А ему ничего другого не оставалось, как сообщать о трудностях в радиообмене из-за сильных помех и водить за нос

бывших своих начальников запросами: *«Машина не прибыла. Почему? Кваст»*.

Экипаж Ю-290 тоже не давал о себе знать. В абвере терялись в догадках и потому предпочли взять паузу для изучения ситуации. В 10 часов Кваст-Борода получил ответ:

«Машина не вернулась. Следовательно, считать несчастный случай или вынужденную посадку. Дальнейшее после новых переговоров. Капитан».

Ответ обнадежил руководителей операции «Арийцы». Из первых допросов выживших членов экипажа они поняли, что далеко не все потеряно в игре с гитлеровской спецслужбой. Удача и на этот раз была на их стороне. Летчики показали, что перед вылетом получили указание: после пролета над Крымским полуостровом перейти в режим полного радиомолчания. Оказавшись в ловушке, они так и не смогли воспользоваться рацией: она вышла из строя в первые минуты боя. И тогда Кваст-Борода снова заработал в эфире.

На его донесение о пропаже самолета, трудностях в организации повстанческого движения и просьбу об оказании помощи руководство абвера откликнулось без прежнего энтузиазма. В Калмыки, как в черной дыре, один за другим исчезали самолеты, экипажи и диверсанты, что вольно и невольно приводило к мысли, что за всем этим стоит советская контрразведка.

Следующий шаг абвера генералу В. Барышникову и его подчиненным нетрудно было предугадать. Очередная радиограмма Квасту носила проверочный характер. Абверовцы пытались поймать контрразведчиков на деталях:

«Немедленно новый шифровальный лозунг из 31 буквы, состоящий из фамилии секретаря Норд-Поль, фамилии ее помощницы, фамилии унтер-офицера из учебного лагеря, имени Вашей жены. Вы помните фамилию подозрительной жены «Мусина». Если да, прошу сообщить. Мюллер».

Ответ, видимо, не снял оставшихся сомнений. Во второй радиограмме абвер потребовал от Кваста составить новый лозунг, но уже с новыми фамилиями:

«Немедленно шифровальный лозунг из 31 буквы. Имя Вашей дочери, имя сына первая буква К, место нахождения Вашего отца, написанное «ТЦ», фамилия унтер-офицера в школе, еще раз имя Вашей дочери. Капитан».

Этот «экзамен» советские контрразведчики сдали успешно. В ответе 23 июня Кваст-Борода не ошибся и дополнительно сообщил:

«Ю» потерпел аварию в районе Оргаиновский Шаргадык, что в 26 км юго-восточнее Элисты. Лично осмотреть место не мог, беседовал с очевидцами. Судьба экипажа и радистов неизвестна. Очевидцы говорят, что было несколько трупов. Кваст».

В абвере, похоже, вновь прониклись доверием к Квасту. В очередной радиограмме ему сообщали:

«Авария второй машины с подвозом и, таким образом, пленение части экипажа не исключена. На допросе могут быть выданы Ваша дислокация и цель прилета. Предлагаю вскоре передислоцироваться с привлечением Огдонова, который одновременно успокаивающе подействует на Ваших людей. После сообщения о новой дислокации получите дальнейшие указания. Майор для Кваста».

30 июня Кваст-Борода сообщил о передислокации группы в район действий отряда Огдонова, напомнил о трудностях, связанных с нехваткой продовольствия и боеприпасов, недо-вольством среди калмыков, которое было связано с плохим материальным обеспечением отряда.

В абвере старались как могли ободрить и обнадежить «героически бьющихся в степях Калмыкии борцов с больше-визмом». В радиограмме от 11 июля Кваста-Бороду ориентиро-вали:

«Попытаемся прилететь с новым подвозом. Где он должен быть сброшен? Майор».

Контрразведчики не замедлили с ответом и принялись готовить новый «капкан» для диверсантов. Однако прошло больше месяца, а обещанных абвером самолета, боеприпасов и продовольствия они так и не дождались. Поступавшие радиogramмы носили общий характер. Видимо, в гитлеровских спецслужбах поняли несостоятельность плана восстания в национальных республиках. Он дал осечку не только в Калмыкии, но и в других республиках Северного Кавказа.

Руководители Смерша, в частности и начальник 3-го отдела генерал В. Барышников, пришли к выводу о бесперспективности дальнейшего продолжения радиоигры. К этому их подталкивало и поведение Кваста. Тот попытался начать двойную игру с контрразведчиками. В разговорах с Ганзенем-Колонизатором он начал склонять его к передаче в абвер условного сигнала о своей работе под контролем Смерша. С учетом всех этих обстоятельств В. Абакумов и В. Барышников решили сделать свой заключительный ход, который бы отбил у гитлеровских спецслужб всякое желание затевать восстания в тылу советских войск.

13 августа в абвер от Кваста-Бороды ушла следующая радиogramма:

«Начальнику органа. Положение здесь совершенно невыносимое. Отряд Огдонова разбит, нам калмыки отказывают в помощи. Вынужден, согласно договоренности, пробираться к повстанцам на Западный Кавказ, откуда, возможно, в Румынию. Несколько людей из экипажа по болезни и невозможности их транспортировки вынужден буду оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи и усиления. Прошу санкции или контрприказа в течение трех дней, т. к. дальше не могу ждать. Кваст».

Реакция на нее была более чем вялая и сводилась к тому, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Абвер самоустранился от всякой им помощи и рекомендовал самостоятельно пробиваться через линию фронта.

После такого ответа в руководстве операции «Арийцы» посчитали, что пришло время вместе с ней похоронить и другие планы гитлеровских спецслужб, связанные с инспирированием всякого рода восстаний на Северном Кавказе. Радиограмма, отправленная в абвер 18 августа, скорее напоминала крик отчаяния:

«Сегодня, юго-западнее Бергин, стычка с отрядом НКВД. Будучи без боеприпасов, спаслись только на конях. Продолжаем марш юго-западным направлением. Успеха не предвижу. Мучают жажда и голод. Случае гибели позаботьтесь о наших семьях. Кваст».

Последняя радиограмма, отправленная руководству абвера, содержала одни проклятия и навсегда отбила охоту затевать подобные «игры»:

«Начальнику органа. Калмыки изменили, мы остались одни, без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничем не можем. Мы свой долг выполнили до конца. Во всем считаем виновным Вас и Марвиц. Абсурдность операции была очевидна еще до ее начала. Почему нам не помогли? Кваст».

После провала операции в гитлеровских спецслужбах постарались поскорее забыть о ней и сделали ставку на агентурную группу «Иосиф». Ей предстояло добыть информацию о стратегических планах советского командования и ликвидировать одного из соратников И. Сталина — наркома путей сообщения Лазаря Кагановича.

«Загадка» Смерша

Часть первая На пути в Берлин

Сталин медленно, в глубокой задумчивости ходил по мягкой ковровой дорожке. Казалось, он не замечал беспокойно переминавшихся Меркулова, Абакумова и Судоплатова. Нарком государственной безопасности, начальник военной контрразведки Смерш и руководитель 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД СССР были вызваны на Ближнюю дачу в таком составе впервые. Интуиция им подсказывала: Сталин стоял перед каким-то важным выбором. Перед выбором, который, вероятно, должен был решительно повлиять на дальнейший ход войны.

Восточный фронт на какое-то время стабилизировался. Однако складывавшаяся оперативно-стратегическая обстановка свидетельствовала, что танковая армада вермахта готовится обрушить свою сокрушительную мощь на оборону советских войск. Но в те майские дни 43-го года в Москве точно никто не знал, когда и где это может случиться.

План операции «Цитадель», летнего наступления вермахта под Курском и Орлом, только еще обретал зримые контуры.

Накануне предстоящей битвы противники пытались предугадать шаги друг друга и как в банальной карточной игре блефовали, чтобы затем, когда придет время, использовать придержанные козыри. В сложившейся ситуации пролить истинный свет на тайные замыслы штабов могли только спецслужбы. Последние разведывательные сводки, касавшиеся

действительных и мнимых планов гитлеровского наступления на Восточном фронте, лежали на столе у Сталина.

Спецсообщение 1-го управления НКГБ СССР, основанное на донесениях лондонской резидентуры, не оставляло сомнений в том, что в ближайшие месяцы гитлеровцы предпримут новое наступление. Ссылки Меркулова на таких информированных лиц, как бывший чехословацкий президент Бенеш, военный атташе Японии в Берлине генерал-майор Кумацу и редактор финской газеты «Ууси Суоми» Лаури, выглядели убедительными.

Эти данные подтверждались особо ценным агентом — Джоном Кэрнкроссом, работавшим в самом сердце британской разведки, в службе радиоперехвата. 25 апреля ей удалось перехватить переговоры командующего группой армий «Юг» гитлеровских войск генерал-фельдмаршала фон Вейхса с оперативным отделом Генерального штаба вермахта. Речь шла о подготовке крупной наступательной операции вермахта на Восточном фронте.

Основываясь на данных материалах, Меркулов делал осторожный вывод о том, что основной удар гитлеровцы нанесут в полосе Центрального и Брянского фронтов. При этом он не исключал повторения наступления как на Ленинград, так и на столицу. Его оценки подтверждались разведывательными данными, полученными спецгруппами 4-го управления НКГБ СССР. В частности, агент Святой, внедренный в абверкоманду-103, в последнем сообщении доложил:

«8 мая в бюро находился лейтенант из абверкоманды-103. При нем находилась карта разведотдела с обстановкой на фронте по состоянию на 5 мая. В беседе он рассказал, что гитлеровское командование решило наступать в направлении Орел — Елец и Белгород — Малоархангельск с задачей окружить и уничтожить группировку наших войск, находящуюся на этом участке фронта. К настоящему времени, по его словам, в район Орла стянуто девять армий, из которых половина танковых. На участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа гитлеровское

командование решило перейти в оборону, там сейчас находится всего две армии».

Информация Святого переключалась с данными, добытыми зафронтовым агентом Смерша Гальченко.

Курск? Москва? Ленинград? Где на сей раз ожидать удара гитлеровских войск? Весной 43-го этот вопрос не давал покоя Сталину. И здесь невольно на память приходили трагические события годичной давности. Тогда гитлеровским спецслужбам и вермахту удалось его провести.

29 мая 1942 года командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге ловко подкинул «убойную» дезу — директиву «Кремль» Генштаба вермахта. А чтобы в Москве отпали последние сомнения в плане захвата столицы, издал по армии аналогичный приказ. Спустя несколько дней оба «сверхсекретных» документа обнаружила поисковая группа красноармейцев в самолете, упавшем на советской территории.

Не успели еще остыть его обгоревшие обломки, как план «Кремль» был уже в Москве. Тогда в Генштабе Красной армии поверили, что вермахт снова готовится обрушиться на столицу. И он, Сталин, тоже поймался на эту уловку и не принял в расчет данные лондонской резидентуры. Ее резидент Иван Чичаев общал совершенно обратное — о наступлении гитлеровцев на Южном фронте. Заблуждение дорого обошлось стране. Красная армия потерпела сокрушительное поражение, ее войска откатились к берегам Волги и предгорьям Кавказа.

Спустя год история повторялась. На этот раз намерение Гитлера захватить и уничтожить Москву не выглядело таким уж беспочвенным. Как всякий авантюрный игрок, он, лишившись за два года войны многих своих козырей, собирався, видимо, одним махом сорвать весь банк и решил любой ценой сокрушить советскую столицу. В этом имелась своя логика. Впереди было целое лето, то, чего Гитлеру не хватило в 41-м. Очевидны были и политические дивиденды подобной рискованной игры. Успех мог поднять боевой дух вермахта, а Япония, союзник Германии, решила бы наконец нанести удар на Дальнем Востоке.

Сталин вновь оказался перед трудным выбором и потому потребовал от Меркулова, Абакумова и Судоплатова получения достоверной информации о предстоящем наступлении гитлеровцев, чтобы своевременно принять ответные меры. На них была возложена задача не только по обеспечению в глубочайшей тайне плана подготовки контрнаступления Красной армии, но и проведения стратегических дезинформационных операций, которые бы ввели в заблуждение гитлеровскую разведку, а вместе с ней и командование вермахта относительно ответных действий советских войск.

После совещания у Сталина Абакумов, несмотря на поздний час, поехал сразу на Лубянку. Его мысли были заняты только одним: как выполнить задание Сталина? Он не замечал буйства природы весенней Москвы и не чувствовал пьянящего аромата молодой листвы и первых цветов. Скрип тормозов и часовой, вытянувшийся в струнку у входа в 4-й подъезд, на время отвлекли его от назойливых мыслей. На приветствие часового Абакумов машинально кивнул головой, поднялся на лестничную площадку и, не дожидаясь лифта, энергично зашагал на четвертый этаж.

Там его встретил дежурный по главку, кратко доложил обстановку в управлениях Смерша и проводил до двери кабинета. На приставном столике надрывалась звонками батарея разнокалиберных телефонов. Абакумов прошел к креслу и, не обращая внимания на трезвон, приказал дежурному «поставить на связь» начальников 3-го и 4-го отделов, а затем потянулся к папиросам и закурил.

Начальник 3-го отдела полковник Барышников находился на месте. Начальник 4-го отдела полковник Тимофеев был в командировке, и вместо него ответил заместитель полковник Утехин. Не вдаваясь в детали, Абакумов потребовал от них немедленно представить материалы на всех перспективных зафронтовых агентов и только потом стал принимать доклады руководителей фронтовых управлений Смерша.

Первым на связи был начальник управления Брянского фронта генерал-майор Железников. Он сообщил важные разве-

дывательные данные о прибытии в Орел бронетанковой дивизии «Мертвая голова» и нескольких отборных подразделений СС. Комиссар госбезопасности Вадис (вскоре, 26 мая 1943 г., он стал генерал-майором) с возмущением доложил об обнаружении в некоторых артиллерийских частях Центрального фронта бракованных реактивных снарядов. В танковой армии Воронежского фронта оперативные работники генерал-майора Осетрова выявили пропажу шести совершенно секретных документов. Из управления Забайкальского фронта сообщили об оперативной разработке некоего Де До Суна, подозреваемого в связях с японской разведкой.

Стук в дверь прервал разговор Абакумова с начальником управления Смерша Северо-Западного фронта генерал-майором Едуновым. В кабинет вошли ведущие разработчики разведывательных и контрразведывательных операций Барышников и Утехин. В их руках громоздились пухлые тома дел. Абакумов кивнул головой на стол. Они оставили материалы и так же тихо, как вошли, удалились. Закончив разговор с Едуновым, Абакумов переключил телефоны на заместителя генерала Селивановского и принялся за работу над делами.

Они пестрели разноцветными закладками. Барышников и Утехин предусмотрительно заострили его внимание на значимых эпизодах в работе перспективных, на их взгляд, зафронтowych агентов. Абакумов, попыхивая папиросой, внимательно, страница за страницей перечитывал рапорты оперативников и спецсообщения самих разведчиков. В отдельных делах попадались пожелтевшие от времени, со старомодными «ъ» доносы жандармских агентов на родителей разведчиков и копии записей из церковных книг.

Контрразведка в работе не знает мелочей. Порой незначительная деталь (например, дальний родственник, занимающий высокий пост) выводила, казалось бы, безнадежную операцию из тупика и обеспечивала ее успех. Досадная мелочь, упущенная на этапе подготовки, — не там поставленная отметка в документе или неточность в легенде прикрытия делала

даже самого опытного разведчика легкой добычей абвера и гестапо.

Время приближалось к обеду. Стопка дел становилась все тоньше, а Абакумов так и не выпустил из руки красного карандаша. Несколько листов были сплошь покрыты его размашистым почерком. Он вникал в детали и внимательно вчитывался в эту одну из самых захватывающих книг, книгу необыкновенных человеческих судеб.

Зафронтной агент Особого отдела Юго-Западного фронта Мосейчук (Владимир Даниленко) в январе 1942 года был заброшен в гитлеровский тыл и поступил в полицию. Сумел завоевать доверие, вырос по службе до начальника подразделения в Киеве.

Михайлов (Алексей Соболев) в июне 1942 года по заданию Особого отдела 20-й армии Западного фронта перешел линию фронта под легендой перебежчика с целью внедрения в гитлеровскую разведку. Задание успешно выполнил. Находясь в смоленской диверсионной школе, подчинявшейся абверкоманде-103, он склонил для работы на советскую разведку 12 курсантов.

Борисов (Лев Бретнер) уже в течение нескольких месяцев действовал в составе аппарата управления 721-й группы Тайной полевой полиции (ГФП, GFP — Geheime Feldpolizei). Привлек к сотрудничеству еще одного кадрового сотрудника и создал разведывательную сеть из числа жителей Донецка.

Они и ряд других зафронтных агентов Смерша работали в самом логове врага — в разведцентрах и диверсионных школах гитлеровских спецслужб. Поступающая от них информация позволила разоблачить сотни шпионов и обезвредить десятки диверсионных групп. Отдавая должное их мужеству и самоотверженности, Абакумов как профессионал вынужден был признать, что только двое были способны выполнить задачу стратегического характера.

Он взял дело Гальченко, старшего техника-интенданта 1 ранга Петра Прядко, и остановился на характеристике, на-

писанной на него еще в 1941 году начальником Особого отдела НКВД 6-й армии капитаном Павлом Рязанцевым:

«Прядко Петр Иванович, оперативный псевдоним Гальченко, он же Петренко, кадровый сотрудник абвергруппы-102, 1913 года рождения, уроженец м. Каневцы Чернобаевского района Полтавской области, кандидат в члены ВКПб, украинец, кадровый военный, в Красной армии с 1937 года.

...По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный. Быстро и хорошо ориентируется в боевой обстановке.

К заданиям относится серьезно и выполняет их точно, в соответствии с нашими указаниями...»

Каждое слово характеристики Петр подтвердил делами. Добытые им материалы позволили обезвредить сто одного агента абвера. Такими результатами могли гордиться далеко не все фронтовые управления Смерша.

Абакумов вытащил из кармашка на внутренней обложке дела фотографию разведчика. Прядко, молодой, лобастый, с открытым взглядом, в котором таилась лукавинка, вызывал симпатию и доверие. Но одного этого было мало, чтобы обеспечить успех предстоящей операции. При всех своих способностях, смелости и надежности разведчик объективно не мог выполнить задачу стратегического уровня. Петр был уязвим. Только благодаря находчивости и везению он дважды, в Абинске и Краснодаре, избежал провала. Третьего раза могло и не быть — гестапо тоже не дремало. Но главным препятствием на пути к участию в предстоящей операции являлось то, что у него отсутствовали связи, которые могли бы заинтересовать высшее руководство абвера.

Из всего списка остался один Северов — Виктор Бутырин. У него было то, что не имел никто другой из разведчиков Смерша. Его родственник Леонов являлся ответственным работником

Наркомата путей сообщения (НКПС) и находился на короткой ноге с железнодорожным наркомом Лазарем Кагановичем. Даже человеку, далекому от разведки, одна его должность говорила о многом. Иметь своего агента в таком месте, как НКПС, было не просто находкой, а мечтой для любой разведки.

Абакумов вновь внимательно перечитал последние донесения Северова и затем вернулся к характеристике:

«Контрразведывательную работу любит. Проявляет находчивость и инициативу. Хорошо ориентируется в сложной обстановке. Успешно участвовал в серьезных агентурных мероприятиях.

По личным качествам — волевой, энергичный, дисциплинированный, всесторонне развит.

По навыкам, умению и личным качествам может быть использован для выполнения серьезных заданий».

И не столько этот вывод, говоривший о высоком разведывательном потенциале Бутырина-Северова, сколько его оперативные возможности предопределили выбор Абакумова.

Путь Виктора в разведку мало чем отличался от того, каким пришли в нее Петр Прядко, Алексей Соболев, Владимир Даниленко и другие. В начале войны он добровольцем вступил в Красную армию. Знание радиодола, неплохое владение немецким языком, смелость, находчивость и умение хладнокровно действовать в сложных ситуациях привлекли к нему внимание армейских разведчиков.

С октября 1941 года Виктор приступил к выполнению их заданий. Обстановка на участке Северо-Западного фронта сложилась тогда критическая. Танковые клещи вермахта разрывали зыбкую оборону советских войск и тянулись к Ленинграду. На передовой каждый человек и каждый штык были на счету, а в это время десятки тысяч командиров и бойцов Красной армии отчаянно бились в окружении.

Перед Виктором стояла нелегкая задача: после десантирования в тыл противника организовать связь окруженцев с

Большой землей, а затем в качестве проводника обеспечить их выход к линии фронта. За два с небольшим месяца ему пришлось совершить несколько таких ходок. Последняя закончилась трагически. При приземлении он повредил позвоночник, а когда пришел в сознание, то оказался в руках фашистов поисковой группы Тайной полевой полиции. Рация с парашютом не оставляли ему выбора, и тогда Виктор решил завязать с гитлеровцами игру. Его связи в армейской разведке заинтересовали начальника ГФП-501 майора Гофмайера.

После долгих и изнурительных допросов Гофмайер, прежде чем дать Виктору, теперь уже своему агенту Попову, важное задание, решил «замарать» его на партизанах. Он снабдил Виктора фиктивными документами, рацией и в составе поисковой группы направил в район действий партизан с задачей внедриться в их ряды и вести разведку.

В псковских лесах Виктор вышел на контакт с партизанами и в беседе с командиром отряда рассказал, что выполняет разведывательное задание командования Северо-Западного фронта. Первым же самолетом его переправили на Большую землю. И здесь он оказался перед сложным выбором. Рассказать или промолчать о том, что произошло с ним во время последней заброски? Как поступают с подозрительными окруженцами, а тем более с теми, кто пошел на сотрудничество с гитлеровцами (пусть даже вынужденное), ему было хорошо известно. В те месяцы трибуналы не скупались на смертные приговоры. И тогда он решил обратиться к военным контрразведчикам.

В Особом отделе Северо-Западного фронта ему сразу на слово не поверили и взяли в оперативную проверку. Ее результаты, прошлый послужной список и открывшиеся перед военными контрразведчиками возможности по проникновению в гитлеровскую спецслужбу привели их к решению: через Северова-Попова завязать с ней оперативную игру. Несмотря на опасность снова оказаться перед угрозой расстрела (Гофмайер практиковал подобную проверку возвратившихся из

советского тыла агентов), Виктор согласился отправиться к гитлеровцам с новым заданием.

Само по себе оно было на грани разумного риска. При встрече с Гофмайером Виктору надлежало сообщить:

«В первый же день в районе Старой Руссы я был пойман партизанами и на самолете доставлен в г. Валдай Северо-Западного фронта. Там выдал себя за своего друга Ефимова Виктора, который пропал без вести под Ленинградом. Однажды, узнав о том, что немцы набирают в отряд для борьбы с партизанами, я поступил в отряд с целью при первой же возможности бежать к красным. Из-за ранения (повреждение позвоночника) меня взяли радистом.

Водну из карательных поездок, когда группа была обстреляна (что так и было. — Авт.), я воспользовался паникой и бежал к партизанам с рацией. Снял с меня допрос и проверив показания через свою партизанскую агентуру, решили забросить меня обратно с заданием — убить или похитить Гофмайера и пообещали награду — звание Героя Советского Союза».

По завершении подготовки, 9 апреля 1942 года, Виктор был сброшен на парашюте в районе между Старой Руссой и станцией Дно. Гофмайера с его штабом он нашел в деревне Скугры и «порадовал» заданием особистов — предстоящей его ликвидации. Майор на этот раз не высказал особого энтузиазма по поводу благополучного возвращения агента, и полтора месяца Виктор находился не у дел. Растить у себя под боком будущего советского героя Гофмайер, вероятно, не рискнул и убрал его от греха подальше. В июне вместе с другим Виктором — Белинским, который, видимо, должен был за ним приглядывать, их отправили в Ригу, в разведшколу «Абверштеллеостланд».

В Риге Виктор не задержался. В числе других наиболее подготовленных и опытных агентов его направили в диверсионную школу, располагавшуюся в местечке Вяцати, а в июле перевели в Балдоне. Там он в течение нескольких месяцев проходил интенсивную подготовку в составе специальной группы к «глубинной

разведывательно-диверсионной деятельности на территории республики Коми». В высшем руководстве абвера рассчитывали на то, что группа Попова сможет стать ядром повстанческого движения, вокруг которого должны были объединиться находившиеся в ссылке выходцы из республик Прибалтики.

Комплектование и работу с группой вел кадровый разведчик Николай Дуайт-Юрьев. Виктор, воспользовавшись тем, что его мать была родом из Ленинграда, сумел сблизиться с ним и установить приятельские отношения. В дальнейшем с его помощью он познакомился с другими преподавателями-инструкторами и через них собрал данные на руководителей и ряд курсантов разведшколы.

В сентябре 1942 года группу в полном составе возвратили в Ригу, в распределительный пункт «Абверштеллеостланд». В течение трех месяцев она находилась в готовности для заброски в советский тыл. Преподаватели в обучении курсантов особенно не усердствовали, и Виктор, воспользовавшись этим, принялся исподволь готовить почву для вербовки Дуайта. Под предлогом изучения «Майн Кампфа» Гитлера просил его перевести основные положения книги. В ходе их обсуждения неназойливо сеял у него сомнения в непогрешимости идей национал-социализма.

Это, а также недовольство Дуайта топорными методами работы германской разведки и тем, что его, арийца-полукровку, немцы держат за черную кость, привели к тому, что в декабре 1942 года он сам предложил Виктору установить контакт с советской разведкой. К такому решению пройдошливого и прагматичного Дуайта подтолкнуло, видимо, докатившееся до тихой Риги эхо грядущей катастрофы вермахта под Сталинградом. Виктор, опасаясь провокации, не сразу принял это предложение, держал паузу и, чтобы отрезать ему пути назад, предложил сначала собрать компрометирующий материал на личный состав «Абверштеллеостланд», а потом уже искать канал связи с советской разведкой. Дуайт согласился, но довести эту работу до конца им не удалось.

В январе 1943 года группу Попова передали из абвера в Главное управление имперской безопасности, в подразделение «Цеппелин-Норд». На базе его учебного центра в Гатчине Виктор с Дуайтом готовились к выполнению специального задания в Ленинграде и одновременно занимались сбором разведывательных данных. У них накопился значительный объем информации. Однако восстановить канал связи с Особым отделом Северо-Западного фронта, в том числе и через местное подполье, Виктору так и не удалось.

Заброска в тыл Красной армии также откладывалась. Ни начальник центра гауптштурмфюрер СС Мартин Курмис, ни преподаватели, ни тем более курсанты не могли знать ее причины. Все решалось на самом верху, а там северное направление стало второстепенным. Вермахт готовился нанести сокрушительный удар на центральном участке фронта, под Курском и Орлом. 15 апреля 1943 года Гитлер подписал директиву № 6. И мощный бронированный кулак, состоявший из новейших тяжелых танков Т-6 «Тигр» и Т-5 «Пантера», штурмовых орудий «Фердинанд», начал сосредотачиваться на Курской дуге.

Оставаться и дальше без связи с Центром, имея на руках материалы на десятки агентов, которые шпионили и совершали диверсии в тылу советских войск, Виктор уже не мог и решил использовать свой последний козырь. В беседе с Дуайтом он вскользь упомянул о своем высокопоставленном родственнике Леонове в Наркомате путей сообщений. Тот с ходу предложил ему обратиться к гауптштурмфюреру СС Курмису. Виктор отказался, так как опасался, что такой опытный разведчик, каким являлся Курмис, мог заподозрить подвох. Действительно, после четырех месяцев молчания, подобное заявление выглядело бы странным, если не сказать больше — подозрительным. После недолгого спора Дуайт согласился с тем, что информацию доводить до Курмиса лучше через него.

Расчет оправдался. Курмис с полуслова понял, какой важный кадр попал в его руки, и незамедлительно сообщил в Берлин. Первый шаг в операции, от успеха которой через

месяц-другой будут зависеть жизни и смерти тысяч советских солдат, был сделан. Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой.

Часть вторая

Визит к Кальтенбруннеру

На докладную начальника центра «Цепелин-Норд» гауптштурмфюрера СС Мартина Курмиса на Потсдамерштрассе, 29, где находилось VI управление РСХА — политическая разведка службы безопасности, среагировали оперативно. Шифровка в кабинетах 6-го отдела не залежалась. Вечером того же дня с предложениями ведущего специалиста по русской агентуре штурмбанфюрера СС Вальтера Курека она легла на стол руководителя «Цепелина» оберштурмбанфюрера СС доктора Гайнца Грефе. После ознакомления с ее содержанием Грефе позвонил Курмису и потребовал немедленно командировать Попова и Дуайта-Волкова в его распоряжение.

Ближайший поезд на Берлин отправлялся через час. К тому времени билеты, командировочные и спецпропуска на Дуайта-Волкова и Бутырина-Попова лежали на столе Курмиса. Поднятые среди ночи, они стояли перед Курмисом и сонно хлопали глазами. Гауптштурмфюрер был краток, так как там, в столице, уже вряд ли чем мог им помочь, и потому потребовал только одного — не быть идиотами и использовать подвернувшуюся возможность, чтобы проявить себя.

Прифронтовой Псков провожал Виктора и Николая переключкой ночных патрулей и лязгом затворов автоматов. К вокзалу они добрались одновременно с приходом поездом. Паровоз сердито попыхивал парами. Из приоткрытых дверей тамбуров бледными полосками пробивался свет. На ступеньках застыли заспанные кондуктора и, помахивая фонарями, выкрикивали номера вагонов. Пассажиров оказалось не много. На фронте шли затяжные бои, и командиры не баловали своих подчиненных отпусками в фатерланд.

Бутырин и Дуайт поднялись в полупустой вагон, прошли в купе и по-хозяйски заняли нижние полки. Сиплый свисток паровоза потонул в грохоте и лязге металла. Вскоре под мерный перестук колес Виктор не заметил, как задремал. Проснулся он поздно, солнце вовсю палило в окно. За ним мелькали ухоженные поля, ровные, как армейский плац, и расчерченные, будто по линейке, на идеальные квадраты и прямоугольники дороги без единой выбоины, лужайки, подстриженные словно под гребенку, у сверкающих свежей краской фольварков и кирх.

Здесь, в самом сердце военной машины Германии, Восточной Пруссии, эти идиллические картинки мирной жизни представляли разительный контраст с теми чудовищными разрушениями, которые еще вчера стояли перед глазами Виктора. Он уже больше не мог спокойно смотреть на это бюргерское благополучие и слышать звучавшую в коридоре гортанную немецкую речь и раскатистый смех. Перед глазами невольно возникали исковерканные взрывами подводы, машины и вагоны, раздавленные гусеницами танков десятки человеческих тел — женщин, стариков и детей. От жутких воспоминаний Виктор поежился и, чтобы на время забыться, зарылся в газеты и журналы, которые неугомонный Николай натащил в купе.

В столицу Германии они приехали поздним вечером. Поезд бесшумно остановился у сверкающей идеальной чистотой платформы. Николай, подхватив чемодан, первым вышел из вагона и завертел головой по сторонам, высматривая встречающего от «Цепелина». Виктор встал рядом.

Встретил их худощавый, напоминающий юношу оберштурмфюрер. На вид ему было не больше двадцати. Над верхней губой пробивалась редкая щетка усов, на щеках играл нежный девичий румянец. При ближайшем рассмотрении курьер для особых поручений из специальной команды СД Алоиз Гальфе оказался не настолько юн. Под его остекленевшим взглядом Виктор почувствовал себя неуютно. В нем сквозило холодное презрение к прибывшим с периферии провинциалам.

Дауйт проглотил обиду и молча пошел за Гальфе. На вокзальной площади их поджидала машина. Вышколенный водитель запихал вещи в багажник и, не проронив ни слова, уверенно повел машину по знакомому ему маршруту. Виктор приник к стеклу и с жадным любопытством разглядывал Берлин, город, который когда-то укрыл его дядю, петербургского большевика, от ищек царской охраны.

За прошедшие десятилетия с городом и его жителями произошло, казалось, невысказанное. Кучка нацистов, свившая свое гнездо в прокуренных подвалах баварских пивных, за короткий срок сумела вывернуть наизнанку и Берлин, а вместе с ним и всю Германию, и степенных и рассудительных гансов и гертруд. Рожденные их безумием губительные идеи национализма в короткий срок заразили души миллионов немцев перспективой завоевания мирового господства и создания Тысячелетнего рейха.

Виктор, сжав кулаки, продолжал напряженно всматриваться в город и его обитателей. Он уже давно пытался найти ответ на мучительный вопрос: как могло произойти столь разительное превращение целой нации в кроважидное чудовище? Как?! Серые стены домов и одинаковые, напоминающие театральные маски лица немцев были немые и безлики. По маскам сущность души не определишь.

Виктор замкнулся в себе и перестал обращать внимание на неугомонного Николая. Тот живо реагировал на то, что происходило вокруг, и пытался тормозить вопросами Гальфе, но вскоре и ему надоело смотреть по сторонам.

Начались пригороды Берлина. За увитыми плющом металлических оградами, линиями лубочными картинками мелькали виллы и частные пансионаты. Виктор гадал, куда их везет Гальфе, но тот хранил гробовое молчание. За несколько километров до Ораниенбурга водитель свернул на лесную дорогу. Она серой змейкой петляла среди густого соснового бора и закончилась перед высокими металлическими воротами.

В глаза, как в Пскове, не бросались караульные вышки с часовыми, а слух не оглушал лай сторожевых псов. Лишь вни-

мательный глаз мог заметить поблескивающую на солнце серебристую нить провода высокого напряжения, идущего поверх крепостного парапета, а в угловых башнях угадывались искусно замаскированные пулеметные гнезда. Вместо привычных рядов колючей проволоки по периметру замкнутой петлей вытянулась аллея из аккуратно подстриженных молодых лип. За ними на длинных металлических штырях висела сетка-«путанка».

На территории вместо привычного плаца перед главным корпусом раскинулся пышный розарий. Прямые, как стрелы, дорожки были тщательно посыпаны золотистым песком. Сам замок и примыкающие к нему постройки дышали патриархальной стариной и напоминали загородный пансионат для заслуженных ветеранов партии. Лишь частые глухие хлопки, доносившиеся из подземного тира, где будущие суперагенты и супердиверсанты «вострили себе глаз и набивали руку», нарушали благостную тишину и напоминали, что здесь находится лагерь особого назначения Главного управления имперской безопасности.

В холле гостиницы Виктора и Николая встретил детина с непроницаемым лицом и проводил их на второй этаж, открыл двери двух соседних номеров и оставил одних. Не успели они расположиться, как в коридоре послышались шаги. Вместе с Гальфе появился рыжеволосый крепыш среднего роста с фигурой борца и холодным взглядом профессионального убийцы. Это был начальник лагеря особого назначения гауптштурмфюрер СС Зигель. Окинув новобранцев цепким взглядом, он, словно хорошо заученный урок, провел с ними инструктаж. После этого Виктор и Николай остались наконец одни и принялись обживать новое место.

Утро следующего дня началось для них с раннего подъема и энергичной зарядки. После завтрака последовали изматывающие душу допросы. Последующие дни были заполнены до предела. Свободное время оставалось только на сон. С утра и до позднего вечера они крутились словно белки в колесе, в бесконечной череде тренажей. От пальбы из пистолетов и авто-

матов, казалось, расколется голова. К вечеру указательный палец от ударов по ключу радиопередатчика немел, а от хитроумных схем минирования, которые чертили инструктора на досках, начинало рябить в глазах.

Короткий перерыв наступал лишь после ужина. Виктор пытался воспользоваться им, чтобы хоть что-нибудь узнать о загадочном лагере особого назначения гитлеровской разведки. Но завеса тайны над всем, что здесь происходило, была такая, что кроме фамилии начальника лагеря Зигеля, его заместителя Родентала и периодически наезжавшего из Берлина штурмбанфюрера СС Вальтера Курека, контролировавшего ход их подготовки, ему мало что удалось выяснить. Лишь по количеству стульев в столовой он догадался, что таких, как они с Николаем, здесь было семнадцать.

По обрывкам речи, глухо доносившейся из-за дверей классов, Виктор сделал вывод, что разведывательно-диверсионную подготовку проходили также англичане, поляки, французы и даже американцы. Это был «международный учебный лагерь» для элитных разведчиков Главного управления имперской безопасности.

Единственной нитью, связывавшей Виктора и Николая с внешним миром, был Курек. Тот с постоянством маятника Фуко появлялся в замке ровно в девять, и начинались изматывающие Виктору душу беседы-допросы. Курек, подобно клещу, цеплялся за мельчайшие детали из его прошлой жизни и службы. Из чего можно было сделать вывод, что он и стоящие за ним высшие руководители «Цеппелина» со всей серьезностью отнеслись к информации о Леонове и, судя по всему, планировали ни много ни мало его вербовку и получение стратегических разведанных.

Вторая и не менее сложная задача, которую отрабатывал с ним Курек, состояла в совершении теракта против Кагановича, а при удачном стечении обстоятельств — в ликвидации самого Сталина. Спецы из Главного управления имперской безопасности знали свое дело. Перед глазами Виктора начало рябить

от тайного арсенала убийств. По ночам ему снились то ручки, выстреливающие смертоносными ядами, то безобидные заколки, от легких уколов которых с ног валялся здоровенный бык. В конце концов Курек и Курмис остановились на специально изготовленном бесшумном пистолете, распыляющем отравляющий газ. Это оружие, по их замыслу, предстояло применить, когда он вместе с Леоновым окажется на приеме у Кагановича. Собственную его жизнь Курек гарантировал антидотом — противоядием.

Шел четырнадцатый день подготовки. Утро 18 июня не предвещало ничего необычного. Разве что на этот раз занятия начались без Курека. После завтрака Виктор и Николай вместе с Роденталом отправились в лабораторию и заняли места в специальных кабинетах. Инструктор принялся раскладывать на стеллажах свои «гремучие штучки»: ручки, портсигары, зонты, которые когда надо в руках боевиков начинали стрелять или брызгать ядами. И вдруг в двери появился Зигель.

Судя по выражению лица Зигеля, произошло что-то из ряда вон выходящее. Ничего не объясняя, он отвел их на вещевой склад. Там у Виктора и Николая запестрело в глазах от обилия военных мундиров: немецких, русских, английских. Их разнообразие говорило о том, что гитлеровская разведка пока еще работала с размахом. Кладовщик подобрал два мундира пехотных офицеров Красной армии.

Переодевшись, Виктор с Николаем поднялись в кабинет Зигеля и там столкнулись с Курмисом. На днях он был переведен из Пскова в Берлин с повышением. Новое назначение и новое звание — штурмбанфюрер, кажется, сделали его на полголовы выше. Придирчиво осмотрев бывших своих подчиненных в новой форме, Курмис остался доволен ими и пригласил к себе в машину. По дороге на их вопросы о цели поездки отделялся общими фразами и ссылался на то, что подробные разъяснения они получат в Берлине непосредственно от Грефе.

Это еще больше разожгло любопытство Виктора и Николая. Они пытались разговорить Курмиса, но тот всякий

раз уходил от ответа и предпочитал переводить разговор на другие темы. Чем меньше километров оставалось до Берлина, тем больше он замыкался в себе. Предстоящая встреча бывших подопечных с руководителем «Цеппелина» немало значила и лично для него. Теперь пришло время, как говорится у русских, показывать товар лицом. От норовистого Грефе, болезнь которого сделала его характер непредсказуемым, можно было ожидать чего угодно.

Скрип тормозов и возникшая мрачная каменная громада Главного управления имперской безопасности положили конец терзаниям Курмиса и заставили Николая прикусить свой неугомонный язык. Они поднялись по ступенькам, вошли в просторный холл и остановились перед часовым. Тот проверил документы, потом скользящим взглядом прошелся по Виктору с Николаем. На его лице не дрогнул ни один мускул, будто перед ним каждый день десятками проходили советские офицеры, и отступил в сторону.

Курис быстрым шагом двинулся по лабиринту коридоров. Виктор и Николай едва поспевали за ним. Одну за другой они проходили одинаковые двери с номерами на металлических табличках. Курмис, видимо, еще не успел освоиться на новом месте и вертел головой по сторонам. После очередного поворота остановился и, помедлив, неуверенно толкнул дверь. За ней оказалась приемная. Навстречу поднялся туго затянутый в ремни адъютант Грефе. Бросив любопытный взгляд на Виктора с Николаем, распахнул дверь в кабинет.

Пройдя узкий темный тамбур, они оказались в большом квадратном кабинете. Он мало чем отличался от тех, на которые Виктор успел насмотреться за последние дни. За креслом на стене висел неизменный портрет Гитлера. В углу неторопливо отсчитывали время старинные напольные часы. За огромным дубовым столом, покрытым синим сукном, в массивном кожаном кресле сидел хозяин кабинета.

Руководитель «Цеппелина» оберштурмбанфюрер Гайнц Грефе напоминал старого кота: все его движения были по-

кошачьи мягкими и пластичными. На невзрачном, землистого цвета лице выделялись лишь глаза — холодные и неподвижные, они невидимыми щупальцами цепко хватали собеседника и как рентгеном просвечивали потаенные уголки души. Он, к удивлению Виктора, заговорил на сносом русском языке и был немногословен. Его хлесткие вопросы не оставляли времени на обдумывание ответов. Этой пристрелкой Грефе, похоже, остался доволен.

Беседа-опрос подходила к концу, когда Грефе огорошил их заявлением о предстоящей встрече с всемогущим шефом службы имперской безопасности Германии обергруппенфюрером Кальтенбруннером. Вытянувшаяся физиономия Курмиса красноречивее всего говорила, что подобный поворот дела и для него явился полной неожиданностью. Решение выслушать лично двух перспективных агентов, которым предстояло сыграть ключевую роль в предстоящей важной операции, получившей кодовое название «Предприятие «Джозеф» («Иосиф»), Кальтенбруннер принял несколько минут назад.

Предложения Грефе и Курека он поддержал, но с одним исключением: вербовку Леонова потребовал провести от имени американцев. В этом был свой резон. Кальтенбруннер не был слепым фанатиком и хорошо понимал, что после тяжелых поражений вермахта под Москвой, Сталинградом и на Северном Кавказе только недалекий человек мог променять свою близость к Кремлю на мешок рейхсмарок, обесценивавшихся с каждым днем. Страх нового ареста, который Леонов пережил по возвращении из командировки в США в 37-м году, должен был, по расчетам Кальтенбруннера, стать мощным стимулом к сотрудничеству с американцами. Америка, где Леонов в течение двух лет катался как сыр в масле, в случае угрозы нового ареста могла стать для него запасным убежищем.

До приема у Кальтенбруннера оставались считанные минуты, и Грефе пришлось на ходу втолковывать Виктору и Николаю как вести себя и что отвечать на его вопросы. Перепрыгивая через ступеньки, они поднялись в особый сектор. Здесь все, на-

чина с исполинского часового и заканчивая мрачными серыми стенами коридора, было пропитано духом аскетизма и суровой неподкупности.

На пороге приемной Кальтенбруннера Грефе суетливо поправил сбившуюся нарукавную повязку и пригладил рукой растрепавшуюся прядь волос. Имя «несгибаемого и беспощадного Эрнста» нагоняло страх не только на врагов рейха, но и на соратников по партии. Редкая улыбка на его иссушенном, как кора дуба, лице, испещренном шрамами от ударов шпаги, напоминавшими о временах бурной студенческой молодости, могла ввести в заблуждение только непосвященных. После убийства в 1942 году в Праге английскими агентами группенфюрера СС Гейдриха он жестоко отомстил за смерть своего предшественника. В первый же день после назначения на освободившуюся должность по его приказу были арестованы и расстреляны тысячи чехов. Потом железной рукой он навел порядок в собственном «хозяйстве». Десятки проштрафившихся офицеров отправились на фронт искупать кровью допущенные в работе промахи.

Разоблачение «Красной капеллы», сети русских агентов, сумевших пробраться в святая святых — в Главный штаб авиации и таскавших секреты из-под носа Геринга, захват большевистской резидентуры и ее руководителя в Бельгии подняли авторитет Кальтенбруннера в глазах фюрера. Гитлер без тени сомнения доверял ему расправы не только над внутренними врагами рейха, но и все чаще полагался на его разведывательные доклады, чем на абвер, начавший терять нюх. Агенты Главного управления имперской безопасности активно действовали в Швейцарии, США, Британии и регулярно добывали ценную информацию о планах западных союзников СССР. Но судьба войны решалась не в пустынях Африки, а на Восточном фронте, на бескрайних русских просторах.

До начала операции «Цитадель», которая, по всем расчетам, должна была переломать хребет упрямому русскому «медведю», оставалось меньше месяца. Совещания у фюрера

заканчивались одним и тем же: он требовал от разведки одного — проникнуть под завесу стратегической тайны и разгадать замыслы коварного Сталина. Несмотря на массовую засылку агентуры в тыл Красной армии (только весной абвер и «Цепелин» забросили свыше 240 разведывательно-диверсионных групп), результаты их работы оказались плачевными. Большинство агентов было ликвидировано в первые дни после заброса, а оставшиеся в живых долго не задерживались на свободе. Несколько десятков групп, которым повезло больше, тоже не могли похвастаться особыми результатами — поступавшая от них информация носила тактический характер.

Поэтому агента Попова с его родственником, ответственным работником НКПС, Кальтенбруннер воспринял как дар божий. Вербовка Леонова открывала прямой доступ к стратегическим секретам Сталина. Планы перевозок, которые планировались в Наркомате путей сообщений и затем докладывались Кагановичем высшему руководству страны, позволяли заблаговременно узнавать о будущих ударах русских армий. Рейхсфюрер Гиммлер тоже зацепился за группу «Иосиф» и взял на личный контроль подготовку к операции. Все это вывело ее на такой уровень, что Кальтенбруннер решил своими глазами посмотреть на перспективных агентов.

Первым в кабинет вызвали Дуайта-Волкова. Вместе с ним вошел и Грефе. От волнения перед глазами Николая все плыло и сливалось. На непослушных ногах он прошел к столу, не помнил, как сел на стул, и долго не мог понять вопрос. Постепенно ровный тон и деловитость Кальтенбруннера вернули ему уверенность в себе. Судя по всему, разговор вызвал живой интерес у шефа германской спецслужбы. Его занимала не только предстоящая операция, но и более широкий круг вопросов. Кальтенбруннер будто забыл про Грефе и теперь обращался только к Дуайту. Он пытался разобраться во многом: почему такой большой отсев среди кандидатов в агенты из русского контингента? в связи с чем происходят их частые провалы? почему невысок уровень достоверности добываемой ими раз-

ведывательной информации? что надо сделать, чтобы изменить положение к лучшему?

И таких «почему» и «что надо делать» Николаю, видимо, пришлось бы слышать еще долго, если бы не звонок: Кальтенбруннера срочно вызывали в ставку Гитлера. Прием закончился.

После этого «Предприятие «Джозеф» перешло в практическую стадию подготовки к переброске за линию фронта. Остаток дня и весь следующий день для Виктора и Николая пролетели в невероятно быстром темпе; все было связано с предстоящим вылетом.

В ночь на 19 июня 1943 года плотные облака, казалось, стелились над самой землей. В них, словно в вате, тонул надсадный гул моторов крадущегося в кромешной темноте «Хейнкеля-111» — спецсамолета из особой эскадрильи рейхсфюрера СС Гимmlера. На подлете к железнодорожной станции Егорьевская, в Подмоскowie, он сбросил скорость, сделал крутой разворот и на мгновение будто завис в воздухе. Прошло еще несколько секунд, и в ночном небе распустились огромными тюльпанами купола двух парашютов. Вскоре камыши, обрамлявшие озеро, скрыли парашютистов, приземлившись на кромке берега.

Так началась активная фаза операции «Предприятие «Иосиф» («Джозеф»), задуманная гитлеровским разведорганом «Цеппелин» VI управления РСХА.

Ранним утром 20 июня в Егорьевский районный отдел НКВД вошел мужчина и заявил дежурному, что является зафронтовым разведчиком Особого отдела Северо-Западного фронта Северовым, внедренным в германскую разведку, которая направила его с напарником Волковым для выполнения специального задания. Через несколько часов Виктора и Дуайта доставили на Лубянку.

При встрече с начальником 3-го отдела Смерша полковником Георгием Утехиным Виктор доложил о выполнении задания. Кроме главной цели, которую перед ним и Дуайтом поставил Кальтенбруннер, — вербовка «Л» и теракт против

Кагановича, ему было еще что доложить. Установочные и характеризующие данные на 133 гитлеровских агентов, 18 фотографий сотрудников «Цепелина», 9 оттисков печатей и штампов, образцы подписей ряда руководителей, а также специальный пистолет и заряды с отравляющим препаратом, сконструированные в спецлаборатории Главного управления имперской безопасности, поступили в распоряжение Смерша.

Информация о планируемом гитлеровскими спецслужбами террористическом акте против Кагановича была немедленно направлена в НКВД.

25 июня после детального опроса Бутырина и Дуайта и перепроверки полученных от них данных Утехин доложил Абакумову рапортом основное их существо и высказал предложение:

«В связи с тем, что группа («Иосиф»). — Авт.) имеет очень интересное задание, по которому можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как вызов, например, квалифицированных вербовщиков, данную группу целесообразно включить в радиоигру. Первую радиограмму установить 26 июня т. г., передав радиограмму следующего содержания: «Приземлился хорошо. Следующая связь 2 июля в 21 час». Текст будет передан на немецком языке... Прошу Вашей санкции».

В обсуждении этого предложения принял участие помимо Абакумова и Утехина начальник 3-го отдела полковник Владимир Барышников. Совещание было коротким. Небольшой спор возник, когда речь зашла о названии предстоящей операции. В конце концов остановились на «Загадке». И когда все вопросы были сняты, Абакумов размашисто красным карандашом поставил свою подпись на докладной Утехина.

На следующий день контрразведчики принялись готовить в Малаховке, на служебной даче, радиоточку для работы радиостанции «Иосифа», а в Москве — конспиративную квартиру для проживания на тот случай, если в «Цепелине» задумают направить курьеров для проверки. Свой выбор они остановили на доме № 11 в Тихвинском переулке. Одновременно за Дуайтом

Св. секретно.

46 151

Нач. Глав. Управления Контрразведки «Смерть»
Комиссару Государственной безопасности 2 ранга
инв. Абакумову.

Валорты

19го июня т.г. в р-не г.г. Борьевска Московской области с немецкого самолета на парашютах сброшены и допущены в жизнь с повинной в органы контрразведки «Смерть» на оккупированной территории разведки:

1. Буйворин Виктор Александрович, 1913 г.р., чл. ВКР. Родился в Никольском уезде, Владимирской обл., в/парти., до войны проживал в Ленинграде, является агентом органов контрразведки «Смерть» под псевдонимом «Сидоров».
2. Норев Николай Владимирович, 1922 года рожд. чл. ВКР. Родился в Ливонской губ., по отцу русский, по матери - немец, в/парти., с 1941 года состоит на службе в немецкой разведке.

Буйворин и Норев поехали в дальнейшем проживать в Москву, разрозненно на цугершеско по выданному им организационно-техническим документам и присутствия к исполнению основной задачи - завербованье работников НКВД, Второго фронта Буйворина - Лейтенанта Демьяна.

В связи с тем, что группа имеет очень интересные задания, по которым можно осуществить очень серьезные контрразведывательные мероприятия, как в отношении, в частности, крашецицированных вербовщиков, важно группу целесообразно включить в радиомониторинг. Первую радиосвязь установить 26го июня.

было установлено плотное негласное наблюдение. В руководстве Смерша не исключали того, что в преддверии Курской битвы в гитлеровской спецслужбе решили, в свою очередь, завязать с ними крупномасштабную оперативную игру. В ней, вполне вероятно, Бутырину могла отводиться роль ширмы, за которой с помощью Дуайта «Цеппелин» решал бы свои задачи. Как в Смерше, так и в гитлеровской разведке с нетерпением ждали первых шагов своих подопечных.

Следующий ход контрразведчики Смерша сделали 26 июня. На служебной даче в Малаховке в 23.45 по берлинскому времени в эфире прозвучали позывные радиста «PR 7»:

«Легализация прошла успешно. «А» в служебной командировке до 25 июля. Ищем других знакомых и постоянную квартиру. «PR 7»

Группа «Иосиф» приступила к выполнению задания.

Часть третья

«Загадка»

Первым о радиограмме «Иосифа» в «Цеппелине» узнал штурмбанфюрер СС Мартин Курмис. Несмотря на то что за его спиной были десятки успешных забросок агентов в советский тыл, с таким нетерпением, как сейчас, он никогда не ждал сообщений от Попова и Волкова. В течение последних дней все его мысли вольно или невольно возвращались к ним. Так удачно начавшийся старт его карьеры в Берлине теперь во многом зависел от того, как сложится дальнейшая судьба группы «Джозеф» («Иосиф») в далекой Москве.

После первого сообщения об успешном приземлении позывные «PR 7» пропали из эфира, и все это время Курмис не находил себе места. Задолго до начала службы он приходил в отдел забросок и первым делом начинал названивать в радиоцентр. Каждый раз дежурный отвечал одно и то же: «PR 7» на связь не выходит, на вызовы радиоцентра не отвечает».

28 июня положило конец сомнениям и наихудшим предположениям. Едва Курмис вошел в кабинет, как на столе зазвонил телефон. Он сорвал трубку и услышал в ней голос дежурного по радиоприемному центру «Цеппелин». Бодрые интонации в его голосе заставили радостно встрепенуться сердце. В своих предчувствиях он не обманулся: это действительно была долгожданная радиограмма «Иосифа», и, пренебрегая конспирацией, Курмис попросил зачитать. Две скупые строчки из донесения агентов прозвучали для него самой желанной музыкой, даже отсутствие на месте «Леонова» не омрачило настроения. Возвращение в Москву главного фигуранта в будущей операции было лишь делом времени.

Счастливым Курмис с трудом дождался появления в управлении Курека и поспешил порадовать новостью. Тот был на взводе, и для того имелись причины. Из-под Курска, где вот-вот должно было начаться грандиозное сражение, приходили сообщения одно хуже другого. Накануне две разведывательно-диверсионные группы, оставшиеся из семи заброшенных в июне, тоже попали под «колпак» советской контрразведки и перестали существовать.

Сияющий Курмис, а еще больше — оживший «Иосиф» смягчил горечь от неудач. Настроение несколько улучшилось. Первый шаг в операции был сделан, и сделан успешно. Однако доклад Грефе принял без большого энтузиазма. Радиограмма «Иосифа», с одной стороны, развеяла возникшее было сомнение в успешной легализации агентов в Москве, а с другой, из-за отсутствия на месте «Леонова» не приблизила к главной цели — к секретам.

До начала операции «Цитадель» — сокрушительного удара по русским под Курском и Орлом — оставалась всего неделя, а ему до сих пор нечего было доложить шефу, Кальтенбруннеру. «Цеппелин» и он, оберштурмбанфюрер СС Гайнц Грефе, также оставались далеки от тайных планов контрнаступления Красной армии, как и месяц назад, когда затевалась эта многообещающая комбинация с Поповым и

его высокопоставленным родственником в Наркомате путей сообщения.

Контрразведка Смерш и НКВД, казалось, не имели слабых мест. Сплетенная ими густая сеть не позволяла разведывательным группам абвера и «Цеппелина» пробиться к главным секретам. Поэтому «Леонов», а еще больше — его информация о воинских перевозках на Восточном фронте нужны были штабам вермахта как воздух. Ждать до 25 июля Грефе не мог и распорядился направить «Иосифу» срочную радиogramму с требованием немедленно выехать на место, в Тбилиси, и там провести вербовку «Леонова».

Курек в душе был против этого, так как понимал опасность подобной поездки для агентов, не успевших легализоваться как следует, но, зная положение Грефе наверху, промолчал. За провалы тому каждый день приходилось отдуваться на ковре у Кальтенбруннера, который требовал действий, а не пустых обещаний. Грефе и Куреку не оставалось ничего другого, как форсировать операцию. В адрес «Иосифа» была отправлена внеочередная радиogramма.

3 июля в ответ в эфире зазвучали позывные «PR 7». «Иосиф» сообщал, что «Леонов» до конца командировки будет находиться в Тбилиси, а предпринятая попытка выехать к нему едва не привела к провалу. Руководству «Цеппелина» ничего другого не оставалось, как отменить свой приказ и отложить вербовку до возвращения «Леонова» в Москву.

Через двое суток сжатая до предела под Курском и Орлом гигантская пружина войны с чудовищной силой распрямилась. Ранним утром 5 июля, в 2 часа 20 минут, советские войска провели упреждающую контрподготовку силами двух фронтов. Предрасветную тишину расколол залп тысяч орудий.

Ураганный огонь снес с лица земли передовые укрепления гитлеровских войск. Казалось, ничто живое не могло уцелеть в этом огненном смерче, но «Цитадель» вермахта устояла. Придя в себя, немецкие войска перешли в наступление на участках Брянского и Центрального фронтов. Танковые клинья, несмо-

тря на понесенные потери, вгрызались в оборону советских войск. Но через неделю их наступательный потенциал иссяк. 12 июля части Брянского, Западного, а 15-го — и Центрального фронтов сами перешли в наступление.

«Цитадель» рухнула. И напрасно Гитлер взывал к беспощадной борьбе с заклятым большевизмом, победный грохот советских орудий заглушал его истошные вопли, а деморализованные войска вермахта откатывались на запад.

В те последние июльские дни 43-го года в Берлине в штабе вермахта и руководстве Главного управления имперской безопасности царило уныние. Поэтому сообщение «Иосифа» о возвращении в Москву «Леонова» и встрече с ним было воспринято в «Цепелине» без энтузиазма. Грефе вяло подтвердил свое распоряжение о скорейшей вербовке «Леонова». В последние дни болезнь подкосила здоровье Грефе, и все дела он свалил на штурмбанфюрера Вальтера Курека.

В руководстве Смерша не спешили форсировать события и оставляли себе поле для оперативного маневра. Ссылаясь на перемены в настроении «Леонова» после победы под Курском, «Иосиф» предлагал использовать его втемную. В Берлине, скрипя зубами, вынуждены были согласиться. В течение нескольких недель шел дежурный обмен радиосообщениями. Но до бесконечности тянуть время в Смерше не могли, и по распоряжению Абакумова было решено активизировать радиоигру.

В этих целях по согласованию с Разведывательным управлением и Генеральным штабом Утехин подготовил для направления в «Цепелин» стратегическую дезинформацию. В августе «Иосиф» передал полученные втемную от «Леонова» материалы о крупных перемещениях советских войск в полосе наступления войск Западного и Юго-Западного фронтов. Но воспользоваться ими гитлеровское командование не смогло, обстановка стремительно менялась.

Спустя два месяца «Иосиф» со ссылкой на «Леонова» сообщил в «Цепелин» очередную «стратегическую информацию» о прибытии 23 ноября 1943 года «на станцию

Москва-Сортировочная четырех эшелонов танкового корпуса и переброске в район Могилева живой силы и техники для подготовки зимнего наступления».

Ее тут же доложили Кальтенбруннеру. Его резолюция на докладной Грефе не оставляла сомнений в том, что она будет направлена самому рейхсфюреру Гиммлеру и начальнику штаба сухопутных войск генералу Цейтцлеру. Два восклицательных знака на полях лишний раз свидетельствовали о важности добытых «Иосифом» разведывательных материалов. В той ситуации, которая сложилась на Восточном фронте, они были необходимы потрепанному вермахту как воздух. Поэтому «Цеппелин» требовал и требовал от «Иосифа» новых данных.

Эта активность в эфире не осталась незамеченной радиотехнической службой НКВД. Она зафиксировала на территории Московской области интенсивно работавший передатчик, и за ним началась охота.

В это же время по разведывательным каналам 1-м управлением НКГБ СССР (внешняя разведка. — *Авт.*) были получены агентурные данные о содержании этого радиообмена.

По их существу руководитель разведки Павел Фитин 13 ноября 1943 года ориентировал руководителей НКВД и Смерша. В частности, он сообщил Абакумову следующее:

«Нами получены агентурным путем радиogramмы немецкой разведки:

«Из Берлина в Псков. 30 октября. Здесь проявляется большой интерес к конференции трех министров интел в Москве (Московская конференция 19–30 октября 1943 г. — Авт.). Поскольку «Джозеф» (группа «Иосиф»). — Авт.) имеет хорошие возможности давать материал по политическим вопросам, мы просим передать ему по радио следующие вопросы: каковы фактические цели Кремля на конференции трех министров. Считает ли Кремль, что его планы были осуществлены вопреки англо-американским.

Хенгелгаут»

Наше примечание: «Джозеф» часто проходил в переписке Берлина с Псковом и обратно. Из переписки можно предположить, что он находится в нашем тылу».

Фитин не ошибся в местоположении группы «Иосиф» и важности ее информации для гитлеровских спецслужб. Абакумов в своем ответе был краток. Не раскрывая содержания радиоигры, он просил Фитина информировать о всех материалах, касающихся «Джозефа». Таким образом, Смерш получал дополнительную возможность контролировать ход операции и замыслы противника через агентурные возможности разведчиков.

Радиоигра «Загадка» набирала обороты. Группа «Иосиф» продолжала интенсивно снабжать «Цеппелин» дезинформацией. Его руководство исправно благодарило и настойчиво добивалось вербовки «Л». Абакумов, Утехин и Барышников решили, что настало время выманить из Берлина кадрового сотрудника. В очередной радиোগрамме «Иосиф» предложил провести вербовку «Л». Берлин предложение одобрил.

Через несколько дней «Иосиф» радировал:

«Л согласился работать на союзников. Выдвинул требования о предоставлении американского паспорта и оплате услуг в валюте».

Позже в Берлин поступила новая радиোগрамма. В ней сообщалось о возможности получения «Л» и фотографирования «тщательно разработанных планов воинских перевозок на летне-осенний период 1944 года».

Это было то, чего так долго добивалась гитлеровская разведка от своих агентов в Москве. Делая такие предложения, советские контрразведчики рассчитывали, что в «Цеппелине» не удержатся от искушения и рискнут кадровым сотрудником. В своих прогнозах они не ошиблись.

В «Цеппелине» не замедлили с ответом. Возросший поток информации, поступавшей от «Иосифа», потребовал усиления группы. Выбор пал на курьера лагеря особого назначения Главного управления имперской безопасности, специалиста

Вос. Серженко

185

Кар. 4 августа ТЧКр. Серженко
Нормальную
нов. Диеву

26 ноября ср. по радио сообщено. За радио
вспомогательный персонал, как и следы с радиоустановки
исчезли. Работники в 10ч. 35м. до 11ч. 03м.
Состояние в Тиле кофевая.

Утром передана радиogramма в 101 гр. ТЧКр.
содержит следующие сведения:

«Вилки с 21 ноября уехали в
Канада вглубь леса по картам.
Работники и охранники на 50 грамм, истре-
блены и дроби на 100 грамм в гроб.
Невозможна их обнаружить».

Из за каминов в лесу и т.д. в
дальнейшем предвидено на предвиденном
поселении, следовательно Тиле купит
всех обитателей, следовательно
его небыло в каминной в гроб.
По информации можно ускорить
поиски».

В предельно радиogramмы серженко в Тиле
видны следы. Также оттого утром
како передан вилки радиogramмы (о гребенях
кофее) передан несколько минут, а затем
следы исчезли навсегда.

27 ноября в 10ч. 30м. в Тиле
след следы, но утром в Тиле
и дроби.

Нов. Кар. авг. 4 августа ТЧКр. Серженко
Камчатка

Серженко
27-11

по подготовке радистов оберштурмфюрер СС Алоиза Гальфе. 10 февраля 1944 года из «Цеппелина» ушла радиограмма:

«Новый усовершенствованный самолет подготовлен. Работайте завтра. Сообщим срок старта. «А» будут сброшены 5000 долларов, крупные суммы денег в рублях и все требуемые вещи. Задержите «А» в Москве».

Спустя сутки «Иосифу» поступило новое указание:

«Отправляйтесь к месту выброски. Костры жечь 12 февраля в 23 часа по московскому времени. Если выброска 12 февраля не произойдет, костры жечь на следующий день».

Напрасно группа захвата жгла сигнальные костры 12 и 13 февраля, самолет так и не прилетел. Вскоре из «Цеппелина» поступило разъяснение. В те дни «Цеппелин-Норд», через который поддерживалась связь и осуществлялось снабжение группы «Иосиф», переезжал из Пскова в Ригу. Выброска Гальфе откладывалась. В планы гитлеровской разведки постоянно вмешивались то погода, то быстро меняющаяся обстановка на фронте.

1 марта «Цеппелин» в очередной раз обнадежил «Иосифа»:

«Гальфе скоро прибудет с вещами. Дайте советы, как ему вести себя на вокзале «Е».

Смерш, чтобы не гоняться по лесам и болотам за гитлеровским курьером, посоветовал:

«Гальфе сбросьте в форме ст. лейтенанта авиации в районе Егорьевска. Вещи пусть спрячет на месте. Рубли, доллары и другие ценные вещи возьмет с собой и утром прибудет на пассажирский вокзал в «Е». Встретимся на перроне между 12 и 13 часами».

Прошла неделя, а «Цеппелин» все тянул с отправкой Гальфе. Тогда в Смерше решили подхлестнуть Курека. В очередной радиограмме «Иосиф» сообщил:

«А был на приеме у зам. наркома НКПС. Ему предложили остаться в Москве заместителем начальника управления НКПС. Он колеблется. Я уговариваю согласиться. Намекнул, что в ближайшие дни все гарантии будут выполнены» (оплата за сотрудничество и американский паспорт. — Авт.).

В Берлине поторопились. В ночь с 29 на 30 марта 1944 года Гальфе был десантирован в районе Егорьевска. При себе он имел радиостанцию типа «Осло», чистые бланки советских документов, 5000 долларов и 500 тысяч рублей, предназначенных для вербовки «Леонова».

Приземлившись, Гальфе быстро свернул парашют и зарыл его в слегка уже оттаявшую землю. Перебросив через плечо увесистый вещмешок с радиостанцией, новоиспеченный старший лейтенант-летчик краем леса прошел к железнодорожной станции Егорьевская. Там, на перроне, должна была состояться его встреча с агентами группы «Иосифа». В этот час на станции было немногочленно. Гальфе сразу узнал в невысоком мужчине, одетом в серое пальто с каракулевым воротником, Бутырина-Волкова. Обменявшись паролями, они прошли на привокзальную площадь и сели в черную «эмку». В следующее мгновение крепкие тела стиснули гитлеровского курьера с обеих сторон, а на руках защелкнулись наручники.

На следующие сутки в Малаховке, на конспиративной даче, заработала радиостанция. В то время, когда арестованный Гальфе давал на Лубянке показания следователям, в руководстве Смерша не стали испытывать терпение его начальников и решили «порадовать». Приближался день рождения фюрера, и успех «Цепелина» мог оказаться весьма кстати.

В своей радиограмме «Иосиф» коротко сообщал:

«Друг прибыл на станцию в 12.20. Инструмент в исправном состоянии. Благодарим за подарки. Передали их Л. Он охотно принял, но настаивает на паспорте».

«Леонов» торговался, что нисколько не смутило Курека. Старая, как сам мир, истина — деньги правят всем — подтвердилась лишний раз. Ради них он решился пойти против

Сталина, всесильного НКВД и теперь пытался набить себе цену. Это уже были нюансы, «Иосиф» достиг главного — добился согласия «Леонова» на сотрудничество. Закрепление вербовки и получение от него разведывательной информации, как говорится, было уже делом техники.

Курек ликовал. За девять месяцев с начала операции обстоятельства не раз складывались таким образом, что ставили на грань провала не только вербовку «Леонова», но и само существование группы «Иосиф». К весне 44-го упоминание о ней и ее будущем агенте в Кремле вызывало на лица начальников других отделов в кабинетах на Потсдамерштрассе, 29, кривые ухмылки.

Кальтенбруннер, похоже, тоже потерял интерес к операции. И только один штурмбанфюрер Вальтер Курек продолжал упорно верить в ее успех. И, наконец, он, успех, ошеломительный и невероятный, пришел. За все годы службы в разведке ему еще не приходилось слышать о такой удачной и перспективной вербовке агента. И какого агента?!

В «Цеппелине» и абвере бывших бойцов и командиров Красной армии насчитывалось тысячи. Они шпионили, убивали, взрывали, но все это напоминало комариные укусы слону. Красная армия громила одну за другой лучшие дивизии вермахта и неумолимо приближалась к границам рейха. Ее военные тайны, хранившиеся в сейфах советских маршалов, по-прежнему оставались недосягаемыми для суперагентов абвера, которыми накануне войны не уставал похвастаться Канарис.

В руках «Цеппелина», а точнее, его, штурмбанфюрера Вальтера Курека, появилось грозное оружие «невидимого фронта» — высокопоставленный информатор стратегических тайн. «Леонов» должен был стать тем самым волшебным ключом, с помощью которого германская разведка сумеет открыть дверцу к сокровенным секретам верхушки большевиков.

Телефонный звонок прямой связи с Кальтенбруннером опустил Курека с небес на землю: шеф немедленно вызывал к себе. Он поднялся в кабинет, бросил быстрый взгляд на лошадиное,

изуродованное шрамами лицо Кальтенбруннер и догадался, что доклад о вербовке «Леонова» прошел до рейхсфюрера Гимmlера. Сухой и немногословный в общении, Кальтенбруннер на этот раз не скрывал эмоций, его не смутили некоторое мелочи в докладе «Иосифа». Тот сообщил:

«В» и «Г» привезли часть вещей. Тюк с рацией не найден. Выехали искать вторично. Вербовка «А» может вызвать трудности, т. к. мы обещали ему американский паспорт, а он не прислан. Гарантировать ли «А», что при угрозе провала вы вывезете его за границу и оформите документы? Посоветуйте, как лучше поступить? Каких сведений сейчас лучше добиваться от «А»? Что больше всего интересует?»

Кальтенбруннер потребовал от Курека в кратчайшие сроки завершить вербовку «Леонова» и обеспечить получение от него разведывательной информации. Вопрос о планировавшемся перед отправкой Попова и Волкова теракте против Кагановича им не поднимался. В той критической обстановке, которая складывалась на Восточном фронте, эти живые агенты вместе с «Леоновым» стоили гораздо больше, чем мертвый нарком.

«Цепелин» ради информации о планах советского командования готов был обещать «Леонову» все, что угодно, и во время очередного сеанса радиосвязи с «Иосифом» передал:

«Берем на себя гарантии, что «А» в случае опасности будет доставлен за границу и потом получит документы. Доставьте нам через «А» фамилии и адреса начальников отделов его учреждения. Наилучшие пожелания в успешной работе».

В ответной радиограмме от 19 апреля «Иосиф» доложил то, что так долго ждали в «Цепелине»:

«О работе с «А» договорились. Вербовал «В» от имени американцев. Вручил «А» 5000 долларов и 20 000 рублей. На его вопрос о документах убедил не беспокоиться, гарантировал ему, что паспорт он получит, как только возникнет необходимость в бегстве из СССР».

В Берлине радовались, а в Москве взгрустнули. Кальтенбруннер и Курек захотели лично, из первых уст, получить информацию о работе своей разведывательной группы и лишний раз убедиться в ее надежности.

24 апреля из «Цепелина» в адрес «Иосифа» поступило распоряжение: подготовить к отправке в Берлин Дуайта-Попова и заняться подбором посадочной площадки для самолета. Виктор, а вместе с ним Утехин и другие участники операции оказались между двух огней. С одной стороны, невыполнение приказа было равносильно ее провалу, а с другой стороны, направление Дуайта в Берлин также ставило под серьезное сомнение ее дальнейшее продолжение. Несмотря на то что за ним были «сожжены все мосты», никто не мог дать гарантии, что, оказавшись он в подвалах Мюллера, от одного имени которого даже у самых неразговорчивых развязывались языки, ему удастся устоять. В создавшейся ситуации руководство Смерша затягивало отправку Дуайта как могло и готовило операцию по захвату самолета. К счастью, обстоятельства сложились в их пользу и способствовали дальнейшему более результативному развитию операции.

В «Цепелине» тоже не все шло гладко. В одном случае не устраивало место посадки, в другом — вмешалась погода. Собственно, и в самом руководстве не было единства мнений по поводу целесообразности столь рискованной операции. Два месяца между группой «Иосиф» и Берлином шел обмен радиogramмами. Операция «Загадка» начала терять темп и грозила зависнуть. И тогда в руководстве Смерша решили сыграть ва-банк — вытащить из Берлина разведчика рангом крупнее, чем Гальфе, а для этого требовалась очень серьезная причина.

Долго ее искать не пришлось. Смерш сделал руководству «Цепелина» такое предложение, от которого невозможно было отказаться.

15 июля 44-го года «Иосиф» сообщил в Берлин:

«А» имеет у себя план воинских перевозок на июль, август и сентябрь. По его словам, из плана можно определить направления

потоков грузов, их характер, размеры и т. п. После долгих переговоров «А» согласился, чтобы мы в его присутствии сфотографировали эти материалы с условием вручения ему 15 тысяч долларов наличными и чека на 25 тысяч долларов в одном из американских банков. Этой возможностью «А» будет располагать до 19 июля. 20-го утром он должен вернуть план руководству, и больше такой возможности может не представиться».

Радиограмма, как горячий блин, жгла руки Куреку. Он будто на крыльях несся с ней по лестницам к Кальтенбруннеру. Тот проводил совещание, но вынужден был прервать его ради такого важного сообщения. Уже на первой фразе его брови взлетели вверх, а дрогнувшая рука провела жирную и неровную черту под первой строкой. Не дочитав до конца радиограмму, он лихорадочно нашарил трубку прямой связи с Гиммлером. Через мгновение в кабинете отчетливо, будто он находился рядом, зазвучал ровный, лишенный интонаций голос рейхсфюрера. Курек вытянулся в струнку и превратился в слух.

Гиммлер с ходу оценил всю важность полученной «Иосифом» информации и тут же принял решение. Для получения добытых разведывательных материалов он распорядился отправить за ними и агентами самолет из своей эскадрильи.

Ответ «Иосифу» был лаконичен:

«Все вами затребованное заказано в Берлине. Мы в высшей степени заинтересованы в успешном завершении ваших планов».

Затем Курек и Курмис вплотную занялись подготовкой операции. При такой мощной поддержке сверху все вопросы решались моментально. Прошло несколько дней. На Темпельгофском аэродроме уже стоял «Хенкель-111», заправленный под завязку, из личной эскадрильи Гиммлера.

В кабинете Курека, в сейфе, поблескивало последнее слово шпионской техники — новенький миниатюрный фотоаппарат с великолепной цейссовской оптикой, а к нему — десяток

фотопленок. В соседнем кабинете Курмис заканчивал работу с курьером кенигсбергской школы разведчиков-диверсантов, бывшим младшим командиром Красной армии Иваном Бородавко, уже заинструктированным до одури. В отличие от большинства восточных агентов этот оказался на редкость смышленным экземпляром и особых забот не вызвал. 18 июля Курек доложил Кальтенбруннеру о готовности к выполнению операции и получил добро.

В тот же день из «Цепелина» ушла срочная радиограмма «Иосифу»:

«В ночь с 19 на 20 июля в районе Егорьевска будет сброшен наш курьер «Б», лейтенант-пехотинец. При нем будет фотоаппарат, чек на пятнадцать тысяч долларов и пять тысяч фунтов стерлингов наличными. Встречайте его так же, как и Гальфе, у киоска».

19 июля 44-го года стало последним днем пребывания на свободе агента «Цепелина» Бородавко. Ровно в 12.00 с пунктуальностью, которой могли бы позавидовать истинные арийцы, он был конспиративно арестован контрразведчиками Смерша. Ни Курмис, ни Курек, ни сам Кальтенбруннер об этом не догадывались. «Иосиф», лучшая агентурная группа «Цепелина», по-прежнему оставалась вне подозрений.

21 июля «Иосиф» сообщил в Берлин:

«Друг прибыл. Привез все! Материалы сфотографированы. Всего 97 листов в таблицах».

Правда, фунты стерлингов оказались фальшивыми. Но на этой мелочности гитлеровской разведки контрразведчики Смерша не стали акцентировать внимание.

В ответной радиограмме «Цепелин» не скупилась на похвалы:

«Выражаем благодарность и наивысшую похвалу! Желаем успеха! Заберем вас как только возможно».

Проходил день за днем, а Курек о сроках отправки спецсамолета и особой группы так и не сообщал. Эти последние июльские дни 44-го года стали самыми напряженными для контрразведчиков за все время ведения радиоигры. И только 28 июля расчет Абакумова, Барышникова и Утехина наконец оправдался. В Берлине готовы были рискнуть людьми и самолетом ради тех сведений, которые добыл «Иосиф».

«Цеппелин» радировал:

«Самолет наготове. В ближайшие дни заберем».

Но закончился июль, наступил август, а в Берлине все тянули с отправкой самолета. В оперативном штабе Смерша ломали головы над тем, как заставить активизироваться гитлеровцев. Продолжать просто бомбардировать «Цеппелин» радиogramмами не имело смысла. Абакумов с Утехиным хорошо понимали, что окончательно решение об отправке самолета и спецгруппы под Егорьевск будет приниматься как минимум на уровне Кальтенбруннера, а то и выше. Активизировать операцию можно было только каким-то неординарным ход. И такой ход был найден.

3 августа «Иосиф» направил радиogramму лично Кальтенбруннеру, через голову руководства «Цеппелина». За всю историю Главного управления имперской безопасности Германии это был первый случай, когда агент обращался непосредственно к его руководителю. В своем обращении «Иосиф» не скупился на хлесткие оценки работы бюрократов от разведки:

«Обергруппенфюрер Кальтенбруннер! В момент, когда Германия находится в опасности, нам удалось добыть весьма ценный материал. Этот материал не используется уже 14 дней. Он стареет. Мы в Мисцево, у площадки, уже четыре дня. Когда мы приехали на площадку, то нам предложили искать другую. Мы предложили забрать из М. контейнер с материалами и, несмотря на это, уже два дня не получаем никаких указаний. Поиски другой площадки оттянут время и потребуют дополни-

Восемьдесят

в апр. Седьм

неизвестно

И. В. В. В.

Октябрь 1943.

199

Радиоизда "Советы"
г. Москва

" Тамбове догнет Штот в форме
летика, летящая авиация и
мнег документ - удостоверение
личности, расстреляно в воздушном бою
насосная Красной Армии, команд
Фирмовиче предписали в Москву
в расстрелянные сведения кадров
Венно-Воздушных сил, миссер
на проезд по железной дороге
и прогнать в известности агента.
Все документы от имени 677
авиации ина полка.

Т. догнет мнег при себе
копийка гражданского общества,
намерен в издании 14 сентября
"милитант" г. Москва, сведения
Стр

тельного риска. Мы вынуждены Вас беспокоить нашей просьбой о немедленном решении».

Тот день стал черным для Курека и Курмиса. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер, взбешенный, не хотел слушать никаких объяснений и потребовал, чтобы документы «Леонова» лежали на столе не позже 10 августа. Подстегнутые его недвусмысленными угрозами отправки на Восточный фронт, Курек и Курмис рьяно взялись за выполнение приказа. Курмис тут же выехал на Темпельгофский аэродром готовить самолет к отправке, а Курек отправил успокаивающую радиogramму взбунтовавшимся агентам:

«Ваша обеспокоенность доложена обергруппенфюреру. Он выражает восхищение вашим мужеством и выдержкой. Сохраняйте терпение. Мы делаем все возможное, чтобы забрать вас и материалы. В ближайшее время за вами будут направлены самолет и специальная группа из сотрудников «Цепелина». Координаты площадки для посадки остаются прежние».

Рискованный ход, задуманный в оперативном штабе Смерша, оправдал себя. 8 августа в очередном послании «Цепелин» еще раз подтвердил твердость своих намерений:

«Ждите самолет в ночь с десятого на одиннадцатое».

В тот день группа захвата напрасно жгла сигнальные костры всю ночь на поляне у деревни Михали. Самолет над ней так и не появился.

Через несколько часов «Цепелин» поспешил успокоить «своих» агентов и сообщил:

«Приносим свои извинения за ту опасность, которой подвергаем вас. Летчики ошиблись с районом. Сохраняйте терпение и выдержку. Мы до конца остаемся с вами. Операцию повторим в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое».

Прошло еще двое суток. Наступило 14 августа 44-го года. Ранним утром оперативная группа Смерша выехала из Москвы

в район Егорьевска. К ее приезду все было подготовлено для захвата самолета с экипажем и посланцами из «Цепелина». Специалисты-авиаторы провели расчеты, и в конце взлетно-посадочной полосы бойцы вырыли канаву, в которую шасси «Хенкеля-111» должны были угодить. После ее маскировки разложили на поляне горки сушняка для сигнальных костров и стали ждать.

Потянулось время томительного ожидания. В ночь на 15 августа с запада донесся приглушенный рокот авиационных моторов. Поляну озарило пламя костров, и на ней проступил огненный крест. Группа захвата заняла исходное положение. Гул моторов усилился. Спустя несколько минут над поляной промелькнула хищная тень. Сделав круг, самолет зашел на посадку и, едва не коснувшись макушек елей, соскользнул на землю, не докатился каких-то десяти метров до канавы и начала разворот. Асы из спецэскадрильи Гимлера, видимо, решили брать группу «Иосифа» прямо на крыло.

Ловушка, задуманная контрразведчиками, не сработала. В расчеты вкралась ошибка, которую трудно было предусмотреть. Вместо «хенкеля» руководство Главного управления имперской безопасности прислало специально созданный для высадки диверсантов самолет «Арадо-232». Он имел укороченный взлет и шасси, оборудованные каучуковыми траками, обеспечивавшими приземление даже на заболоченную местность.

Возникла пауза. И вдруг ночную тишину взорвала автоматная очередь — то ли нервы у кого-то сдали, то ли палец случайно лег на спусковой крючок. Экипаж среагировал молниеносно. Моторы взревели на полную мощь, и самолет взмыл в воздух. Так под аккомпанемент автоматных очередей закончился еще один, но не последний раунд поединка в радиоигре «Загадка» между контрразведкой Смерш и Главным управлением имперской безопасности.

Теперь, казалось бы, на операции «Загадка» можно было ставить крест, но Абакумов и его подчиненные еще раз решили

1940
Т. Ур. «Свердлов»
Зрания
Браунов
1944.

245

Газетная "Записка"

г. Москва

"Мы договорились с Л., что ~~он~~
~~предоставит~~ сведения по транскрипту он
подготовит и передаст нам. Мы приуро-
чили это ко встрече приватна Самойла,
так как Л. просил, чтобы эти сведения
хранились у нас как можно меньше.

~~Кроме того Л. обещал передать нам~~
~~указание на какой то новый изобретения~~
Следующий сеанс 1 июля.

П. Передайте 29 июля.

Начальник Управления ГЖР «Свердлов»
Полковник Брянский
(Уткин)

1944

вдохнуть в нее жизнь и бросили группу «Иосифа» в «бой». В нем «героически погиб» Гальфе, бесследно пропал Бородавко, а сами Бутырин с Дуайтом, отделавшись «легкими ранениями», вынуждены были в течение нескольких суток скрываться от погони в лесах. На связь с «Цеппелином» «Иосиф» вышел 21 августа из-под Рязьска, сообщил о «потерях» и невозможности возвращения в Москву.

После такого оглушительного провала операции в «Цеппелине» начались служебные расследования. Кальтенбруннер был вне себя от ярости; вместо совершенно секретных данных, добытых агентурной группой «Иосиф», ему пришлось докладывать Гиммлеру о потерях. Он жаждал крови и головы виновного. Того долго искать не пришлось. Козлом отпущения сделали исчезнувшего Бородавко.

Во время очередного сеанса связи «Цеппелин» предупредил группу «Иосифа» о предательстве Бородавко и распорядился: «При встрече — ликвидировать».

Радиоигра продолжилась. Группа «Иосиф» по воле Смерша будет «блуждать» в тылах Красной армии вплоть до апреля 1945 года, снабжая гитлеровскую разведку дезинформацией и бомбардируя ее шифровками, в которых выражала свою готовность к дальнейшей работе:

«Несмотря на очень тяжелое положение, по-прежнему остаемся преданными нашему делу. После получения необходимой помощи готовы выполнять любые задания».

В «Цеппелине» верили и поддерживали «своих» ценных агентов по воздуху как могли.

4 февраля 1945 года, получив очередные «подарки», «Иосиф» радировал в Берлин:

«Нашли 5 тюков. Два парашюта оторвались от тюков и один не раскрылся. Сохранились рация, деньги около 95 тысяч рублей, ракетный пистолет и немного пищи. Остальное разбилось. Ждем срочных указаний о дальнейшей работе».

Такая «преданность» агентов не могла не радовать руководителей гитлеровской спецслужбы. Уже на следующие сутки «Иосифу» была направлена радиограмма:

«Сообщите наблюдения о настоящем советском наступлении, в особенности о продвижении транспорта и резервов. Дальнейшие задания следуют».

Но следующих заданий «Иосиф» так и не дождался. В Берлине стало не до него, там каждый спасал свою шкуру как мог. «Загадка», которую загадал Смерш, так и не была разгадана в Главном управлении имперской безопасности. Об успехе этой уникальной операции Смерша лучше всего свидетельствуют, пожалуй, оценки противника.

26 июня 1945 года на допросе у следователя Смерша о подрывной деятельности организации «Цепелин» против СССР его высокопоставленный сотрудник Александр Джон показал:

«В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа. До июля 1944 года группа «Иосиф» давала довольно ценные сведения, которые докладывались шефу службы безопасности Кальтенбруннеру и не исключено что Гиммлеру».

Ошибался Джон только в одном. Группа «Иосиф» действительно работала блестяще, но на Иосифа Сталина.

Всего за годы Великой Отечественной войны органами отечественной военной контрразведки было проведено свыше 180 радиоигр с противником. Они, по сути, стали единой «большой игрой» в эфире. На немецкие спецслужбы обрушилась масса умело подготовленной и выверенной дезинформации, которая значительно снизила эффективность их работы. Свыше 400 кадровых сотрудников и агентов абвера и «Цепелина» были выведены на советскую территорию и арестованы. В дальнейшем в большинстве они работали под диктовку Смерша.

По следу оборотня

17 сентября 1944 года передовой батальон советских войск, подавив последнюю огневую точку противника и не встречая на своем пути сопротивления, все дальше продвигаться в глубь Финляндии. Но тишина, затаившаяся в густом ельнике, невольно заставляла командиров и бойцов крепче сжимать в руках оружие. Головной дозор боевого охранения осторожно продвигался вперед. Справа над лесом замаячили караульные вышки.

По колонне пронеслась команда: «Расседоточиться!»

Бойцы рассыпались в цепь и заняли оборону. Группа разведчиков, прихватив с собой пулемет, скрылась в лесу, а командиры рот собрались на совещание у штабной машины. Не успев начаться, оно закончилось. На поляне появился командир разведгруппы. Вслед за ним тащились два изможденных, едва державшихся на ногах человека. Как оказалось, в глубине леса располагался концентрационный лагерь № 2 советских военнопленных.

Батальон снова построился в колонну и, оцетинившись стволами автоматов, двинулся вперед по лесной дороге. Она круто пошла вверх, а затем, несколько раз вильнув, скатилась вниз. Лес расступился. Перед красноармейцами стоял четырехметровый, почерневший от времени и непогоды забор, огораживавший лагерь. Что за ним? Горы человеческих тел, истерзанных пулеметными очередями? Что?..

Тишина безмолвствовала. Не было слышно остервенелого лая сторожевых псов, звона топоров и визга пил.

Группа разведчиков шагнула в распахнутые настежь ворота. Настороженно поглядывая по сторонам, они медленно продвигались к центру лагеря. Повсюду виднелись следы панического бегства. У штабного барака урчал мотор «опеля». Со стороны

офицерской столовой потягивало аппетитным запахом приготовленного обеда. На огромном пустынном плацу ветер водил затейливый хоровод из грозных приказов коменданта лагеря, уже никому и ничем не грозивших.

Позади разведчиков осталась ухоженная административная зона, и через десяток метров перед ними снова вырос забор из колючей проволоки. За ним виднелось два десятка приземистых бараков, словно выросших в землю. Разведчики невольно замедлили шаг, а через мгновение принялись крушить ворота и рубить саперными лопатами колючую проволоку. В ответ из бараков донесся глухой гул. Он набирал силу. И скоро он превратился в крик, рвущий душу и сердце: «Наши! Наши пришли!»

Под ударами прикладов и топоров разлетелись в щепки запоры на дверях и воротах бараков. Сотни узников, среди которых находился и бывший рядовой 95-го стрелкового полка Илья Стариков, бросились навстречу своим освободителям. И когда схлынула первая волна радости и была съедена первая тарелка настоящего супа, в лагерь въехали две машины. В них находились работники Смерша. Большинству бывших военнопленных, оказавшихся в лагере в далеких 1941–1942 годах, это название ничего не говорило, но уже в самом слове крылось что-то тревожное и пугающее. Оно невольно заставляло сжиматься сердца и ледящим холодком обдавало спины.

Выбравшись из машин, работники военной контрразведки поднялись в штабной барак и разошлись по кабинетам. Тревожный шепоток: «Особисты!.. Фльтрация?.. Теперь Колыма?..» — прошелестел среди бывших военнопленных. Радость близкой свободы сменилась на их лицах печалью и горечью. Над лагерем и длинной очередью, выстроившейся к штабному бараку, вновь воцарилась гнетущая тишина. Очередь медленно растекалась по кабинетам, за дверями которых звучал монотонный гул голосов.

Бывших пленных, в большинстве без вины виноватых, процеживал «фильтр» военной контрразведки, чтобы выявить тех, кто пытался скрыть под лагерной робой свое подлинное

обличье: участие в карательных акциях, службу у оккупантов, сотрудничество с германскими и финскими спецслужбами. На плечи бывших взводных и ротных, еще недавно поднимавших в атаку своих бойцов, которых суровое военное время отобрало для службы в Смерше, теперь легло тяжелое и неблагодарное бремя. Им приходилось допрашивать таких же, как и они в прошлом, сержантов и лейтенантов Красной армии, а потом взвешивать на невидимых весах меру их вины. В эти минуты они по-настоящему завидовали тем своим однополчанам, кто сейчас воевал в боевых частях. Там все было предельно просто и ясно. Они хорошо знали, кто твой друг, а кто твой враг. Здесь все было иначе. За изможденным от голода лицом и честными глазами мог таиться предатель, каратель или вражеский агент. Это была тяжелая и неблагодарная работа, наград и повышений по службе за нее не давали.

Каждый раз, когда дверь кабинета распаивалась и на табурет садился очередной военнопленный, контрразведчику приходилось решать загадку со многими неизвестными. Требовалось не оскорбить недоверием безвинного и, не попавшись на уловки врага, не дать ему уйти от справедливого возмездия. Легче ее было решать, когда в руки попадали секретные учеты лагерной агентуры и личные дела на военнопленных. В них с канцелярской педантичностью заносилось все: проданные человеческие души, холуйство перед администрацией, совершенные побег и саботаж на работах. В лагере № 2 сохранились лишь личные дела заключенных; агентурную картотеку обнаружить так и не удалось. Она сторела в огне, от нее осталась лишь кучка еще не остывшего серого пепла. Поэтому контрразведчикам приходилось рассчитывать на самих себя и помощь военнопленных.

Проверка затягивалась. Когда подошел черед Старикова, день клонился к концу. Он уверенно перешагнул порог, остановился у входа и исподлобья стрельнул взглядом в сторону лейтенанта-контрразведчика. Перед ним высилась на столе горка папок. Среди них лежало и личное дело лагерного заключенного Старикова. За бумаги ему не приходилось бес-

покоиться, они были «чистыми». Капитан финской разведки Паацила поработал над ними так, что комар носа не подточит. Так что зеленому лейтенанту, как полагал Стариков, до сути не докопаться.

«Зеленый лейтенант» поднял голову, усталым взглядом пробежался по Старикову и осипшим голосом предложил сесть. Тот благодарно кивнул, опустил на жалобно скрипнувший табурет и честными глазами стал поедать контрразведчика.

Тот открыл тощее дело на военнопленного, сверил фотографию с оригиналом и привычно посыпал дежурными вопросами. Для Старикова они ничего неожиданного не таили. В ответах он был быстр и лаконичен. Его история на первый взгляд ничем не отличалась от сотен других, которые в тот день пришлось выслушать сотрудникам Смерша.

14 октября 1941 года рядовой Стариков по приказу командира роты старшего лейтенанта В. Воробьева в составе разведывательной группы под командованием помощника командира взвода сержанта А. Володина отправился в тыл противника, чтобы добыть «языка». Избегав засады и благополучно перебравшись через минное поле, разведчики вышли в тыл финских войск. А дальше одна за другой их стали преследовать неудачи.

В районе реки Западная Лица они напоролись на патруль. Завязалась перестрелка. Силы оказались неравными. Четыре красноармейца не могли противостоять целому взводу, взявшему их в кольцо. Во время боя, по словам Старикова, он был ранен, попал в плен и был заключен в лагерь. Потянулись долгие месяцы заключения. Тяжелая и изнурительная работа на лесоповале, полуголодная и унижительная жизнь не сломили его. Он не запятнал себя предательством и работой на администрацию. Действительно, его фамилия не значилась в списках тех, кто за подачки служил старостами или начальниками рабочих бригад.

Первый «фильтр» военных контрразведчиков Стариков миновал благополучно. Он не оказался в числе тех бывших во-

еннопленных, которых снова отправили в штрафной барак лагеря под охрану комендантского отделения Смерша. Уцелевшие списки так называемых помощников лагерной администрации и показания узников не оставляли им шансов уйти от расплаты за совершенное предательство. Еще несколько человек под конвоем отвезли в Петрозаводск. Они подозревались в совершении массовых злодеяний во время службы в карательных отрядах. Лагерная роба, под которой они рассчитывали укрыться, им не помогла.

Стариков оказался в числе тех, кого эшелонам направили в Ивановскую область на один из центральных сборно-пересыльных фильтрационных пунктов. Там бывшие военнопленные проходили более углубленную проверку на предмет выявления их причастности к агентуре спецслужб противника, участия в карательных акциях и т. п. Те из них, кто не запятнал себя предательством, вливались в сводные отряды и затем направлялись на фронт.

На новом месте Стариков, деятельный и быстро осваивающийся с новой обстановкой, пришелся ко двору. Он понравился начальнику строевой части и вскоре оказался на «теплом месте» в штабе. Но оно особенно его не прельщало. Бывший военнопленный, всякого натерпевшийся в лагере, заваливал начальство рапортами с просьбами об отправке на фронт, чтобы там «лицом к лицу поквитаться с фашистами». Но начальство не давало им ходу, и тому были основания.

Старикова продолжали держать на пересылке. И не потому, что он был незаменимым работником в строевой части. На этом настаивали контрразведчики. На то у них были основания.

Ряд косвенных признаков в поведении Старикова, а также мелких нестыковок в биографии, относящихся к периоду пребывания в плену, могли свидетельствовать о том, что у него была и вторая жизнь, разительно отличавшаяся от первой. Но это требовалось еще доказать, и старший оперуполномоченный 2-го отдела Управления контрразведки Смерш Московского военного округа капитан В. Махотин настойчиво их искал.

Несмотря на то что почти три года прошло с того дня, как Стариков попал в плен, он не терял надежды, что кто-то из разведгруппы Володина сумел выжить. Одновременно через бывших военнопленных лагеря № 2 уточнялись обстоятельства появления в нем Старикова, а также его связи среди администрации.

Стариков каким-то звериным чутьем почувствовал сгущающиеся над ним тучи и с еще большей настойчивостью стал добиваться отправки на фронт. В штабе среагировали, и дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Осталось выполнить последние формальности: оформить командировочные документы и пройти последние беседы. Поэтому приглашение в кабинет Махотина он воспринял без большого волнения. Разговор начался с дежурных вопросов: «Как идет служба?», «Что пишут из дома?». Предложение Махотина закурить окончательно успокоило Старикова, а в следующую секунду появившееся перед глазами постановление об аресте и последовавшее обвинение в измене родине прозвучало для него подобно грому среди ясного неба.

За те полтора месяца, когда Стариков легализовался в новом качестве, контрразведчики сделали немало. Они тщательно проверили каждое его слово из объяснения, написанного 17 сентября 1944 года в лагере военнопленных № 2. Настойчивые поиски привели их к командиру разведгруппы Володину. Он, несмотря на тяжелое ранение, полученное при перестрелке с финским военным патрулем 14 октября 1941 года, каким-то чудом выжил. В своих показаниях Володин развеял героический ореол над отважным красноармейцем Стариковым и рассказал, что тот без сопротивления сдался в плен, а на допросе выдал информацию о роте и батальоне.

Воскрешение Володина стало шоком для предателя. Он пытался оправдаться тем, что был ранен, патроны кончились, «а их было много». После этого допроса Стариков в штаб больше не вернулся. 30 ноября 1944 года он был заключен под стражу.

Показания Володина и последовавшее вслед за этим собственное признание предателя являлись, казалось, были достаточно точными, чтобы передать дело в Военный трибунал, но капитан Махотин не спешил. Профессиональный опыт подсказывал ему, что за столь быстрым признанием предателя, вероятно, таилось нечто большее, и продолжил проверку.

Вскоре его уверенность подтвердилась. Бывшие заключенные, находившиеся со Стариковым в лагере № 2, обратили внимание контрразведчиков на то, что в лагере он появился незадолго до прихода советских войск. Близких связей ни с кем не поддерживал и мало распространялся о своем прошлом. Самые наблюдательные не преминули отметить, что староста барак «старался к нему не цепляться», а по вечерам его не раз видели у штабного барака. Кроме того, лагерное начальство почему-то благосклонно относилось к нему и не направляло на тяжелые работы.

За всем этим угадывался знакомый почерк финской разведки, направляемой опытной рукой абвера, которые, похоже, пытались спрятать своего агента под надежную «крышу» лагерника. Доказательства такой версии Махотин искал в уцелевших от пожара лагерных архивах и добытых поисковыми группами контрразведки материалах разведывательно-диверсионных школ из Петрозаводска и Рованиеми, из далекой Лапландии.

Он просмотрел все списки преподавателей и курсантов, донесения так называемой внутренней агентуры финской разведки, присматривавшей за будущими диверсантами, но фамилии Старикова в них так и не обнаружил. Казалось бы, в деле предателя можно было ставить последнюю точку, но что-то останавливало Махотина от того, чтобы отправить шпионские досье в архив. Но что именно? На этот вопрос он не мог дать ответ и, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, принялся перечитывать доносы финских агентов и рапорты их хозяев.

Время уже перевалило далеко за полночь. Глаза Махотина слипались от усталости и хронической бессонницы. Буквы сливались друг с другом и превращались в большущие кляксы.

В какой-то момент его будто что-то кольнуло. Он встрепенулся, смахнул рукой с лица невидимую сонную пелену и склонился над доносом финского агента Сергея. Этот почерк, эти характерно выписанные «Н» и «К», Махотин готов был поклясться, уже где-то встречались.

Все еще не веря в свою догадку, он бросился к сейфу, достал дело № 19950 Старикова и принялся лихорадочно его листать. Пальцы остановились на страницах с анкетой арестованного и автобиографией. И здесь Махотин с облегчением вздохнул. Они были написаны одним и тем же почерком, что и доносы финского агента Сергея. Даже без графологической экспертизы становилось очевидным, что его догадка оказалась верной. Агент Сергей и изменник Стариков являлся одним и тем же лицом. Теперь в его руках находилась еще одна важная ниточка, которая позволяла начать раскручивать новый, теперь уже шпионский клубок, сплетенный предателем.

Махотин не рассчитывал на получение от Старикова откровенных признаний. За это говорил весь предыдущий опыт общения с ним, когда каждое слово приходилось доставать из него буквально клещами. За плечами предателя были не только месяцы учебы в финской разведывательной школе, но и более суровые «университеты». Незадолго до начала войны Стариков провел два с лишним года в тюрьме города Йошкар-Олы. Поэтому расколоть такой крепкий «орешек» можно было только каким-нибудь неожиданным и неординарным ходом. И Махотин его нашел.

Очередной допрос Старикова начался с обычных, рутинных вопросов. Он легко от них отбивался, и допрос вяло двигался к завершению. Подошло время подписывать протокол. Стариков подсел к столу, взял ручку, чтобы поставить роспись, и тут на глаза ему попался донос агента Сергея. Выдержка изменила предателю. Кровь прихлынула к лицу и выдала его с головой. Он с ужасом смотрел то на серый клочок бумаги, навсегда похоронивший надежду скрыть правду о своей жизни в последние два года, то на Махотина. Воспользовавшись рас-

терянностью Старикова, Махонин поспешил закрепить успех и достал чистый протокол допроса.

Агент Сергей наконец признал факт своего сотрудничества с финской разведкой. Он показал, что:

«В августе месяце 1942 года из-за угрозы жизни я был вынужден дать письменное обязательство капитану Паацила сотрудничать с финской разведкой и получил от него псевдоним «Сергей»... Потом он дал мне задание...»

Задание мало отличалось от тех, которые финская разведка давала начинающим агентам, и заключалось в том, чтобы писать доносы на бойцов и командиров, сохранивших в плену верность воинской присяге и отказывавшихся идти на сотрудничество с лагерной администрацией. Но и на этот раз Стариков сказал только часть правды, видимо, рассчитывая скрыться под личиной мелкого доносчика. К тому времени в распоряжение Управления контрразведки Смерш Карельского фронта попала еще одна часть архива петрозаводской разведшколы, и тогда многое стало явным из жизни тайного агента Сергея.

Не зря финская разведка так старательно прятала его под «крышу» лагерника. Стариков того заслуживал не только своим прошлым сотрудничеством с разведкой. Она рассчитывала, что такой перспективный агент будет весьма полезен и в будущем, но теперь уже в рядах Красной армии. Однако этого последнего задания агенту Сергею не суждено было выполнить. Под давлением неопровержимых улик он шаг за шагом признавался в совершенных преступлениях. На глазах контрразведчика виртуальный образ оборотня приобретал все более реальные очертания.

Не угроза собственной жизни, как утверждал Стариков в своих предварительных показаниях, вынудила его на сотрудничество с финской разведкой, а банальное желание быть сытым. За месяц до встречи с Паацила, в июле 1942 года, он обратился к командованию лагеря с заявлением о своем желании

«добровольно служить в немецкой армии». После этого его и завербовал Паацила.

В августе Стариков уже щеголял в новеньком мундире и хлебал не лагерную баланду, а ел в столовой с такими же, как сам, отщепенцами.

На этом Махотин и старший следователь Отдела контрразведки Смерша по Ивановскому гарнизону капитан А. Залунин не остановились и вскоре выяснили, что агент Сергей являлся не просто рядовым доносчиком, а выполнял более важную задачу — вербовал из числа бывших красноармейцев кандидатов в шпионы и диверсанты. Вместе с Паацила он разъезжал по концентрационным лагерям военнопленных, втирался к ним в доверие, выискивал павших духом или таких, как сам, перебежчиков, а затем, где щедрым посулом, где угрозой, склонял к сотрудничеству с финской разведкой. Только в одном Паркинском лагере военнопленных в ноябре 1942 года Стариков лично завербовал 22 человека, которых потом направили на учебу в петрозаводскую разведывательно-диверсионную школу.

Захваченные архивы финской разведки и показания других разоблаченных советской контрразведкой агентов все меньше оставляли шансов Старикову отмыться от предательства. На допросах он продолжал изворачиваться и лгать, но Махонин с Залуниным не теряли терпения и настойчиво собирали доказательства совершенных им преступлений. А их на счету предателя оказалось немало. Он не только склонил несколько десятков слабых духом военнопленных к сотрудничеству, но и успел еще изрядно наследить в тылу советских войск.

В ходе следствия было установлено, что после окончания разведывательно-диверсионной школы в Петрозаводске 6 сентября 1942 года Стариков в составе группы лейтенанта Линдимана, насчитывавшей в своем составе 15 человек, совершил рейд в район Мурманска. В течение семи дней группа осуществляла разведку позиций частей Красной армии и провела ряд диверсий на железной дороге. При возвращении, во время перехода линии фронта, диверсанты попытались за-

хватить «языка», но безуспешно: завязалась перестрелка, и Линдиман получил ранение в ногу. Стариков и другие агенты вынесли его на себе.

Первый экзамен на предателя Стариков сдал успешно. Хозяева это оценили, и перспективный агент Сергей в феврале 1943 года был направлен повышать шпионский профессиональный уровень в школу разведчиков-диверсантов, располагавшуюся в окрестностях города Рованиеми. Там под руководством опытного мастера шпионажа и диверсий обер-лейтенанта Койла, прошедшего одну из лучших спецшкол абвера в лагере «А» в Латвии, Стариков усиленно занимался лыжной подготовкой, учился стрелять из всех видов стрелкового оружия и осваивал минно-взрывное дело.

После сдачи экзаменов в апреле 1943 года Стариков стал уже не рядовым агентом, а инструктором в составе разведывательно-диверсионной группы, действовавшей за линией фронта. В течение нескольких недель группа совершала поджоги, подрывы и убийства в тылу частей Карельского фронта. После успешного выполнения задания он получил очередное повышение — был назначен инструктором в петрозаводскую разведывательную школу. С учетом приобретенного практического опыта ему поручили проведение первичной подготовки с начинающими шпионами и диверсантами.

Так продолжалось до лета 44-го года. К тому времени обстановка на Восточном фронте радикально изменилась. В разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Германии и Финляндии наступил новый период. Они стали готовиться к затяжной тайной войне. Из числа наиболее подготовленных, надежных и хорошо проявивших себя в деле предателей подбирались агенты на «глубокое оседание». В их числе оказался и Стариков. Ему пришлось сменить добротный мундир на лагерную робу, чтобы с приходом советских войск легализоваться в новом качестве и продолжить заниматься шпионажем и вербовать себе подобных из числа красноармейцев.

Все дальнейшее уже было известно Махотину и Залунину. У них на руках находились заявление Володина, разоблачавшее Старикова как изменника, показания пойманных агентов петрозаводской разведывательной школы, подтверждавших его службу в ней в качестве инструктора, и часть финского шпионского архива. Но несмотря даже на неопровержимые улики, Стариков всячески продолжал отрицать причастность к диверсиям и террористическим вылазкам, совершенным под Мурманском. Но и здесь его постигла неудача.

29 января 1945 года Махотин получил долгожданный ответ на свой запрос в Управление НКГБ СССР по Мурманской области. В нем сообщалось о «фактах совершения диверсий на железной дороге и крушения одного эшелона в районе станции Пояконда». Произошло это в то самое время, когда там орудовала разведгруппа лейтенанта Линдимана.

Теперь Старикову оставалось лишь ждать решения Военного трибунала. Его заседание состоялось 30 марта 1945 года. Рассмотрев материалы, представленные следствием по уголовному делу № 19950, он признал бывшего военнослужащего Красной армии И. Старикова виновным в совершении преступления по ч. 16 ст. 158 УК РСФСР и приговорил его к 20 годам лишения свободы. Умер он в 1948 году в Воркутинском лагере.

«Весна» на нашей улице

«Совершенно секретно»

Экз. № 1

Только лично

начальнику 3-го Главного управления

КГБ при СМ СССР

генерал-лейтенанту

тов. Д. С. Леонову

*О реализации материалов оперативной разработки
по делу «Весна»*

В ходе проведения операции в рамках оперативной разработки по делу «Весна» арестовано свыше 500 вражеских агентов, в том числе:

американской разведки — 221;

английской — 105;

«Организации Гелена» (спецслужба ФРГ. — Авт.) — 45;

«Ведомство Бланка по охране конституции» — 22.

Арестована большая группа агентов западногерманских подрывных организаций:

радиостанции «РИАС» — 71;

так называемой Группы борьбы против бесчеловечности — 56;

«Следственного комитета свободных юристов» — 36.

В результате оперативных комбинаций выведено 11 официальных сотрудников, резидентов, агентов-вербовщиков и агентов-наводчиков. В их числе официальный сотрудник 904-го филиала 902-го представительства «разведки Гелена» Морган Хорст, а также официальный сотрудник так называемого Архива советской зоны оккупации Франкоф Отто.

Ликвидированы:

4 резидентуры американской разведки;

5 — английской;

3 — германской;

10 — западногерманских подрывных центров.

В числе арестованных:

15 резидентов;

31 курьер, связник;

15 агентов-вербовщиков;

9 радистов...»

Далее в докладной записке перечисляются изъятые у арестованных радиосредства, оружие, боеприпасы, средства тайнописи и яды, содержатся предложения по реализации еще находящихся в разработке материалов на ряд агентов противника.

Подписал докладную записку в мае 1955 года будущий первый заместитель председателя КГБ СССР, а в тот период начальник Управления особых отделов КГБ при Совете министров СССР по Группе советских войск в Германии (УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ) генерал-лейтенант Георгий Цинев.

Этот сухой, лишенный эмоций документ занимает всего две страницы и, конечно, не может отразить той колоссальной организаторской, оперативной и следственной работы, которая была проделана генералом Г. Циневым и его подчиненными. Приведенные в докладной цифры разоблаченных агентов и резидентов, вероятно, покажутся просто фантастическими не только людям, далеким от спецслужб, но и многим сотрудникам органов безопасности, не связанным с делом «Весна».

Так, один из активных участников той уникальной операции генерал-лейтенант Юрий Николаев, тогда старший оперуполномоченный 2-го отдела УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ, курировавшего работу подчиненных подразделений и автор проекта этой докладной записки Г. Цинева, вспоминал в своей книге «Будни военного контрразведчика»: «Одному

из генералов с Лубянки, работавшему безвыездно в Москве десятки лет, пришлось для убедительности продемонстрировать поднятую из архива упомянутую докладную записку».

Успех оперативной разработки «Весна» был обусловлен слаженной работой УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ, Инспекции по безопасности верховного комиссара СССР в Берлине и только вставшего на ноги Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики. А началась операция горячим берлинским летом 1953 года.

Часть первая

Повторный штурм Берлина

В июне 1953 года, спустя нескольких месяцев после смерти Сталина, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции впервые отважились испытать на прочность созданную ими гигантскую империю и проверить твердость политической воли у новых советских вождей. Удар был нанесен по самому чувствительному месту — ГДР, «рекламной витрине» советского блока, призванной продемонстрировать миру преимущества социализма перед капитализмом.

11 июня 1953 года мало кто мог увидеть за внешне безобидной стачкой нескольких десятков рабочих те скрытые пружины, которые через несколько дней привели в движение сотни тысяч граждан ГДР и взорвали ситуацию в Восточном Берлине. В тот день одна из бригад каменщиков, занятая на строительстве блока «Г» в районе Сталиналле, объявила 24-часовую «итальянскую забастовку». В ходе нее рабочие выдвинули всего одно требование: отменить произвольное повышение производственных норм на 10 %, принятых правительством ГДР 28 мая 1953 года.

Через два дня, 13 июня, это недовольство приобрело более масштабный характер; его поддержали лидеры профсоюза строителей. В тот день они организовали для рабочих коллективную прогулку на пароходке, к которой присоединились пред-

ставители ряда других столичных строек. Короткий митинг быстро перерос в собрание и завершился принятием решения о проведении совместного выступления профсоюза и стачкома против повышения производственных норм.

За несколько дней до начала кризиса уполномоченный МВД СССР в Германии полковник И. Фадейкин с тревогой докладывал первому заместителю председателя Совета министров СССР, министру внутренних дел СССР А. Берии:

«Волнения рабочих в демократическом секторе Берлина начались еще 11–12 июня с. г. Рабочие строительных объектов собирались группами, обсуждая создавшееся положение в связи с «изменением политического курса» правительства ГДР.

Руководство горкома СЕПГ не реагировало на поступающие сигналы о недовольстве рабочих и продолжало ориентировать руководство строек и партийных функционеров на «проведение в жизнь повышенных норм».

Зато в западных секторах Берлина не дремали. Народно-трудовой союз (НТС) — политическая организация русской эмиграции, «Группа борьбы против бесчеловечности», «Восточное бюро», «Союз немецкой молодежи» и другие организации, за спинами которых стояли спецслужбы США, Великобритании и Западной Германии. Они, воспользовавшись моментом, развили бурную деятельность. Агентура и группы провокаторов распространяли среди населения ГДР листовки и слухи антиправительственного содержания. Позднее, 16 и 17 июня, сеяли панику, подстрекали демонстрантов к массовым беспорядкам, во главе штурмовых отрядов приступом брали центры власти: здания СЕПГ, МГБ, полицейские участки и тюрьмы.

Но все это было еще впереди. А тогда, 14 июня в 11.30, у блока № 40 собралась толпа около 400 человек. Заводилы выстроили ее в колонну и, развернув плакат «Мы требуем снижения норм», повели к центру города. Впереди колонны, как челноки, сновали велосипедисты. Они поддерживали порядок среди демонстрантов и выступали связниками между

забастовочными комитетами, которые стихийно возникали по ходу движения в других строительных организациях.

Толпа увеличивалась подобно снежному кому и с грозными криками «Мы рабочие, а не рабы!», «Долой нормы!» наливалась злобой. Навстречу ей медленно катили три автомашины с радиоустановками. Из мощных динамиков раздавались призывы партийных агитаторов к демонстрантам прекратить забастовку и вернуться за стол переговоров. Но эти обращения только еще больше распалили их. Подстрекаемые провокаторами, они принялись крушить машины, растерзали женщину-диктора и жестоко избили водителя.

Особенно усердствовал житель американского сектора Берлина Кальковский. Спустя сутки, задержанный полицией при штурме здания ЦК СЕПГ, он показал на допросе:

«С августа 1952 года я не имею постоянной работы, получаю лишь незначительное пособие по безработице и при наличии семьи из 9 человек, естественно, испытываю большие материальные трудности. Этим воспользовался один мой знакомый из Западного Берлина, который подтолкнул меня на преступный путь, пообещав прилично заплатить за участие в подстрекательстве населения демократического сектора Берлина к массовым беспорядкам. Его фамилия Гюттинг Пауль, во время войны служил в войсках СС, имел чин унтерштурмфюрер.

До осени 1952 года проживал в советской зоне оккупации, а затем поселился в американском секторе Берлина. На мой вопрос о причине смены жительства он дословно выразился, что по заданию «Группы борьбы против бесчеловечности» занимался отравлением скота, а сейчас периодически выезжает в города ГДР, откуда привозит интересующую Запад информацию.

16 июня 1953 года, после 6 часов вечера, в мою квартиру явился Гюттинг и предложил мне принять участие в организации массовых беспорядков в демократическом секторе Берлина, чтобы начавшуюся там забастовку превратить в восстание. При этом он добавил, что за организацию всего этого получил 2000 западных марок, но от кого, не уточнил...»

Другой задержанный, также житель западного сектора Берлина, Гетлинг признался:

«16 июня я посетил биржу труда, отдал женщине рабочую книжку, чтобы поставить штамп, она сказала мне, чтобы я зарегистрировался у того господина, который сидел в отдельной комнате. Я спросил женщину, кто этот господин, и получил ответ, что американский офицер. Когда я подошел к американскому офицеру, последний спросил меня, когда я последний раз получал пособие как безработный. Я ему ответил, что последний раз получал пособие неделю назад, а сегодня должен получить за прошлую неделю. Американец мне ответил, что деньги я получу в том случае, если приму участие в забастовке в демократическом секторе. Желая получить деньги, я решил принять участие. Только после этого я получил рабочую книжку со штампом и пособие как безработному 39 западных марок. Кроме того, американский офицер сказал, что за участие в забастовке получу дополнительно еще 78 марок».

Но это было позже. А 16 июня напряжение по обе стороны разделительных линий между восточным и западными секторами Берлина нарастало с каждым часом. К Фадейкину из разведывательных источников непрерывно поступала оперативная информация о развитии обстановки в ГДР и западных секторах Берлина. Тон этих сообщений становился все более тревожным.

Глубокой ночью 17 июня Фадейкин доложил Берии:

«По имеющимся данным, в организации демонстрации активную роль играли лица из Западного Берлина.

Так, накануне демонстрации объекты в демократическом секторе объезжала машина с западноберлинскими номерами, в которой сидело 6 лиц, призывавших рабочих строек к забастовке.

15 июня из района Райникендор (французский сектор Берлина) распространялись обращения к рабочим советского тормозного завода «Кнорр-Бремзе» и шинного завода «Райфен-Мюллер» с призывами к забастовке и возвращению этих предприятий их прежним владельцам.

Во время демонстрации во главе колонны двигались группы молодых немцев, частично в прозодежде (рабочей спецодежде. — Авт.), главным образом на велосипедах западных марок, которые осуществляли роль связников, а также подстрекали демонстрантов к выкрикиванию тех или иных лозунгов.

Эти же группы останавливали по пути следования колонны трамваи и автомашины, предупреждая о том, что на завтра намечается всеобщая забастовка. При этом высказывали прямые угрозы в отношении тех, кто будет завтра работать...

О последующем буду докладывать своевременно.

Уполномоченный МВД СССР в Германии

Фадейкин.

*Передано по ВЧ.
17 июня 1953 года
№ 10/92».*

Наряду с сообщениями Фадейкина в Политбюро ЦК КПСС из других источников разведки и МИД поступала все более тревожная информация об обстановке в Германии. Впервые за восемь лет угроза возникновения новой крупномасштабной войны в центре Европы была близка как никогда.

В Западном Берлине в штаб-квартирах спецслужб, а также НТС, «Группе борьбы против бесчеловечности», «Восточном бюро», «Союзе немецкой молодежи» и других антисоветских организациях шла лихорадочная подготовка к восстанию. Сомнений в его успехе у организаторов не возникало. Результаты первого дня превзошли все ожидания. Подготовка к повторному штурму Берлина шла полным ходом.

С наступлением рассвета сотни воздушных шаров с листовками подстрекательского содержания поднялись в небо и полетели на восток. Одновременно спешно формировались новые группы агитаторов. Готовилась вступить в бой и более «тяжелая артиллерия» — отряды боевиков и провокаторов. В них внедрялись переодетые полицейские и бывшие эсэсовцы, вооруженные пистолетами.

Ранним утром в американском секторе Берлина на Подстамербрюкке около биржи труда начали собираться толпы безработных, в них вливались провокаторы и штурмовики. Около 8 часов к этому сборищу подъехали три машины, из них вышла группа лиц с армейской выправкой. Несколько человек, по показаниям Кальковского и Гетлинга, были одеты в форму американских офицеров. Их подручные из числа немцев тут же засуетились и принялись выстраивать колонны демонстрантов. Потом подкатила грузовая машина, и из нее стали раздавать бутылки с бензином.

Спустя несколько часов провокаторы Ниммец, Гетлинг, Кальковский и другие, задержанные во время беспорядков в Восточном Берлине органами МГБ, полиции и советскими войсками, признавались, что поддались на уговоры американцев. Кальковский, в частности, показал:

«Американский офицер, называвший себя мистером Хайфером, выступал на ломаном немецком языке и призывал направиться в демократический сектор Берлина. Всем, кто примет участие в этом деле, обещал продукты и бесплатный отдых с семьями в курортных местах».

К 9 часам 17 июня общее количество участников антиправительственной демонстрации перевалило за 50 тысяч. Одна из колонн численностью свыше 10 тысяч человек смела полицейский кордон и направилась к зданию правительства ГДР с криками: «Долой правительство!», «Долой СЕПГ!».

Впервые за время забастовки прозвучали угрозы в адрес советских патрулей, которые взяли в кольцо Дом правительства. Отдельные митингующие выкрикивали: «Советские войска — вон из Берлина!», «Оккупанты — домой!».

Последняя, малочисленная цепочка из полицейских шаг за шагом отступала под напором становившейся все более агрессивной и враждебной толпы. В 11 часов отряды молодчиков, прорвав ее, захватили здание ЦК СЕПГ. Они разоружали и избивали полицейских. Зазвучали первые выстрелы. Пролилась первая кровь.

Потом на допросах Кальковский показал:

«Юрген Ганс выхватил из внутреннего кармана плаща пистолет и стал стрелять. Стреляли из толпы и другие лица, но я их не знаю.

Еще будучи на Потсдамербрюкке, я в разговоре с Гюттингом поинтересовался личностью Юргена, и Гюттинг ответил мне, что Юрген является западноберлинским полицейским, так как он ранее неоднократно встречал его в форме. Гюттинг сказал также, что нас будут сопровождать несколько таких полицейских».

Массовые беспорядки, подобно лесному пожару, перекинулись и на другие города ГДР. В Дрездене митингующие попытались захватить здание окружного отдела МГБ, но их атака была отбита. В Бранденбурге им удалось завладеть зданиями суда, отдела МГБ, райкома СЕПГ и разоружить полицейскую охрану. В Герлице 10-тысячная толпа разгромила райком СЕПГ и райотдел МГБ, после этого напала на городскую тюрьму и освободила десятки преступников.

В эти часы значительно активизировалась агентурная сеть западных разведок. Советская радиоконтрразведка фиксировала интенсивную работу в эфире мюнхенского разведцентра и его шпионских радиопередатчиков. В городе Гроссшпашлебен военные контрразведчики захватили радиста американской резидентуры Винтцлера во время работы на радиопередатчике. Оперативной группе Уполномоченного МВД СССР в Германии удалось задержать другого ее агента-радиста Эккариуса, жителя города Галле. Оба передавали в разведцентр информацию о ходе массовых беспорядков в ГДР. На следствии они сознались, что были завербованы американскими разведчиками во время выездов в Западный Берлин: один — в 1951 году, а другой — в 1952-м.

К 13.00 положение в ГДР приобрело угрожающий характер. Поступавшая к Уполномоченному МВД СССР и главнокомандующему советскими оккупационными войсками в Германии информация с мест напоминала скорее фронтовые сводки.

Промедление было смерти подобно. И Фадейкин немедленно доложил в Москву:

«В гор. Магдебурге демонстранты штурмуют здание почтамта и тюрьмы.

В гор. Биттерфельде бастующие совершили нападение на здание окружного отдела МГБ ГДР, смяли охрану и захватили ее оружие.

В гор. Лейпциге мятежники ворвались в здание суда, захватили городскую радиостанцию и передают выступление с антиправительственными призывами.

В гор. Мерзебурге толпа ворвалась в городской отдел МГБ, разгромила его и забрала с собой начальника горотдела Клауберга. В настоящее время толпа штурмует Мерзебургскую тюрьму. Идет перестрелка. Разгромлен окружной комитет СЕПП.

На Мюллеништрассе (демократический сектор Берлина) мятежники арестовали заместителя премьер-министра ГДР, председателя Христианско-демократического союза ГДР Отто Нушке и сдали его в 109-й участок штурмовой полиции (Западный Берлин).

Банды западноберлинской молодежи прорвались на стадион имени Людвиг Яна и занялись погромами. Около моста «Свободы», соединяющего Потсдам с территорией американского сектора Берлина, с американской стороны собралось до трех тысяч немцев.

Около здания рейхстага, в английском секторе Берлина, сосредоточилась большая толпа жителей с целью прорыва в демократический сектор.

По предварительным данным, примерно до 25 процентов мятежников составляют жители западных секторов Берлина.

Верховным комиссаром т. Семеновым, по согласованию с т. Гротеволем, Ульбрихтом и другими членами Политбюро ЦК СЕПП, принято решение передать власть командованию советских войск.

МГБ ГДР не проявляет необходимой активности, в связи с этим нами принято решение прикомандировать к руководству

МГБ зам. уполномоченного МВД СССР т. Моргачева и полковника т. Макарова.

Уполномоченный МВД СССР в Германии

Фадейкин

17 июня 1953 года

14 часов».

Советские танки вышли на улицы Восточного Берлина. Их появление толпа встретила оскорблениями и ругательствами. В некоторых местах запели фашистский гимн «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес!». В районе Францозишештрассе и Егерштрассе в танки полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. Рассвирепевшие молодчики забирались на броню, ломали антенны и заливали смотровые щели бензином. Танкисты вынуждены были открыть огонь. Пулеметные очереди, просвистевшие над головами беснующейся толпы, быстро охладили ее пыл.

При поддержке танков советские военнослужащие и пришедшие в себя сотрудники МГБ и полиции ГДР двинулись на освобождение от мятежников зданий ЦК СЕПГ и Дома правительства. Штурмовать их не пришлось. После первых выстрелов в воздух толпа бросилась врассыпную. Лишь разрозненные группы боевиков из числа «Союза немецкой молодежи» пытались оказать сопротивление, но были вскоре рассеяны.

К этому времени граница с западными секторами Берлина была заблокирована. И как во время половодья, когда прекращаются дожди и большая вода резко идет на убыль, так и в Восточном Берлине за считанные часы волна насилия и бесчинств пошла на спад.

В 15.30 Фадейкин докладывал Берии:

«В результате принятых нашими войсками мер освобождены захваченные забастовщиками здания ЦК СЕПГ и правительства ГДР. Восстановлен порядок на Унтер ден Линден. Арестовано органами МГБ 40 чел. активных зачинщиков антиправительственных преступлений. У всех арестованных отобрано огнестрельное оружие».

Спустя час его очередной доклад в Москву вызвал некоторое облегчение у советских руководителей. Массовые беспорядки в столице ГДР не переросли в вооруженное восстание. Армия, пока без потерь, справлялась с бунтовщиками. В Москву последовал доклад:

*«Совершенно секретно
Товарищу БЕРИЯ Л. П.*

Докладываю об обстановке в ГДР по состоянию на 16 часов 30 минут московского времени.

В результате действий наших войск обстановка в Берлине разряжается».

Теперь в Кремле и Ставке верховного комиссара в Берлине с тревогой ожидали реакции Запада на вмешательство советских войск в Берлинский кризис. Напряжение достигло апогея ночью, когда от Фадейкина поступил внеочередной доклад. Он сообщал о военных приготовлениях командования оккупационных войск США в Германии. Сообщения двух перебежчиков, капралов американской армии Брюкнера и Браукманна, не оставляли в этом сомнений. На допросах они показали:

«15 июня через гор. Фульда в направлении гор. Бишофсхайм с 6 ч. утра до 12 ч. дня непрерывно двигались моторизованные американские воинские части, которые, не доезжая этого города, сворачивали по проселочной дороге в лес. С 12 часов в том же направлении, вслед за моточастями, также двигались артиллерийские части».

Их показания подтверждались разведкой. Один из ее агентов сообщил о состоявшемся накануне в западном секторе Берлина совещании с участием бывшего гитлеровского генерала Клейнрата. В ходе совещания он заявил:

«На территории ГДР действует против коммунизма разведывательная подпольная военная организация, которая учитывает опыт 17 июня и готовит более крупное событие.

Забастовки возникнут в пограничных городах ГДР и Польши для одновременных действий как в Польше, так и в ГДР».

Этим далекоидущим планам западных спецслужб взорвать ситуацию в ГДР и Польше не суждено было сбыться. Грозные раскаты массовых беспорядков, возникшие в Восточном Берлине, недолго гуляли по городам и сельской глубинке ГДР. Немецкое крестьянство промолчало, а большая часть рабочего класса, несмотря на недовольство действиями правительства и резкий рост цен на продовольствие, не поддержало выступление берлинских возмутителей.

К утру 18 июня советским военнослужащим, сотрудникам спецслужб и полиции удалось подавить последние очаги вооруженного сопротивления. Их действия были столь стремительны, что американские, британские и французские ударные части так и не успели приблизиться к границе. Ситуация в ГДР находилась под полным контролем советского командования, органов МГБ и полиции ГДР. Мрачная тень новой войны, поднимавшаяся над городами ГДР, охваченными пламенем беспорядков, так и осталась тенью. Предпринятый бывшими союзниками Советского Союза по антигитлеровской коалиции повторный после победного 45-го года штурм Берлина провалился.

Его трагические итоги полковник Фадейкин коротко доложил в Москву:

*«Совершенно секретно
Из Берлина по «ВЧ»
Товарищу БЕРИЯ А. П.*

*Докладываю об обстановке в ГДР по состоянию на 18 июня
с. 2.*

В результате действий советских войск и введения военного положения в Берлине и ряде других крупных городов положение в республике почти нормализовано...

Особым отделом МВД Группы советских оккупационных войск, а также органами МГБ ГДР арестовано всего 1397 чел.

В настоящее время производится фильтрация арестованных, с тем чтобы сосредоточить следствие на наиболее важных арестованных с целью выявления и дальнейшего изъятия организаторов мятежа.

По предварительным данным, в результате столкновения мятежников с нашими войсками в Берлине убито 2 и ранено 28 чел. В Магдебурге убито и ранено 56 чел. По остальным городам сведения собираются и будут сообщены дополнительно.

Во исполнение Вашего задания, нами организованы следственные группы, которые приступили к работе. Командированный Вами т. ГОГАИДЗЕ с группой работников прибыл сегодня в 7 час. утра в Берлин и приступил к работе.

О дальнейшем буду докладывать.

Уполномоченный МВД СССР в Германии

ФАДЕЙКИН».

Не меньшие потери понесла и правительственная сторона. В массовых беспорядках погибло семь, ранение получили 151 человек из числа сотрудников немецкой Народной полиции, МГБ и партийных активистов.

18 июня Военный трибунал приговорил шестерых частных к убийствам и поджогам к расстрелу. Спустя несколько часов Военный совет Группы советских оккупационных войск в Германии утвердил эти приговоры. В тот же день они были приведены в исполнение. Об этой суровой каре населению ГДР сообщили по национальному радио.

В дальнейшем число жертв не росло, а только менялись цифры арестованных и уточнялось число участников акций протеста. На 23 июня было задержано 8019 участников антиправительственных выступлений, из них 2569 после фильтрации в тот же день вышли на свободу, 1200 подверглись аресту. Уголовные дела на 394 человек поступили на рассмотрение в суды. Проверка остальных лиц продолжалась.

Несмотря на провал мятежа, в штаб-квартирах западных спецслужб не оставляли попыток подорвать хрупкое равновесие, установившееся в ГДР. Теперь под их прицелом находились

офицеры и солдаты советских войск. Из Западного Берлина и Западной Германии с помощью воздушных шаров и авиации на территорию ГДР забрасывались сотни тысяч листовок антисоветского содержания от имени «Группы борьбы против бесчеловечности», «Восточного бюро» и НТС. В них разжигалась ненависть между двумя народами, и содержались призывы к продолжению забастовок.

Маховик противостояния пытались раскрутить, как и прежде, западные спецслужбы. Об этом 23 июня сообщил агент МГБ ГДР «Л». В частности, на совещании руководящего состава «Группы борьбы против бесчеловечности», проходившем в Западном Берлине, американский офицер Браун потребовал от руководителя этой организации отчета об участии в событиях 17–18 июня в Восточном Берлине и настаивал на продолжении подрывной деятельности.

Агент информировал:

«Тиллих заявил ему, что в основном погромные действия в Восточном Берлине осуществлял «Союз немецкой молодежи», а «Группа» занималась пропагандой и сумела распространить в Берлине и ГДР около 500 000 листовок».

Проиграв открытую схватку, западные спецслужбы не оставили попыток взорвать ситуацию в ГДР. Теперь основной упор они делали на проведении разведывательно-подрывной деятельности против советских войск, наглядно показавших во время кризиса, что они являются основной сдерживающей силой, а также государственных институтов власти. В этих целях на территории ГДР разведки США, Великобритании и ФРГ принялись создавать мощную шпионскую сеть. По замыслу организаторов, их агентура должна была просочиться на ключевые посты в государстве, партии и подготовить почву для эрозии социалистического строя.

В УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ предвидели такой ход развития и во взаимодействии с МГБ ГДР заблаговременно организовали контрразведывательную работу в воинских частях

и их окружении, а также усилили агентурное проникновение в разведывательные органы западных спецслужб. Так началась одна из самых масштабных контрразведывательных операций отечественных спецслужб под кодовым названием «Весна».

Часть вторая

Операция «Весна»

По указанию генерала Г. Цинева руководителем 3-го отдела И. Устиновым, сотрудниками центрального аппарата А. Крюковым, Ю. Николаевым и другими были проанализированы все имевшиеся в производстве оперативные материалы по так называемым американской, британской, германской и другим линиям разведывательно-подрывной деятельности, направленной против Группы советских войск в Германии. Аналогичная работа проводилась в органах МГБ ГДР и Инспекции по безопасности Верховного комиссара СССР в Берлине. Затем полученные данные были обобщены и на их основе выработан комплекс агентурно-оперативных и технических мероприятий, направленных на срыв планов западных спецслужб.

А западные спецслужбы не дремали. К весне 1954 года в окружении ряда частей ГСВГ сформировали тотальную шпионскую сеть. Невысокий уровень жизни граждан ГДР, наличие у них обширных родственных связей в ФРГ, Западном Берлине и свободный доступ на его территорию (на то время еще не была возведена Берлинская стена) создали исключительно благоприятные условия для проведения вербовочной работы. Вербовали практически всех, кто имел хоть какой-то выход на советских военнослужащих или доступ на территорию частей Советской армии. Не гнушались привлекать к сотрудничеству даже уборщиков мусора.

Юрий Николаев вспоминал:

«В своем стремлении к получению любой шпионской информации состоятельные американцы не чурались даже копания в мусорных свалках наших военных гарнизонов. К этому они

привлекали нуждающихся лиц, своего рода бомжей, платили им гроши, заставляя выискивать среди мусора письма военнослужащих, различные конспекты и т. п. Справедливости ради следует заметить, что одному такому «копальщику» повезло, и он нашел конспекты занятий офицера с тактико-техническими характеристиками нового в то время нашего танка Т-50, за которыми американцы долго гонялись...»

Главной же целью как американских, так и других западных спецслужб оставалась вербовка агентов, имевших доступ к секретным документам или проходивших службу в штабах. Для этого задействовался самый широкий арсенал методов вербовки, начиная с банального шантажа и заканчивая «медовой ловушкой». Порой использовались и совсем уж экзотические. Кандидатов в агенты западногерманская разведка отлавливала на таком, казалось бы, безобидном поле, как филателистическое.

До поры до времени особы и сотрудники МГБ ГДР не подозревали, что филателистическая биржа в Западном Берлине служила удобной ширмой деятельности спецслужб. Приходившие туда коллекционеры из Восточного Берлина чаще всего имели дело с молодежью и обходительным господином Вилли. У него всегда имелся богатый выбор марок по сносным ценам, а хорошие манеры располагали к общению.

В ходе разговора коллекционер незаметно для себя переходил к обсуждению более широких тем. При следующей встрече его ждал приятный сюрприз. Та заветная марка, за которой он гонялся не один год, по счастливой случайности оказывалась у Вилли. За нее он не заламывал цену, шел навстречу покупателю, но взамен просил оказать маленькую услугу. От счастливого коллекционера требовалось всего ничего: узнать, как устроиться знакомому Вилли в Н-скую воинскую часть, или передать небольшую посылку другому коллекционеру.

В тот радостный момент обладатель заветной марки даже не подозревал, что получал свой первый шпионский аванс и

выполнял первое разведывательное задание. Остальное, его вербовка, было уже, как говорится, делом техники.

Резидентура из филателистов достаточно успешно проработала не один месяц. Подвела ее агентов не столько страсть к маркам и банальная жадность, сколько система контрразведывательных мер, выстроенная особистами в воинских частях и их окружении. Повышенный интерес агентов-филателистов к учебно-боевой деятельности советских войск, активность в установлении контактов с военнослужащими не остались незамеченными. Собранных контрразведчиками доказательств вполне хватило, чтобы уже в апреле 1955 года им заняться коллекционированием не марок, а пуговиц от тюремной рубы.

Шло время. Контрразведывательная «Весна» незаметно для западных спецслужб и их агентов бурно набирала обороты в оперативных разработках особистов и работников МГБ ГДР. К концу 1954 года в производстве УОО КГБ при СМ СССР ГСВГ находилось около сотни дел по шпионажу. Г. Цинев, его заместители Б. Мелентьев и Е. Сазонов, сотрудники центрального аппарата И. Устинов, Ю. Николаев, А. Крюков, С. Усанов, С. Бурдо, А. Петрухин и другие появлялись то на севере, то на юге, то на востоке, то на западе ГДР, чтобы помочь подчиненным в организации проверки лиц, проходивших по материалам.

А она требовала высочайшего профессионализма, жесточайшей конспирации и изобретательности. По ту сторону невидимой линии фронта противостоял опытный и сильный противник. Любая промашка со стороны особистов могла сорвать не только собственные агентурно-оперативные мероприятия, но и существенно затруднить деятельность коллег из МГБ ГДР. Это было время трудной, напряженной, но захватывающе интересной работы.

Юрий Алексеевич Николаев так вспоминал об этом:

«Оперативная работа по контрразведывательной защите советских войск в условиях Германской Демократической Республики требовала от нас полной самоотдачи...»

В целом можно сказать, что, работая в составе Группы советских войск в Германии в 1951–1957 годах, я получил такой основательный опыт, который сказывался на протяжении всей дальнейшей службы в военной контрразведке».

Эти слова генерала Николаева в полной мере можно отнести к большинству сотрудников управления. Там, на переднем крае тайной войны, выросла и закалилась блестящая плеяда руководителей отечественных органов безопасности. Георгий Цинев долгие годы являлся первым заместителем председателя КГБ Ю. Андропова. В. Федорчук с февраля 1963-го по сентябрь 1967 года возглавлял управление сначала в качестве заместителя, а затем начальника. В мае 1982 года он сменил Юрия Владимировича в должности председателя КГБ. Другие его сотрудники, Н. Королев, И. Фадейкин, И. Устинов, Н. Душин, Ю. Булыгин, А. Моляков, в разные годы стояли во главе военной контрразведки страны. Нынешний ее руководитель А. Безверхний также прошел хорошую школу в ГДР.

И сам генерал-лейтенант Николаев оставил заметный след в отечественной контрразведке и жизни тех, с кем его сводила служба. Куда бы его ни направляла воля начальников, на Урал организовывать контрразведывательную работу в только что создаваемых Ракетных войсках стратегического назначения, в Забайкалье формировать Управление особых отделов по войскам Дальнего Востока или в Польшу руководить Управлением особых отделов Западного стратегического направления, он везде проявлял себя блестящим организатором и необыкновенно душевным человеком.

В 2008 году генерала Николаева не стало, но его дело продолжают достойные ученики. В памяти своего поколения он останется как талантливый руководитель, а будущие контрразведчики откроют для себя новые профессиональные горизонты в его замечательной книге. С присущей ему скромностью Юрий Алексеевич назвал ее «Будни военного контрразведчика». Но это те будни, которыми может и должен гордиться настоящий мужчина.

Касаясь своей службы в ГДР, Юрий Алексеевич отмечал, что он и его коллеги «горели своей работой и не обращали внимания на бытовые и прочие неудобства». Он говорил: «Мы все сначала думали о родине, а потом о себе».

Они — сыны того сурового и по-своему счастливого времени — не могли поступить иначе. Они без остатка отдавали себя работе и торопили «Весну». А судя по оперативной информации, поступавшей в управление в процессе разработок агентов американской, британской и западногерманской разведок, их хозяева были не прочь превратить «холодную войну» в «горячую».

Так, при разработке агента Шнайдера, завербованного сотрудниками из «Организации Гелена», контрразведчиками были получены материалы, впоследствии нашедшие подтверждение при его допросе, которые не оставляли сомнений в том, что западные разведки самым активным образом готовились к развязыванию новой войны на территории ГДР.

Шнайдер показал, в частности:

«Разведчик Пауль рассказал мне, что в северо-восточной части ГДР весной 1954 года начата реорганизация агентурной деятельности на случай войны. Весной и летом 1954 года он давал мне задания подыскать места для «мертвых ящиков» в северо-восточной части ГДР на случай военного времени. В частности, я должен был подыскать тайники в городах Грайфсвальд, Коптенхаген, Штральзунд, в каких-либо пунктах между городами Штральзунд, Грайфсвальд, Фридланд, Ной-Бранденбург, Утздель и Пренцлау. Пауль пояснил мне при этом, что самым лучшим местом для них являются туалеты на вокзалах и в ресторанах, куда могут заходить агенты и курьеры, не вызывая подозрений».

Выполняя задание, Шнайдер подобрал девять таких мест и передал их описание Паулю, а взамен получил радиопередатчик с кодами. Другой агент-радиотехник Кранке оборудовал в районе Деммин и Лойтц восемь таких «почтовых ящиков», четыре

из которых должны были стать запасными на случай выхода из строя основных тайников. Агенты-радисты Кохман и Шарке также подготовили по несколько подобных «точек».

К началу 1955 года западные спецслужбы завербовали на территории ГДР несколько десятков агентов-радистов и оборудовали сотни тайников. Особенно высока их плотность была в окружении частей советских войск.

По замыслу организаторов этой «спящей капеллы», ее исполнители-«пианисты» при наступлении часа «Ч» — начала войны, возникновения кризисной ситуации — должны были приступить к выполнению заданий: обеспечить устойчивую связь со спецслужбой. В мирное время, чтобы не привлекать внимание контрразведки, они в сборе информации не задействовались, а занимались устройством новых тайников. Периодически в целях проверки их готовности к выполнению заданий и надежности канала связи с радиоцентром, находившимся в Мюнхене, в их адреса направлялись зашифрованные учебные радиogramмы, а через агентов-курьеров осуществлялись закладки в тайники новых заданий.

При подборе кандидатов на вербовку в качестве агентов этой категории американская, британская и западногерманская разведки ориентировались на радиолюбителей и использовали старые, доставшиеся им от спецслужб фашистской Германии, учеты лиц, имевших отношение к радиodelу. В дальнейшем с помощью агентов-наводчиков или через родственные связи осуществлялось изучение выделенного контингента лиц, и выяснялась основа будущей вербовки. В подавляющем большинстве случаев это была материальная заинтересованность.

Вербовки агентов-радистов проводились, как правило, на территории Западного Берлина кадровым сотрудником спецслужбы. Там же на конспиративных квартирах в течение нескольких дней специалисты обучали их навыкам шифровки и дешифровки информации, особенностям работы на радиопередатчике. Снабжение агентуры радиостанциями и комплектующими деталями осуществлялось либо через агентов-курьеров,

либо через тайники. В ряде случаев они сами привозили их по частям из Западного Берлина.

«Такова была схема безличной обоюдной связи агентов с разведывательным органом, которая должна была быть приведена в действие с началом войны», — вспоминал Юрий Алексеевич Николаев.

Обнаружить и вытащить на свет эту так называемую спящую шпионскую сеть было далеко не простым делом. Здесь контрразведчикам приходилось работать по нескольким направлениям. В частности, путем сопоставительного анализа лиц, выезжавших в Западный Берлин и имевших навыки в радиоделе, они выделяли тот контингент, на который могли ориентироваться иностранные спецслужбы при подборе своей агентуры. В процессе последующей оперативной проработки основное внимание сосредоточивалось на выявлении в действиях объектов признаков, которые бы указывали на наличие шпионской связи: настороженность в поведении, материальные траты, выходявшие за рамки семейного бюджета, фотографирование или зарисовки местности, пригодной для закладки тайника и т. п.

Работа по поиску так называемых спящих кротов занимала у контрразведчиков иногда несколько лет. Она требовала терпения и внимания к мелочам, но их настойчивость в конце концов вознаграждалась.

Так, переводчик строительной конторы Ной-Руппинского гарнизона Зигфрид Винберг, выходец из Прибалтики, внешне производил впечатление добропорядочного и лояльного новой власти гражданина. В общении с советскими офицерами был доброжелателен, открытого интереса к их работе не проявлял, в друзья тоже не набивался. И все же у руководства Особого отдела 12-й гвардейской танковой дивизии имелись основания подозревать его в шпионской деятельности. По показаниям другого, ранее арестованного агента в этом гарнизоне на американскую разведку работал еще некий Венке, возможно Вулко, выходец из Прибалтики.

Слабая наводка и поверхностное описание внешности американского агента — это было все, чем располагал начальник отдела подполковник В. Манин. В течение двух лет он с подчиненными вел оперативную проверку Винберга, но доказательств его шпионской деятельности так и не получил. Единственным подозрительным моментом в поведении Винберга оставались регулярные поездки в Западный Берлин. Обрато он возвращался со скромным набором вещей и продуктов.

Подходил к концу срок проверки. Дело на Винберга уже собирались сдать пылиться в архив. И здесь В. Манин и Ю. Николаев, в то время находившийся в отделе с инспекторской проверкой, решили послать за «мертвым» объектом разведчиков наружного наблюдения. В их предложении руководству Управления особых отделов содержалась значительная доля риска. В Западном Берлине наружка сама могли попасть под «колпак» американской спецслужбы, но генерал Цинев решил рискнуть.

Во время очередной поездки Винберга в Западный Берлин вслед за ним отправилась бригада наружного наблюдения. И тут все стало на свои места. Тихий, как мышь, переводчик строительной конторы оказался матерым американским агентом. Предположение В. Манина и Ю. Николаев о его причастности к иностранной спецслужбе полностью подтвердилось:

«По пути в Берлин, особенно в западной части города, Винберг неоднократно квалифицированно проверялся, петлял по улицам и, как видимо, не обнаружив ничего подозрительного, озираясь, вошел в аптечный киоск «Дрогерия» на Грольманштрассе, где находился около полутора часов. Вход в помещение и выход из него были зафиксированы на фотопленку. Ознакомившись со сводкой наружного наблюдения, я (Ю. Николаев. — Авт.) проверил этот адрес по рабочим учетам управления. Оказалось, что он известен нашей контрразведке как явочная квартира американской спецслужбы. Будучи задержанным, при предъявлении улик Винберг понял бесполезность заперательства и стал давать признательные показания. Оказалось, что он был давним

агентом американцев, еще с первых послевоенных лет. Выполнил задания по отслеживанию происходящих изменений в танковом гарнизоне, а также передавал сведения, которые ему становились известны в силу служебного положения».

И таких открытий по мере развития операции «Весна» становилось все больше. Подобно снежному кому нарастало количество выявленных агентов американской, британской и западногерманских разведок. Такого размаха разведывательной деятельности не могли припомнить даже бывалые фронтовики, сотрудники Смерша. Агенты-вербовщики, агенты-наводчики, агенты-курьеры, агенты-наблюдатели, резиденты... От одних только названий шпионов рябило в глазах. На аналитической схеме военных контрразведчиков с каждым новым днем все отчетливее проступала густая сеть резидентур иностранных спецслужб. Особенно высока ее плотность была вокруг мест дислокации частей Группы советских войск в Германии.

Сложность вербовки советских военнослужащих вынуждала западные спецслужбы искать себе источники информации среди местных граждан, работавших по найму в воинских частях. Так, из десяти агентов западногерманской разведки, выявленных сотрудниками Особого отдела 4-й гвардейской механизированной армии, пятеро работали в качестве слесарей, водопроводчиков и водителей в различных тыловых подразделениях. Остальные также не были советскими военнослужащими, а являлись их близкими связями или проживали по соседству с воинскими частями.

Слабые агентурные позиции западных спецслужб в этой среде, по мнению Юрия Николаева, были обусловлены высокой степенью патриотизма как офицеров, так и солдат, а также эффективным контрразведывательным режимом в частях ГСВГ.

За время службы в ГДР с 1951 по 1957 год, по его данным, всего несколько советских офицеров перебежало на Запад. Руководствовались они в основном бытовыми мотивами. В этом

отношении показательна судьба инструктора политотдела 12-й гвардейской танковой дивизии капитана А. Дудина. Под влиянием сожительницы-немки и ее родителей, убеждавших его в преимуществах жизни в ФРГ, он в августе 1952 года покинул часть и бежал в Западный Берлин. Там на него сразу вышли сотрудники британской разведки и вывезли в Лондон.

Первые дни Дудин жил в гостинице, содержался за счет МИБ и подвергался разведывательному опросу. Видимо, каких-либо серьезных военных сведений британские разведчики выжать не смогли и тогда решили использовать его в пропагандистской кампании. Дудину предложили написать книгу «об ужасах жизни в СССР». Но бывший политработник, намертво зазубривший труды В. Ленина и И. Сталина, при всем своем старании ничего антисоветского выдать из себя не смог. Вскоре за ненадобностью он был выброшен на улицу. Четыре года помыкавшись чернорабочим, забойщиком на угольных шахтах Великобритании, Франции и Бельгии, Дудин разочаровался в жизни на Западе и возвратился обратно.

Так же безжалостно западные разведки поступали с большинством своих агентов. В стремлении любой ценой получить информацию о состоянии боевой готовности советских войск, тактико-технических характеристиках поступающей на вооружение техники и мобилизационных планах они особенно не пеклись о будущей судьбе своих информаторов.

К середине 50-х годов накал противостояния в «холодной войне» достиг такого уровня, что кураторы, особенно из числа американцев, вынуждали своих резидентов и агентов работать на грани фола в ущерб конспирации и их безопасности. Интенсивные контакты с курьерами, прибывавшими за собранной шпионской информацией, собственные поездки резидентов для встреч с кураторами в Западный Берлин, а также необыкновенно раздутые штаты резидентур (в некоторых число агентов-информаторов достигало полутора десятков) облегчали в определенной степени osobистам и сотрудникам МГБ ГДР их оперативное выявление и разработку.

Так, в поле зрения особых отделов 2-й и 4-й гвардейских механизированных армий, дислоцировавшихся на территории Ростокского округа, попало несколько граждан ГДР. Они выделялись тем, что активно стремились к установлению контактов с советскими военнослужащими и проявляли повышенный интерес к жизнедеятельности войск. В ходе дальнейшей оперативной проверки были получены дополнительные материалы, указывающие на проведение ими шпионской деятельности.

В частности, в общении с военнослужащими одни пытались получить тактико-технические характеристики находящейся на вооружении техники, а другие фиксировали ее перемещения по территории округа. Установленное за ними наружное наблюдение вскоре вывело контрразведчиков на неприметного служащего одной из контор. Он оказался резидентом британской разведки и имел на связи 17 агентов. Поток поступающей от них информации был настолько велик, что для ее передачи в разведцентр резидентурой использовались три радиостанции.

Другая мощная разведывательная сеть британской спецслужбы была выявлена сотрудниками Галльского окружного управления МГБ ГДР. Руководил ею П. Миркос. В ее состав входили 20 человек. Для передачи в разведцентр собранных шпионских материалов использовались радиостанция и агенты-курьеры. Основными объектами разведывательных устремлений этой резидентуры являлись советские воинские части. Дальнейшую ее оперативную разработку сотрудники Министерства государственной безопасности вели во взаимодействии с Управлением особых отделов при СМ СССР по ГСВГ.

Не менее плотную сеть, сплетенную американской разведкой, контрразведчики раскрыли на территории Лейпцигского округа. Ее участники также занимались сбором данных о местах дислокации, численности и вооружении советских воинских частей и подразделений армии ГДР. В состав резидентуры входило девять человек. Руководили ею братья Глинке. Питер, занимавший неприметную должность на одном из народных

предприятий, являлся резидентом. Клаус, дежурный офицер комендатуры Лейпцигского вокзала, наряду со сбором сведений о железнодорожных воинских перевозках также занимался их доставкой в Западный Берлин сотрудникам спецслужбы.

К весне 1955 года масштабы и активность разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб на территории ГДР вынудила руководителей советских органов безопасности и МГБ ГДР перейти к наступательным действиям. По оперативному замыслу руководства операции, контрразведывательная «Весна» должна была на длительный срок парализовать подрывную работу западных разведок на территории ГДР. Помимо этой чисто профессиональной задачи необходимо было, как отмечал генерал Юрий Николаев:

«Разоблачить перед мировой общественностью их (западных спецслужб. — Авт.) подлинную роль в обострении политической и военной напряженности. Речь, таким образом, речь шла о масштабных ответных мерах стратегической значимости».

К тому времени на руках особистов и сотрудников МГБ ГДР имелись неопровержимые доказательства разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб. Операция перешла в заключительную фазу. Сотни оперативно-следственных групп одновременно провели задержания и аресты выявленных резидентов и агентов на всей территории ГДР. В течение нескольких суток американская, британская и западногерманская спецслужбы лишились своих разведывательных позиций. Так «Весна» на «улице» контрразведчиков завершилась раньше времени, в апреле 1955 года.

Обнаруженные при проведении обысков радиостанции, шифроблокноты, хранившаяся в тайниках секретная информация, оружие и яды не оставляли агентам и резидентам шансов выпутаться из той шпионской паутины, в которую они угодили по собственной воле. Идейных борцов среди них не нашлось, никто из задержанных не воспользовался ни ядом, ни оружием. В подавляющем большинстве случаев побудительными мотива-

ми, подтолкнувшими агентов и резидентов к сотрудничеству с западными разведками, были деньги, обещание спецслужб помочь после выполнения задания в обустройстве жизни в ФРГ.

Следствие по уголовным делам было недолгим. Под давлением неопровержимых доказательств большинство арестованных дали развернутые показания. Они полно и убедительно изобличали подрывную деятельность американской, британской и западногерманской спецслужб. Особый вес доказательствам придавали свидетельства арестованных кадровых сотрудников. Работа по их выводу на территорию ГДР и последующему задержанию с поличным занимала особое место в операции «Весна». Для любой спецслужбы захват профессионала — это большой успех, а в той сложной военно-политической обстановке, которая складывалась вокруг ГДР, это был успех вдвойне.

Вывод из Западного Берлина и захват с поличным кадрового работника западногерманской разведки Морган Хорст стал одним из наиболее весомых результатов в операции «Весна». Отправляясь на явки с агентами, он был настолько уверен в надежности канала, что прихватил с собой портфель с документами. В них содержалось описание образцов советской боевой техники, их фотографии, схемы расположения военных объектов и т. п. Эти документы предназначались для инструктажа резидента и агентов. Но они так и не увидели «джентльменского» набора шефа в «черном плаще». Все это ему пришлось демонстрировать контрразведчикам. Припертый к стенке вескими доказательствами, Хорст сдал все и всех.

Генерал Ю. Николаев вспоминал:

«Морган назвал девятнадцать известных ему агентов, из которых тринадцать были арестованы... Он показал, что перед филиалом разведоргана, где он работал, стояла задача обеспечения эффективного агентурного наблюдения за советскими военными объектами в землях Мекленбург и Бранденбург. Агентура вербовалась лишь в местах дислокации войсковых частей

с целью сбора сведений об аэродромах, полигонах, местах учений, о воинских железнодорожных перевозках. Особо их интересовали новые виды вооружений, которые предполагалось фотографировать с использованием любых возможностей».

Недолго продержался на допросе и другой кадровый разведчик — Отто Франкоф. Под давлением неопровержимых улик он раскрыл перед контрразведчиками всю свою агентуру и планы руководства по ее использованию. Так поступали большинство арестованных, и лишь единицы отказались сотрудничать со следствием. Им, как говорится, нечего было терять. Прошлые военные преступления не оставляли бывшим палачам и карателям шансов выйти сухими из воды. С одним из них Ю. Николаеву пришлось столкнуться лично.

Бывший обер-лейтенант войск СС В. Крус, исполнявший обязанности радиста в резидентуре, на допросах вел себя вызывающе. В какой-то момент Юрий Алексеевич не сдержался. В частности, он признался:

«Я... обозвал его крепким словечком и выложил на стол найденную у него фотокарточку (на ней был запечатлен Крус, вешающий советского партизана. — Авт.), которая вызвала у него шок. По приговору суда к нему была применена высшая мера наказания, которую он заслужил в полной мере».

Свидетельские показания этой «тайной армии» западных спецслужб, в которой собрались кадровые сотрудники, агенты-палачи, агенты-домохозяйки и т. д., а также вещественные доказательства — инструкции, опросники, оружие, боеприпасы и яды, изъятые при обысках, — более чем убедительно раскрывали их подрывную деятельность против Германской Демократической Республики.

Результаты контрразведывательной операции «Весна» позволили руководству страны развить активное наступление на политическом поле и существенно укрепить ее позиции на международной арене.

12 апреля 1955 года правительство ГДР выступило с жестким заявлением. В нем оно обвинило правящие круги США, Великобритании и ФРГ во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства — Германской Демократической Республики и потребовало прекратить подрывную деятельность. Заявление, подкрепленное фактами и живыми свидетельствами, отрезвляюще подействовало на поджигателей «холодной войны» и снизило ее опасность...

С того времени минуло свыше 50 лет. На карте мира нет государств СССР и ГДР. Нет в живых и большинства участников тех драматических событий, но их профессиональные результаты и бесценный опыт будут продолжать служить новым поколениям контрразведчиков. Операция «Весна» — это приоткрытая страница из славного прошлого отечественной военной контрразведки. Юрия Алексеевича Николаев так оценил ее результаты:

«[Операция «Весна»] была хорошо скоординированной и молниеносной акцией, проведенной на всей территории ГДР. Она достигла поставленных целей. Оперативные и политические аспекты ее осуществления позволили не только снизить, но и существенно парализовать разведывательно-подрывную активность западных спецорганов на территории ГДР, принять дополнительные эффективные меры к обеспечению надежной безопасности советских войск. Для восстановления разгромленной шпионской сети противнику, несомненно, потребовались годы. Армейские чекисты получили возможность действовать еще более прицельно и наступательно, своевременно упреждать возможные нежелательные последствия. Их вклад в проведение операции был весомым и значимым».

Некто Иванов

«Господа! Предлагаю свои услуги по обеспечению Вас и Вашего руководства секретной, совершенно секретной и предназначенной для ограниченного круга лиц информацией, касающейся деятельности центральных органов Министерства обороны, КГБ и МИД СССР. Обладаю широким кругом информационных знакомств...

Я четко представляю то, что Вы вправе считать это письмо провокацией и потому...

Призываю Вас самым серьезным образом отнестись к моему предложению, ибо сознательно иду на этот шаг. Последние случаи провалов Вашей агентуры в центральных аппаратах заставляют задуматься о качестве и подготовке проведения Вами оперативно-разведывательных мероприятий.

В случае принятия Вами решения работать со мной очень прошу тщательно спланировать операцию по выходу на встречу...»

Дальше опешивший администратор ресторана «Советский» уже не мог читать, у него перехватило дыхание. За долгие годы работы он повидал всякого. Загулявшие клиенты теряли кошельки, паспорта, порой собственных жен, а однажды оставили секретные документы. Но чтобы шпионское письмо?! Такого на его памяти еще не случилось. Зарвавшиеся шпионы превратили визитную карточку столицы — ресторан «Советский», где отдыхали идейно выдержанные и политически зрелые строители развитого социализма, в отхожее место для обделки своих грязных делишек.

Растерянный взгляд администратора метался между виновато переминавшимся швейцаром, притащившим (будь

трижды неладен) злополучный кейс, и коробкой из-под сигарет «Мальборо». В душе он уже не раз проклял себя за то, что черт его дернул открыть ее. Вместо сигарет на стол вывалилась эта проклятая шпионская писулька, которая раскаленным углем жгла ему руку.

Отшвырнув ее в сторону, он принялся лихорадочно дергать ящики письменного стола. Среди кипы бумаг нашел пожелтевший от времени листок и дрожащим пальцем набрал номер телефона. После долгой паузы в трубке что-то щелкнуло, и тишину кабинета нарушил властный, с легким металлом голос. Глотая слова, администратор пытался зачитать шпионскую записку. Загадочный собеседник, не дослушав до конца, перебил и потребовал: «Оставить все как есть! Держать язык за зубами! И дожидаться моего приезда!»

В тот же день записка и кейс перешли в руки контрразведчиков. Предварительное изучение ее содержания говорило о том, что написана она не человеком с улицы и не сумасшедшим. Ряд косвенных признаков указывал на то, что он имел прямой доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, а использование специфической терминологии, которая характерна для лексики сотрудников спецслужб, говорило о том, что аноним являлся выходцем либо из КГБ, либо из ГРУ.

Прошло еще какое-то время, и контрразведчикам удалось выжать из того, что попало в руки, фамилию автора анонимного обращения к иностранной спецслужбе. Им оказался некто Иванов.

Таковых в одной Москве проживало несколько тысяч человек. Однако это не остановило сотрудников 3-го Главного управления КГБ СССР и УКГБ по городу Москве и Московской области. В результате кропотливой работы они сумели сузить круг подозреваемых до одного десятка. К августу 1981 года с большой долей уверенности уже можно было говорить о том, что автором «шпионского» обращения являлся не кто иной, как сотрудник центрального аппарата ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил старший лейтенант Александр Васильевич Иванов. Это

подтверждалось данными сравнительной графологической экспертизы, проведенной специалистами криминалистической лаборатории Центрального научно-исследовательского института специальных исследований Оперативно-технического управления (ЦНИИСИ ОТУ) КГБ СССР.

Теперь оперативникам предстояло ответить на ряд ключевых вопросов. Приняли ли американские спецслужбы предложение Иванова? Перешел ли он от слов к делу? Какой нанес ущерб военной разведке? И как минимизировать потери для военной разведки? Ответы на них предстояло найти руководителю одного из ведущих отделов военной контрразведки полковнику Михаилу Кудряшову, его заместителю полковнику Алексею Молякову, подполковнику Анатолию Терещенко и другим сотрудникам 3-го Главного управления КГБ, привлеченным к операции.

Первое, что они сделали, так это постарались выяснить, что же могло подтолкнуть молодого офицера, выросшего в благополучной, материально обеспеченной семье и имеющего хорошую перспективу служебного роста, к совершению тяжкого преступления — измене родине. Видимых причин к тому не имелось. Воспитывался Иванов в семье фронтовика, где царил культ армии. Детство и юность прошли под впечатлением рассказов о войне отца и его боевого товарища, прославленного маршала. Поэтому будущее юного Иванова было предопределено — ему предстояло стать офицером!

После окончания школы он без особого труда поступил в Военный институт иностранных языков. Учеба и поведение «блатного» курсанта доставляли больше хлопот не столько ему, сколько преподавателям. Тень маршала надежно оберегала Иванова от праведного гнева начальников, которые, скрипя зубами, терпели его далеко не детские шалости. А он словно играючи плыл по течению жизни, и казалось, что удача и успех сами валились ему в руки. На старшем курсе Иванов выгодно женился. Супруга оказалась дочерью полковника, и не просто «окопного» полковника, а полковника из центрального аппарата ГРУ.

К моменту выпуска из института у новоиспеченного лейтенанта Иванова имелся полный «джентльменский набор»: жена, хоть и не красавица, но зато папа с положением; квартира в Москве и зеленая улица к высоким должностям, которую обеспечивало магическое слово «маршал». В этом его движении не было остановок. По окончании института он тут же был направлен на спецкурсы ГРУ и после оперативной переподготовки в 1979 году получил назначение в аппарат военного атташе при советском посольстве в Болгарии. Определяющую роль в этом сыграли не столько способности, которые у него, несомненно, имелись, а солидная протекция. Да еще какая! Уважаемый маршал и старый фронтовой товарищ отца в очередной раз пошевелил пальцем, и вопрос был тут же решен. Разведчик, «не нюхавший пороха», сразу же оказался на должности помощника военного атташе. Москву Иванов покидал уверенный в себе и своем радужном будущем.

Слух о прославленном то ли дяде, то ли деде маршале бежал впереди него. В софийском аэропорту молодого лейтенанта и его жену приехал встречать на двух машинах сам начальник аппарата военного атташе полковник Скалов. Широкая улыбка на его лице говорила начинающему разведчику, что заботой и вниманием он не будет обделен. Скалов повелительно мотнул головой, и водитель, сгибаясь под тяжестью чемоданов молодоженов, погрузил их в багажник «волги». Сами они заняли места в машине Скалова. В Софии Ивановых ждала уютная, обставленная новой мебелью квартира. Служба лейтенанта началась не с приема дел у предшественника, а с похода по магазинам.

В тот же вечер среди сотрудников аппарата советского военного атташе в Софии пополз злой и завистливый слухок о том, что их ряды пополнил еще один «сын-засланец», чтобы отбыть «дежурный номер», а затем сесть в руководящее кресло. Сам Иванов при той «крыше», что имелась в Москве, не обращал внимания на злопыхательство «кухаркиных детей» из медвежьих углов — каких-то там нижних тагилов, верхних волочков и богом забытых деревень. Для них и их жен Болгария

и София, вероятно, являлись предметом мечтаний, но только не для него. К его сожалению, до Парижа он не дотянул. Париж ждал других. Папа с тестем были тут бессильны что-либо сделать. Как говорится, у маршала имелись свои дети.

Долго Иванов не грустил. При таком начальнике, как Скалов, ему не пришлось ишачить на службе. Боявшийся не только маршальской, но и собственной тени, тот, не желая портить себе жизнь и наживать лишних врагов, закрывал глаза на работу своего помощника и старался как мог гасить недовольство подчиненных, прорывавшееся порой на партийных собраниях. Иванов, предоставленный самому себе, находился в «свободном поиске» оперативной информации и кандидатов на вербовку.

На светских раутах и во время ритуальных приемов в посольствах, где требовалось твердо знать свой последний стакан и не забывать подлить в бокал другим, чтобы с развязавшегося языка снять разведывательную информацию, он чувствовал себя как рыба в воде. Для рутины, черновой работы годились другие, «ломовые лошадки» — ротные старлеи и капитаны.

София — это, конечно, не Париж. Однако Иванов и здесь нашел для себя благодатное, но далеко не разведывательное поле. Легкий и приятный в общении, щедрый и хлебосольный за столом, тем более за казенный счет, он, после того как жена уехала рожать в Москву, быстро нашел таких же, как сам, ловеласов. Информация, получаемая от них, с большим трудом тянула на разведывательную. Ее можно было отнести скорее к слухам и сплетням, распространявшимся около высшей политической тусовки, но Скалов молча принимал его докладные. Прошло время. Иванов вскоре перестал заниматься даже сбором сплетен тусовок.

Пришедшего на смену Скалову генерал-майора Кизякова мало интересовали оперативные комбинации и разведывательные операции. Он специализировался на комбинациях иного направления. Бывший выпускник института физкультуры оказался в рядах военных разведчиков не потому, что обладал выдающимися способностями, которым мог позавидовать

хваленый Бонд, а исключительно по протекции. В отличие от возможных будущих зорге, убывших в Монголию, его тесть, большой партийный босс, вместо тесного и пропахшего потом спортзала нашел ему место получше.

На посту военного атташе в Болгарии генерала Кизякова больше занимало состояние собственного кармана, а также то, как бы лучше ублажить начальников в Москве. Основными объектами его устремлений стали столичные магазины и антикварные лавки. В лице Иванова он нашел достойного помощника.

При такой поддержке Иванов быстро пошел вразнос. К тому времени у него окончательно разладились отношения в семье. Мало того что жена после родов отказалась покинуть Москву, так еще доброжелатели накапали о его амурных похождениях в Софии. Не остался в стороне от конфликта и отец оскорбленной дочери. Он смотрел волком на непутевого зятя и грозился сослать его из Софии туда, где Макар телят не пас.

Все это действовало Иванову на нервы. Выход из положения он искал в пьяных загулах и шумных компаниях. О его похождениях были наслышаны в аппарате атташе. Сотрудники с возмущением говорили «о недопустимости подобного образа жизни для советского разведчика» не только на партийных собраниях, но и во время служебных совещаний. Кизяков, не желая выносить сор из избы, старался как мог гасить волну недовольства и с нетерпением ждал окончания срока командировки Иванова, но так и не дождался. Тот в конце концов сорвался и подложил большую свинью не только себе, но и Кизякову.

В очередной раз под предлогом налаживания оперативно значимых контактов Иванов отправился на встречу. На загородной даче собралась веселая компания сынков болгарских партийных боссов. Вино лилось рекой, столы ломились от закусок, а глаза разбегались от соблазнительного вида пышногрудых и длинноногих красавиц. На одну из них Иванов положил глаз. Через несколько минут разговора они были уже на короткой ноге. Весь вечер и ночь он провел с ней. Его привлекли не столько ее женские прелести, сколько возможность

добиться очередной победы на женском фронте над внучкой видного политического деятеля Болгарии.

Победа вышла ему боком. Подвели Иванова собственный язык и не дремавшая болгарская контрразведка. О ней узнали не только в аппарате атташе, но и на самом верху в Москве. Советские партийные боссы разразились громами и молниями. Иванов позволил себе неслыханную дерзость: без санкции руководства покусился на святое партийное наследие братской партии!

Кара последовала незамедлительно. Из аппарата военного атташе Иванов вылетел, как пробка из бутылки шампанского. На сборы ему дали 24 часа.

В Москве Иванова назначили на тупиковую должность — перебирать бумажки и чахнуть до пенсии в информационном подразделении центрального аппарата ГРУ. В довершение ко всему жена и рассвирепевший тесть не желали больше видеть блудного зятя и не пустили даже на порог. Потеряв семью, а вместе с ней и дом, Иванов вынужден был скитаться по съемным квартирам.

По вечерам он возвращался в свой холостяцкий угол и от тоски готов был выть на стены. От него отвернулись все. Надеяться было не на кого. Маршал приказал навсегда забыть о нем. Накопившуюся горечь и обиду Иванов топил в стакане. О статье «оперативные расходы», на которые государство не скупилось для разведчиков, чтобы они добывали ценную информацию, и которые он раньше, не стесняясь, пускал на себя, пришлось забыть. Теперь ему оставалось только кусать себе локти.

Тем временем и сама жизнь в Москве становилась не сахар. Генсек ЦК КПСС Л. Брежнев, в начале своего правления попытавшийся навести глянец на изрядно потускневший облик грядущего коммунизма, вскоре утомился и, как говорится, «лег на должность». Наступила эпоха застоя.

Страна вместе с дряхлеющим генсеком и Политбюро ЦК КПСС все глубже погружалось в болото всеобщего дефицита. Власть коммунистической партии трансформировалась во

власть ее гигантского аппарата. Окрепнув и осознав свою силу, этот административный монстр, поглядывавший за «бугор» и в глубине души завидовавший жизни чиновников на Западе, принялся исподволь мостить себе мостик в счастливое капиталистическое будущее.

В дремучей сибирской тайге последние романтики продолжали еще прокладывать БАМ — эту магистральную дорогу в коммунизм, а в Кремле потерявший всякое чувство реальности генсек едва успевал принимать одну награду за другой. И хотя от них за версту несло запахом самой настоящей «липы», ореол величия все сильнее кружил ему голову. И чем тяжелее становился иконостас на груди Брежнева, тем скуднее выглядели прилавки магазинов. Магическое слово «дефицит» стало в эпоху застоя главным движущим стимулом в установлении деловых отношений с нужными людьми. В то время, когда основная часть населения страны стояла в бесконечных очередях, вожди и номенклатурные работники купались в вызывающей роскоши.

Окончательно выжившее из ума Политбюро ЦК КПСС неумолимо приближалось к своей интеллектуальной и физической смерти. Вместе с ним стремительно разлагался партийно-бюрократический аппарат. Не стали исключением и органы государственной безопасности, все более скатывавшиеся с позиций защиты государства к обслуживанию личных, групповых и корыстных интересов крупных и мелких партийных деятелей. Метастазы идейного и духовного разложения поражали карьеристов и так называемых блатников, оказавшихся на службе по протекции или благодаря наличию высокопоставленного родственника. Конец 70-х и начало 80-х годов ознаменовались для отечественных спецслужб небывалым ростом предательства в их рядах.

Все это происходило на глазах Иванова, теперь уже рядового обывателя. Разведчик так и не получился из него. Привычка пускать пыль в глаза знакомым и кружить головы барышням стала второй его натурой. Денег на это катастрофически не хватало. В последнее время он терзался одной и той же навяз-

чивой мыслью: где их взять? Когда она пришла ему в голову: в конце апреля или в мае 1981 года? Собственно, это уже не имело значения. Мысль о продаже американской разведке секретных сведений засела в его больном сознании подобно занозе. С ней он ложился спать и с ней просыпался.

Первая попытка Иванова выйти на контакт с американцами в Москве провалилась самым нелепым образом. В тот день, 2 июня 1981 года, подрагивающей рукой он наконец решился вывести на листе бумаги то, что грозило ему смертным приговором. Но желание заполучить деньги оказалось сильнее страха. Та сладкая и безалаберная жизнь, которой он жил в последние годы, подобно наркотику убила в нем инстинкт самосохранения и сделала заложником своих низменных страстей и непомерных потребностей.

Прошел день, за ним другой. А он все не решался пустить в ход записку. Судьба словно предостерегала и пыталась остановить его от этого рокового шага. Утром, после очередного загула, Иванов стал собираться на службу с гудящей от перепоя головой. Рука автоматически потянулась в угол коридора, где обычно стоял кейс. В следующее мгновение хмель сняло как рукой. От ужаса в нем все помертвело. Кейса нет! А там, в коробке из-под сигарет, лежала записка с предложением своих услуг американской разведке!

Когда? Как это произошло? Все еще не веря в пропажу записки, он лихорадочно выворачивал карманы, заглядывал во все углы, перебрал мусор, но так и не обнаружил ее.

На негнущихся ногах Иванов спустился в подъезд и уже не помнил, как добрался на службу. Но за работу так и не смог взяться. Из рук валилось все. Он прислушивался к тому, что происходило за дверью кабинета, и вздрагивал от каждого шороха шагов в коридоре. В голове пульсировала только одна мысль: когда заберут? когда?

Рабочий день, которому, как ему казалось, никогда не будет конца, завершился буднично. Оживленный гул голосов вывел Иванова из простратии. Панический, не оставлявший ни на

секунду страх гнал его домой. Там, запершись на замок, он напился в стельку и забылся в кошмарном сне. Наступил новый день. За окном деловито гудела Москва. Из соседней квартиры доносился шум семейной перебранки. На лестничной площадке царила сонная, тусклая тишина. За ним никто не собирался приходиться и арестовывать.

Прошел месяц. Иванов подумал, что все обошлось. Жизнь и служба тяготно тянулись опостылевшим чередом. Холодного дыхания контрразведки в свой затылок он не ощущал и, отбросив последние сомнения, решил повторить попытку. Но где и как, чтобы не засветиться?

Летняя жара сама определила наиболее подходящее место — дипломатический пляж у поселка Николина Гора. В те июльские дни там негде было яблоку упасть. Белые, розовые и шоколадные тела плескались в теплой, словно парное молоко, воде, а потом, спасаясь от палящего солнца, набивались как сельди в бочке под деревянные грибки и навесы.

В том столпотворении, что творилось на берегу и у летних торговых палаток, смешались все и все. И, как полагал Иванов, чтобы отследить его в такой толчее, Лубянке понадобилось бы выйти на пляж в полном составе. А с учетом дикого дефицита на плавки эта задача была практически невыполнима.

26 июля 1981 года Иванов в теплой компании приятелей выбрался на дипломатический пляж. Те даже не подозревали, что им предстояло сыграть роль массовки в задуманном им шпионском спектакле. В то время, когда они беззаботно купались, а потом с аппетитом уплетали сочный шашлык и пили прохладное вино, сам Иванов не спускал глаз с машины с дипломатическим номером и ее хозяина.

Приятели, разгоряченные выпитым, в очередной раз полезли в воду. Иванов, воспользовавшись моментом, быстро набросал записку для американского дипломата. Ее содержание коротко повторяло предыдущую, утерянную у ресторана «Советский». В ней он писал, что является офицером Генерального штаба Вооруженных сил СССР, ранее работал

в аппарате военного атташе при советском посольстве. На протокольных мероприятиях встречался с военным атташе США. В настоящее время нуждается в деньгах и потому предлагает свое сотрудничество.

И когда рука поставила последнюю точку, он, осмотревшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, расслабленной походкой подошел к американскому дипломату. Это был советник экономического отдела посольства США в Москве Питер Сэмлер. Незаметно сунув ему записку, Иванов коротко бросил: «Буду ждать ответа на этом же месте 1 и 2 августа».

Минула неделя. Иванов снова появился на пляже с очередными статистами. Они, по его замыслу, должны были создавать благоприятный фон для контакта с американцами, а в случае слезки — отвлечь на себя ее внимание. Сэмлер не заставил себя ждать. На встречу он приехал не один, а с кадровым разведчиком Дэннисом Макмэхеном, специализирующимся на вербовках.

Поставив машину на стоянку, они спустились к пляжу и расположились под тентом. Иванов оценил этот тактический ход разведчиков. Полог не столько защищал от солнца, сколько от контрразведки — затруднял ей наблюдение и фотографирование.

Время шло. Жара, пустая болтовня неумолкающих приятельниц, страдавших зверским аппетитом, а еще больше тающие в кармане деньги, которые с таким трудом удалось наскрести, вызывали в душе Иванова раздражение и злость на них и американцев. Те будто не замечали его, отлеживались в тени и лениво потягивали колу. Потеряв терпение, он сам направился к ним.

Сэмлер издали заметил знакомого «изменника на месте» (так на жаргоне американской разведки называются лица, инициативно предлагающие ей свои шпионские услуги), но не подал виду. Когда Иванов оказался в нескольких шагах от дипломатов, Сэмлер скосил взгляд на своего спутника.

Макмэхен отошел в сторону. Иванов последовал за ним. Представившись Володей, американский разведчик коротко пояснил, что предложение о сотрудничестве принято, передал

спрятанную в спичечном коробке инструкцию по связи, и на том они разошлись, но ненадолго.

Через некоторое время Макмэхен появился рядом с компанией Иванова. Его вопрос: «Который час?» — тот понял правильно. Он сообразил, что американец хочет сообщить ему что-то дополнительно и, улучшив момент, отлучился от компании.

В ходе второго контакте Макмэхен назвал время и место конспиративной явки. Она должна была состояться 9 августа в 16 часов 30 минут на условном месте «Дыб» — в лесопарке, вблизи улицы Дыбенко. В тот день между ними произошла еще одна моментальная встреча у торговой палатки: Макмэхен предложил Иванову первое вознаграждение, чтобы покрыть его долг. Тот отказался. Осторожность взяла верх над корыстью.

Возвратившись на квартиру, Иванов изучил материалы, полученные от американской разведки. Из них следовало, что ее интересовали обстоятельства провала своего агента, бывшего сотрудника МИД Огородника, функциональные обязанности самого Иванова и наличие у него возможностей получения совершенно секретной информации, в том числе и по разведывательным операциям, проводимым ГРУ. К инструкции и графику связи, который предусматривал регулярные контакты до декабря 1981 года, прилагалось подробное описание мест предстоящих встреч. В ней предусматривался и запасной вариант. На тот случай, если на явку придет не Макмэхен, а другой сотрудник резидентуры ЦРУ, Иванову давался пароль и опознавательный знак.

Накануне предстоящей встречи в условном месте «Дыб» Иванов предварительно провел его разведку и остался доволен. Вести наблюдение за ним незаметно для разведчиков наружного наблюдения КГБ было бы весьма непросто.

Придя домой, Иванов написал свой первый шпионский отчетом и, предвкушая будущий денежный куш, лег спать.

9 августа в 16.30 Иванов появился в обусловленном месте «Дыб». Густой кустарник лесопарка, как ему казалось, надежно

закрывал от наблюдения контрразведки. Минута в минуту на повороте аллеи появился Макмэхен. Держался американец спокойно, так как был уверен в том, что на явку с агентом не притащил «хвоста». Это подтверждала разведка наружного наблюдения посольской резидентуры ЦРУ. Русская контрразведка никак не обнаружила себя ни на маршруте его выдвижения к месту явки, ни в эфире.

Встреча Макмэхена с Ивановым длилась около получаса. В ходе встречи они обсудили результаты выполнения первого задания, определили направления следующей работы. По окончании явки обменялись пакетами. Иванов передал Макмэхену две свои фотографии для пополнения агентурной картотеки ЦРУ и собранные шпионские материалы. Макмэхен вручил ему пять тысяч рублей, а также изготовленные на быстрорастворимой бумаге новые инструкции, касавшиеся дальнейшего сотрудничества. В случае провала предателю не пришлось бы мучиться, ее глотая. На прощание Макмэхен напомнил Иванову, что большинство агентов провалилось по причине своей непомерной расточительности, и рекомендовал быть более скромным в расходах, чтобы не привлекать внимания контрразведки. Следующую встречу они договорились провести на этом же месте 23 августа.

Но ни в тот день, ни на очередную, предусмотренную расписанием сеансов связи явку 17 сентября никто из американской резидентуры не пришел. Иванов особенно не горевал. В кармане находились огромные по тем временам деньги, и он, наплевав на предупреждение Макмэхена, пустился во все тяжкие. Московских ресторанов ему показалось мало, и он вместе с компанией рванул оттянуться в Крым.

За неделю отдыха он просадил годовую зарплату генерала. Местные таксисты и официанты самых престижных ресторанов надолго запомнили разбитную компанию, щедро сорившую деньгами. В Москву Иванов возвратился в приподнятом настроении. Теперь его не очень волновала загубленная карьера в ГРУ; он рассчитывал сделать ее в ЦРУ. Злая шутка «ЦРУ — вон

из ГРУ!», бродившая по коридорам «конторы», вызвала на его лице лишь кривую ухмылку. Жизнь, как ему тогда представлялось, снова засверкала всеми цветами радуги.

На очередную встречу с Макмэхеном 27 сентября Иванов взял с собой новый блок шпионской информации, а также приложение к нему: детальное описание подходов к своему дому, маршрутов передвижения по Москве и наиболее часто посещаемых мест. Все это говорило о том, что американская разведка готовилась перевести контакты с ним на строго конспиративную основу — путем обмена информацией через тайник.

Встречу двух шпионов никак нельзя было назвать дружеской. Иванов, поиздежавшийся во время поездки в Крым, требовал денег, а Макмэхен нудно твердил старую песню: швыряние деньгами сгубило не одного разведчика. На этот раз свои тридцать сребреников шпиону так и не удалось получить.

Явку он покидал с подарком «американского друга» — дорожной сумкой. В ней находились фотоаппарат типа «Минокс» для съемки секретных документов, десять кассет к нему с фотопленкой на 230 кадров, письмо-прикрытие с нью-йоркским адресом на конверте, инструкция по составлению тайнописных сообщений и шариковая ручка «Союз». Ручка оказалась непростой. Внутри ее была искусно спрятана специальная пленка с планом конспиративной связи. Им предусматривалось, что в случае перевода Иванова к новому месту службы и отсутствия возможности прибыть на явку он должен был дать условный сигнал путем постановки специальной метки в виде буквы «Х», исполненной красной губной помадой на доме № 13 по Ленинскому проспекту.

Макмэхен словно смотрел в воду, когда инструктировал Иванова по этому последнему пункту связи. Гроном среди ясного неба прозвучал для шпиона приказ о его направлении для прохождения дальнейшей службы в Дальневосточный военный округ, прозванный армейскими остряками как «Дальше водится омуль». Он срочно ринулся на явку, и не затем, чтобы

получить последние инструкции перед отъездом, а попытаться выбить из американской разведки лишнюю тысячу рублей.

Встреча состоялась не в самом лучшем для шпионов месте — в районе Даниловского кладбища. На нее пришел Макмэхен, но не один, а с женой, которая осуществляла контр-наблюдение. В тот момент они не подозревали, что это была их последняя явка. Контрразведка тихо и незаметно подводила под них свою сеть. Покидал ее Иванов с новыми инструкциями и тощим кошельком, американская разведка не стала сорить деньгами.

Сборы у холостяка Иванова не заняли много времени, как говорится, подпоясался и вперед. Перед тем как отправиться в дорогу, он решил провериться и оставить с носом возможный контрразведывательный «хвост». Билет на поезд Москва — Владивосток им так и не был использован. 2 ноября 1981 года Иванов неожиданно появился в аэропорту Домодедово, прошел регистрацию и направился к самолету.

Нестройная очередь пассажиров медленно продвигалась к трапу. Иванов ступил на ступеньку и подал билет стюардессе. Но тут произошла заминка. Она обнаружила отсутствие на билете необходимой отметки. Оказавшийся поблизости помощник дежурного военного коменданта вызвался уладить недоразумение. Вместе с ним Иванов возвратился в здание аэровокзала и прошел в комнату дежурного. Там его встретили четверо немногословных, с суровыми лицами сотрудников аэропорта. Он понял все, но уже ничего не мог поделать с прихваченным шпионским снаряжением.

Предположение полковника Алексея Молякова, что Иванов прихватит с собой то, что ему передал на последней явке Макмэхен, оправдалось. При обыске в кармане его кителя были обнаружены: инструкция по шифровке информации; кодовые таблицы; письмо о способах и условиях связи с американской разведкой. Иванов быстро сообразил, что шпионская игра закончилась, и, спасаясь от расстрельной статьи, попытался вытащить себя из той петли предательства, в которую загнал

себя сам. Тут же, в аэропорту, он написал покаянное заявление и предложил свои услуги теперь уже «в борьбе с американской разведкой».

В оперативном штабе операции, взвесив все «за» и «против», решили начать свою игру с ЦРУ. Арест Иванова прошел конспиративно, о его задержании никто из родственников не знал. Все они считали, что он набирается ума на Дальнем Востоке. Поэтому перспектива вычислить других сотрудников резидентуры ЦРУ, помимо Макмэхена, скрывавшихся под дипломатическим прикрытием, и подпитывать их тонкой дезинформацией, выглядела весьма реальной. В техническом плане особых трудностей она не вызывала, проблема заключалась в самом Иванове, в его готовности без срывов сыграть свою новую роль.

Анализ собранных на него данных убеждал контрразведчиков в том, что игра стоила свеч. Он, ловелас, кутила, бабник, шпион, все же не был законченным негодяем. Контрразведчики смогли найти в нем то положительное, что позволило начать игру с американской разведкой. Но это потребовало немалых организационных усилий и смекалки, чтобы усыпить бдительность резидентуры ЦРУ, которая более чем вероятно отслеживал своего агента. Недаром перед этим она получила у Иванова самую подробную информацию о местах проведения досуга и маршрутах движения по Москве.

Предложение Кудряшова и Молякова нашло поддержку у руководства 3-го Главного управления и затем было утверждено председателем КГБ. Операция советских контрразведчиков бумерангом возвращалась к ЦРУ. В то время, когда Иванов, находившийся в камере Лефортовской тюрьмы, давал показания следователю, из удаленного гарнизона Дальневосточного военного округа на его московский адрес и адреса друзей поступали письма, в которых он рассказывал о своей службе. Отрабатывались и другие схемы прикрытия, создававшие у родных и приятелей иллюзию того, что штрафник старательно тянет служебную лямку, чтобы поскорее вернуться в Москву.

Оперативный контроль за Макмэхеном говорил контрразведчикам, что в резидентуре ЦРУ по-прежнему числили Иванова в своих рядах, и тогда они посчитали, что настало их время.

2 марта 1982 года Иванов покинул камеру, вышел в город и поставил сигнальную метку на обусловленном месте — на стене дома № 13 по Ленинскому проспекту. На следующее утро разведчики наружного наблюдения зафиксировали появление вблизи него сотрудника американского посольства. Судя по его поведению, он снял сигнал. В тот же вечер в половине девятого состоялась явка.

На нее пришел не Макмэхен. После обмена паролями Джозеф Макдональд, работавший в посольстве США под прикрытием второго секретаря экономического отдела, приступил к разведопросу Иванова. Тот, придерживаясь линии поведения, отработанной ему контрразведчиками, сообщил Макдональду дезинформацию, а взамен получил 2000 рублей. Судя по сумме, в ЦРУ ценили услуги агентов в зависимости от того, как близко они находились от Москвы и главных секретов. Это подтверждалось и самим заданием. Макдональд, ограничившись общими фразами о продолжении сбора информации, рекомендовал выходить Иванову на связь только после возвращения в Москву.

В сложившейся ситуации в штабе операции посчитали дальнейшую игру с ЦРУ неперспективной и свернули ее. А для шпиона пришло время отвечать по всей строгости закон. На этот раз закон был снисходителен и учел его раскаяние.

В феврале 1983 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев материалы уголовного дела на Иванова Александра Васильевича, признала его виновным в измене Родине в форме шпионажа и приговорила к 10 годам лишения свободы.

«Семейный подряд»

Яркое солнце грело почти по-весеннему. Время приближалось к обеду. Трибуны и площадки элитного теннисного клуба начали пустеть. Лишь на центральном корте еще продолжали звучать хлесткие удары и азартные крики. Соперники «зарубились» по-настоящему и, не жалея себя, пластались по всей площадке. Резаные, подкрученные мячи со свистом пролетали над сеткой. Азартная и бескомпромиссная игра привлекла внимание других теннисистов и праздных зевак. Они потянулись к центральному корту и с живым интересом стали наблюдать за исходом борьбы.

Среди зрителей находился помощник военного атташе при посольстве СССР в Лиссабоне сотрудник резидентуры ГРУ майор Геннадий Сметанин. Но игра его вовсе не интересовала, ему был интересен только игрок — военный атташе посольства США в Португалии полковник Джон Нортон. К нему он присматривался уже не первый день и искал удобный предлог, чтобы вступить в контакт.

Игра закончилась в пользу американца. Болельщики, наградив победителя аплодисментами, потянулись к выходу. Нортон, великодушно похлопав по плечу огорченного соперника, смахнул полотенцем пот с лица и направился к раздевалке. Сметанин посчитал, что более подходящего момента начать с ним разговор не найти. Спустившись с трибуны, он резко прибавил шаг и, поравнявшись с Нортонем, начал разговор с поздравления с победой. Тот благосклонно кивнул головой, а затем цепким взглядом прошелся по поклоннику своего теннисного таланта.

Сметанин решил: если не сейчас, то никогда. Этот монолог он заучил наизусть давно и выпалил его как пулемет. Что является кадровым разведчиком ГРУ. Что готов порвать с то-

талитарной советской системой и продолжить борьбу с ней в рядах американской разведки. Что восхищен западным миром, в котором краски жизни ярче, чем за «железным занавесом», в СССР, и где человек по-настоящему свободен. И когда запас высокопарных слов иссяк, заявил, пряча глаза: готов сотрудничать на условиях предоставления ему политического убежища в США и достойного вознаграждения.

Американский разведчик — стреляный воробей, но от неожиданности он растерялся и в первое мгновение не знал, что ответить: не каждый день к нему обращались с подобными предложениями. В голове вихрем промчались мысли: «Провокация КГБ? Сумасшедший? Или сказочная удача, которая выпадает не каждому разведчику, — ценнейший источник информации сам плывет в руки?!»

Фамилия Сметанин мало что ему говорила. По большому счету тот нигде не засветился перед американской разведкой. И потому опытный, осторожный Нортон решил повременить с ответом. Он предложил «изменнику на месте» встретиться на следующий день в более располагающей обстановке и назвал адрес. Сметанин согласился и, бросив на прощание короткое «О'кей», поспешил затеряться в парке.

Остаток дня и всю ночь его терзали сомнениями, но не по поводу совершенного предательства, а по поводу того, насколько американцы окажутся щедры в оплате предложенных им услуг. Он опасался продешевить, так как слишком много поставил на кон в уже давно задуманной игре.

Когда, в какой именно момент к нему пришло решение порвать с прошлым и начать новую жизнь в «свободном мире»? В мире, где, как полагал Сметанин, с его способностями легко добиться всего: успеха, славы и денег. Когда? Может быть, тогда, в кабинете «политического вождя» будущих военных разведчиков генерал-лейтенанта «Д», которому докладывал о неблагонадежности однокурсников, а потом на партсобраниях клеймил позором отступников? Или позже, во Франции, где их с женой ошеломило изобилие в магазинах? Теперь это не

имело значения. Он ломал голову над тем, как сразу сорвать с американца солидный куш.

Перебрав не один вариант, Сметанин остановился на простом, как ему представлялось, беспроигрышном ходе. Он полагал, что Нортон вряд ли устоит перед искушением вербовки такого ценного источника информации, как помощник военного атташе, и будет вынужден раскошелиться, чтобы погасить его виртуальный игорный долг в 265 тысяч долларов. По убеждению Сметанина, именно такая сумма должна стать начальной ставкой в его игре с американцами.

Теперь, когда, как ему представлялось, все было предусмотрено, пришло время спать. Остаток ночи Сметанин провел в беспокойном сне. На работу пришел с чугунной головой и весь день просидел как на иголках. До выхода на встречу с Нортоном оставалось больше часа. Захлопнув дверь кабинета, он отправился в город и принялся колесить по улицам, чтобы сбить возможную слежку. Сделав последний круг, Сметанин нацелился на адрес.

Впереди показался высокий каменный забор. За ним, в глубине сада, притаился неприметный особнячок. Окинув быстрым взглядом улицу и не заметив ничего подозрительного, он воровато шмыгнул в калитку. Вслед холодно сверкнули зрачки камер видеонаблюдения, и через мгновение на ступеньках крыльца появился Нортон. Встретив Сметанина белозубой улыбкой, он проводил его в свою комнату.

За время, прошедшее после их разговора на теннисном корте, американская разведка успела собрать кое-какой материал на будущего агента. Фактура была обнадеживающей, и Нортон не стал откладывать дела в долгий ящик. После общих фраз о настроении и здоровье он со знанием дела принялся опрашивать Сметанина по резидентуре ГРУ и обстановке в советском посольстве. Тот было заикнулся о своем «игорном долге в 265 тысяч долларов», но американец решительно отмел эту заявку, заявив: «Сначала — товар, потом — деньги». На том они и разошлись, договорившись встретиться через неделю.

Встреча состоялась 1 марта 1984 года, и здесь Сметанин ожидал болезненный и неприятный для самолюбия сюрприз. Помимо Нортон на нее пожаловали еще два немногословных субъекта; как оказалось, это были специалисты-психологи. В ЦРУ, опасаясь возможной подставы советских спецслужб, предложили будущему агенту пройти проверку на полиграфе. Жажда денег оказалась сильнее уязвленного самолюбия, и Сметанин вынужден был согласиться. Компенсацией за унижение и выданную им информацию по резидентуре ГРУ послужил увесистый пакет. В нем находились 265 тысяч долларов. Окончательно «шпионский союз» закрепила подписка, которую Сметанин дал американской разведке:

«Я, Сметанин Геннадий Александрович, получил от американского правительства 265 тысяч долларов, в чем расписываюсь, и обещаю ему помочь».

В агентурную картотеку ЦРУ он был занесен под многообещающим псевдонимом Сом. Видимо, американская разведка с помощью такого крупного хищника-шпиона, каковым являлся помощник военного атташе, рассчитывала выловить немало секретов.

Дома Сметанин не удержался и несколько раз пересчитал свалившееся на него сказочное богатство, а потом метался по квартире, не зная, куда его спрятать, пока не остановился на платяном шкафу. Долго незамеченными деньги не пролежали, жена их обнаружила. Объяснение между супругами было коротким. Послушная ему во всем, она согласилась с тем, что доллары послужат им стартовым капиталом для будущей счастливой жизни на Западе. Сметанин, уверенный в своей исключительности, заверил жену, что быстро пробьется наверх. По его словам, им уже собран материал для книги, которая должна взорвать читающую публику разоблачениями о деятельности ГРУ и КГБ и принести целое состояние. Закончился разговор между супругами согласием жены помогать мужу в его шпионских делах.

Однако одного этого Сметанину, вероятно, показалось мало. Он, то ли страхуясь от собственной супруги, то ли рассчитывая выжать из Нортоня лишнюю тысячу долларов, на очередную явку с ЦРУ отправился вместе с ней. Неожиданное появление на пороге семейной пары немало озадачило по-видавшего всякого на своем шпионском веку американского разведчика. Взвесив все «за» и «против», Нортон согласился с предложением Сметаниных.

С 4 марта 1984 года теперь уже семейный «шпионский подряд» заработал с удвоенной энергией. Муж сдавал ЦРУ своих коллег по резидентуре ГРУ, а жена, пользуясь теми возможностями, которые у нее открылись после перевода в консульский отдел посольства, копировала секретные документы и передавала их ему. Тяжесть встреч с Нортонем и получение у него «зарплаты» Сметанин взял на себя.

Так продолжалась до лета 1985 года. К тому времени обстановка в резидентуре накалилась. Участившиеся провалы агентуры встревожили руководство ГРУ и контрразведки. Режим работы сотрудников португальской резидентуры ужесточился. Сметанин занервничал. На явках с Нортонем он упрекал его в поспешности при нейтрализации агентов резидентуры и настаивал на своем скорейшем уходе на Запад. Тот уже не стелил так гладко, как прежде, а требовал продолжения работы и новой информации. Сметанины, по горло увязшие в шпионаже, вынуждены были отрабатывать свой будущий уход на Запад. Они требовались американской разведке до тех пор, пока снабжали ее информацией. Поэтому она с ними не церемонилась.

Накануне отъезда в отпуск в Москву на очередную просьбу Сметанина рассмотреть вопрос об уходе его семьи на Запад Нортон в резкой форме отрезал: «Делайте то, что вам говорят! Вы нам нужны в центральном аппарате ГРУ для выполнения ответственных заданий».

И Сметанину ничего другого не оставалось, как подчиниться. Другую его просьбу принять на временное хранение накопленные шпионские сбережения — 270 тысяч долларов

Нортон охотно исполнил и не остался в «долгу». После встречи с ним Сметанин унес с собой ампулу с мгновенно действующим ядом, инструкции по организации связи и портативный приемник «Сони» для приема односторонних радиопередач американского разведцентра на тот случай, если его оставят служить в Москве.

16 августа 1985 года Сметанины вылетели в Москву. Там их с нетерпением ждали не только родственники. Участвовавшие провалы агентуры в португальской резидентуре ГРУ и бесследное исчезновение некоторых из них стали головной болью не только у его руководства, но и у контрразведчиков. В 3-м Главном управлении КГБ СССР в целях выяснения причин была создана оперативная группа. Ее возглавил опытный профессионал и настоящий охотник на шпионов начальник одного из ведущих отделов полковник Алексей Алексеевич Моляков. Под стать ему были и другие участники группы: полковник С. Безрученков, подполковник Н. Михайлюков и полковник А. Терещенко.

Предварительный анализ имевшейся оперативной информации оказался неутешительным. Как бы ни было горько осознавать, но Алексей Алексеевич и его коллеги пришли к единому мнению: провалы в резидентуре являлись не результатом эффективной работы португальской контрразведки или личной неосторожности самих агентов, а следствием прямого предательства. Более того, за провалами угадывалась хорошо знакомая рука американской спецслужбы. А вот кем она управляла, на этот вопрос военным контрразведчикам предстояло найти ответ.

То, что предатель действовал внутри резидентуры, у таких профессионалов, каковыми являлись Алексей Моляков и его коллеги, это сомнений не вызывало. Но кто он? И как выйти на него, если в руках нет ни малейшей зацепки? С чего начинать? Весь предыдущий опыт разоблачения шпионов подсказывал контрразведчикам безотказный признак предательства. Все перевертыши, даже самые осторожные и предусмотрительные,

не могли долго, подобно Кощею Бессмертному, чахнуть на груди злата. Рано или поздно они начинали жировать и шиковать на свои тридцать сребреников. Через эту призму контрразведчики и пытались взглянуть на личную жизнь сотрудников резидентуры ГРУ. И появились первые результаты.

7 ноября 1984 года на торжественном приеме, устроенном в посольстве СССР в Лиссабоне по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, молодая, привлекательная Наталья Сметанина сверкала, словно рождественская елка, украшенная бриллиантовым колье и браслетом, которые на одну майорскую зарплату мужа было не купить. Злые языки не обошли вниманием этот ее выход в свет, и весь вечер посольские дамы шушукались, обсуждая между собой вырядившуюся «зеленую выскочку». Сам Сметанин, поигрывая желваками на скулах, с трудом дождался окончания приема и потом в квартире устроил жене скандал.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод не остался без внимания контрразведчиков. Они принялись глубже изучать личное дело Сметанина. В нем на первый взгляд было все гладко.

Во время учебы в Киевском высшем военном общевойсковом командном училище командиры и преподаватели Сметанина отмечали, что среди курсантов он выделялся своей усидчивостью и стремлением быть лучшим. Нарушений воинской дисциплины не допускал. Являлся примером в учебе и службе.

Подобные оценки были и в аттестации Сметанина за 1981 год. В ней выпускник Военно-дипломатической академии (ВДА) ГРУ Генерального штаба характеризовался так:

«Идейно убежденный. Хорошо подготовлен в идеологическом плане... Подготовлен для активного противодействия пропаганде, оппортунистической идеологии буржуазного образа жизни... Учился в основном на отлично. Честен и правдив... Вел активную общественную работу. Избирался секретарем партийной организации группы. Твердо проводил в жизнь линию КПСС...»

С такой характеристикой Сметанин смело мог составить компанию членам Политбюро ЦК КПСС. И все-таки опытный взгляд контрразведчиков зацепился за ряд штрихов в его безупречной репутации. В глаза бросалось стремительное продвижение Сметанина по наиболее благоприятным с точки зрения бытовых условий участкам оперативной работы. Первым из них стала Франция. С 1974 по 1977 год он прослужил в составе парижской резидентуры. Несмотря на то что ничем особенным себя не проявил, по окончании командировки был тут же зачислен в ВДА.

Похоже, чья-то очень властная рука двигала Сметанина по служебной лестнице. И здесь контрразведчики не ошиблись. Этой «рукой» оказался крупный политический деятель от разведки — генерал-лейтенант «Д». Позже выяснилось, что та же рука правила выпускную аттестацию Сметанина. Чем так приглянулся ему, генералу, простой капитан? Родственных связей между ними не просматривалось. И тогда контрразведчики, не поднимая лишнего шума, прошлись по связям Сметанина среди сокурсников по ВДА.

В беседах с ними Сметанин открылся им с иной стороны, совершенно не похожей на парадно-бумажную «иконопись». Одна только кличка Гнус, которую ему дали однокашники по академии, уже сама по себе говорила о многом. Умение тонко польстить, «правильно» выступить на партийном собрании и «твердо провести в жизнь линию партии», то есть политического управления, где Сметанин старательно протирал штаны, кроме презрения, ничего другого у сокурсников не вызывало.

Зато это высоко оценил генерал «Д» и взял Сметанина под свою опеку. Это он ранее, в 1977 году, пробил ему место в парижской резидентуре ГРУ, а позже, по окончании ВДА, должность помощника военного атташе при посольстве СССР в Лиссабоне. Сметанин оказался единственным из учебной группы, кто был сразу направлен в Оперативное управление ГРУ для подготовки к выезду на португальский участок.

В августе 1982 года семья Сметаниных отправилась в Португалию. Приняв у предшественника агентуру на связь, он принялся дальше «распахивать разведывательное поле», но, как и прежде во Франции, особыми результатами похвастаться не мог. Но они, собственно, и не интересовали контрразведчиков. Алексей Моляков и его коллеги пытались посмотреть на Сметанина с другой стороны. Они искали в его поведении те штрихи, которые при внимательном рассмотрении позволяют разглядеть за маской добропорядочного гражданина «шпионское мурло». Их терпение и настойчивость увенчались успехом.

Штрих за штрихом перед ними все отчетливее стал проступать подлинный портрет, портрет изменника. Так, вскоре по приезду в Лиссабон Сметанин вместе женой занялся изучением английского языка на платных курсах. По службе ему, а тем более ей это не требовалось. Внимание контрразведчиков привлек и другой не менее интересный факт.

Сметанин, по характеру скряга, вдруг воспылал любовью к большому теннису. Но вместо того, чтобы учиться держать ракетку в руках где-нибудь на заднем дворе, он сразу полез в компанию к мастерам и добился разрешения у военного атташе брать уроки на самом дорогом платном корте. Внимательный взгляд на ту публику, что собиралась там, многое сказал Алексею Молякову. На тамошних теннисистах, как говорится, негде было ставить клейма. Каждый второй играл на этом корте в свои шпионские игры. От обилия резидентов американской, британской и других разведок рябило в глазах.

И в то время, когда Сметанин транжирил семейный бюджет, его супруга попросила о своем переводе с должности коменданта на нижеоплачиваемую должность секретаря-машинистки консульского отдела. Что за всем этим крылось, контрразведчики могли лишь догадываться. Напрашивалась версия о том, что таким образом Сметанины рассчитывали получить прямой доступ к документам, в том числе и секретного характера, а за них любая разведка платила вдвойне.

Подозрения о возможной их шпионской деятельности усилил еще один факт. За время пребывания в Лиссабоне Сметанины так и не сошлись близко с кем-либо из сотрудников посольства. Его снобизм и ее холодность отталкивали окружающих от них. И вдруг в конце 1984 года они воспылали дружбой к семье радиста-шифровальщика «Ж». А чтобы прочнее ее закрепить, супруги Сметанины пригласили «Ж» и его супругу в ресторан.

Прохладный осенний вечер будоражил аппетит. Сметанины щедро прошлись по меню, а когда все было выпито и съедено, Сметанин предложил «Ж» отправить жен домой, а самим «взять на грудь пивка для рывка». Тот охотно согласился. И в первом же пивном баре, попавшемся на пути, они бросили якорь. Для «Ж» он оказался мертвым. После нескольких кружек в его голове все смешалось. Домой он возвратился только утром и не мог вспомнить, где находился и что с ним происходило. На том дружба между Сметанинами и семьей «Ж» закончилась.

Большой огласки их загул в резидентуре не получил; все свелось к пропесочиванию залетчиков на партийном собрании. А для контрразведчиков этот случай стал еще одним тревожным звонком. У Алексея Молякова и его коллег невольно напрашивался вывод, что Сметанины сыграли роль наводчиков для американской разведки. Что происходило с «Ж» в те часы, когда он потерял контроль над собой, им оставалось только гадать. Нельзя было исключать и того, что ЦРУ пыталось создать вокруг него вербовочную ситуацию или того хуже — обработало психотропными средствами и «скачало» информацию.

Предположение контрразведчиков о том, что Сметанин «одной ногой» стоял на Западе, подтверждалось не только отдельными его суждениями, в которых он не жалел черной краски для собственной страны, но и конкретными действиями. В начале лета 1985 года по поручению Сметаниных родственники в Москве занялись срочной распродажей имущества. В это же время в одном из телефонных разговоров с ними Сметанина

проговорилась о том, что намерена забрать дочь в Лиссабон якобы для продолжения учебы. Все это вместе взятое заставило контрразведчиков ускорить приезд Сметаниных в Москву.

С нетерпением их появления на родине ждали не только контрразведчики. В городе Чистополе его дожидалась мать. Пожилая женщина, вынесшая на своих плечах невзгоды войны, отнимавшая от себя последнее, она сделала все, чтобы поставить на ноги своего восьмого ребенка. И он оправдывал ее надежды. Счастливая мать по праву гордилась сыном. Паренек из обыкновенной рабочей семьи сумел добиться в жизни того, о чем она и не смела мечтать. После окончания восьмого класса он поступил в Казанское суворовское училище.

Строгая армейская жизнь его не испугала. Суворовец Сметанин терпеливо переносил ее тяготы, а в учебе проявлял старание и большой интерес к иностранным языкам. На глазах матери он вырос и набирался ума. За его будущее она была спокойна. Сын видел себя только военным — офицером. И вскоре мечта сбылась. Успехи и прилежание открыли ему дорогу на престижный разведывательный факультет военного училища, находившегося в Киеве.

Захватывающе интересная учеба, а еще больше романтика будущей работы, оваянная славой таких звезд военной разведки, как Р. Зорге, Ш. Радо и И. Штебе, что может сильнее подогреть честолюбие и амбиции восемнадцатилетнего юноши. Сметанин рьяно взялся за изучение специальных предметов и овладение иностранными языками: французским и португальским.

Вскоре он стал одним из лучших на своем курсе. Успехи сына в учебе и благодарности командования училища радовали сердце матери. А когда его, молоденького лейтенанта, сразу после выпуска взяли в Москву, она от счастья чувствовала себя на седьмом небе. И куда? Об этом говорилось только шепотом и лишь близким знакомым — в военные разведчики! Одно лишь ее огорчало: сын не спешил с женитьбой. На ее намеки, что пора заводить семью, он отшучивался. Поэтому известие о свадьбе

свалилось на нее как снег на голову. В жены Сметанин взял почти девчушку, вчерашнюю школьницу. Статная, красивая и с покладистым характером Наталья пришлась матери по душе. Она и не догадывалась, что за этим решением сына крылся банальный расчет. За границу, на работу в резидентуры, брали, как правило, женатых.

Но откуда об этом было знать простой женщине. Она искренне радовалась тому, что в семье сына все ладилось, а когда родилась дочь, окончательно успокоилась. Шло время. Сын рос в званиях, недавно стал подполковником. В доме появился достаток. Но все это почему-то не радовало мать. В ее чутком сердце в последнее время поселилась необъяснимая тревога. И дело было не в том, что сын все реже напоминал о себе. Он стал другим. Его душа была не здесь, где она дала ему жизнь, а там, за границей. Что с ним происходило? Почему он так переменялся? На эти вопросы у нее не находилось ответа. Встревоженная мать с нетерпением ждала приезда сына, чтобы задать их.

Свои вопросы к Сметанину имелись и у Алексея Молякова. До последнего момента он и его подчиненные испытывали серьезные опасения, что шпионская пара может удариться в бег. Рассеялись они 16 августа 1985 года, когда Сметанины появились на выходе с эскалатора в международном аэропорту Шереметьево-2. С этого часа в их проверке была задействована вся мощь оперативно-технических средств, имевшихся в распоряжении контрразведки.

Первый обнадеживающий сигнал для Алексея Молякова и его коллег поступил 19 августа. В ходе негласного наблюдения за квартирой Сметаниных были зафиксированы его странные манипуляции с очками в массивной оправе. Достав их из атташе-кейса, он прошел к окну, заученным движением открутил винт на левой дужке. В ней открылась полость, в которой имелось миниатюрное вложение. Проверив содержимое, Сметанин положил очки на место, потом достал книжку-еженедельник и зашелестел страницами. Все они были исписаны убористым

почерком. Судя по тому, как он обращался с этими предметами, контрразведчики сделали вывод, что они были весьма важны для него. Но что в них содержалось, это пока оставалось загадкой.

Новый день принес им весьма обнадеживающую информацию, подтвердившую подозрения о возможной подготовке семейной пары к бегству за границу. В телефонном разговоре с одной из подруг Сметанина рассказала о том, что после завершения отпуска они планируют забрать дочь в Лиссабон. На первый взгляд в этом ничего особенного не было, если бы не одно маленькое обстоятельство. В столице Португалии, в школе, существовавшей при советском посольстве, отсутствовал пятый класс. Прошло еще несколько часов. И у контрразведчиков появился еще один факт, усиливший версию о подготовке Сметаниных к бегству за границу. Вечером их квартиру посетила мать Натальи. С собой она принесла 12 тысяч рублей (по тем временам огромную сумму), вырученных от продажи машины «Жигули», мебели и ковров.

Два следующих дня не доставили особых забот контрразведчикам. Сметанины вели себя спокойно. А вот 22 августа Сметанин внезапно завелся. Приняв «на грудь» не одну рюмку, он стал осматривать квартиру, затем разобрал телефон, видимо искал «жучков». Ничего не обнаружил. Но на этом не успокоился. Наобум набрал номер телефона и назначил недоумевающему собеседнику встречу на условном месте через 25 минут. На его уловку контрразведчики не поддались и не стали пускать за ним наружное наблюдение. Для этого у них имелись другие средства, о которых шпион не догадывался.

Около часа он мотался по городу: резал углы, скакал зайцем по трамваям, троллейбусам и «светился» в витринах, пытаясь обнаружить за собой слежку. Домой возвратился за полночь усталый и умиротворенный. Его страхи оказались беспочвенными. Шпион успокаивал себя тем, что осталось совсем немного до того дня, когда он навсегда уедет из этой страны и окажется на Западе, в свободном мире, где его ждут богатство,

слава разоблачителя тоталитарного режима и козней КГБ. Последнее, что еще держало Сметанина в этой стране, так это мать. По настоянию жены он решил навестить ее.

23 августа Сметанины отправились на Казанский вокзал. С собой он прихватил очки и футляр. Записная книжка-еженедельник осталась в тайнике. Вскоре ее содержание уже не составляло тайны для Алексея Молякова и следователя КГБ подполковника В. Агибалова. Это был дневник-исповедь. В нем содержались данные на сотрудников резидентуры ГРУ и советского посольства в Португалии, раскрывался ряд разведывательных операций, перечислялись агенты, сотрудничавшие с советской спецслужбой, и многое другое, что несло серьезный ущерб национальным интересам СССР. Записи были обильно пересыпаны язвительными выпадами шпиона в адрес агентов, поддерживавших с ним связь, коллег, руководителей и самой страны. Они стали убийственной уликой против него.

Цинизм Сметанина, не остановившегося перед святым — семьей и втянувшего в шпионаж жену, поразил Алексея Молякова и сотрудников опергруппы, повидавших немало предателей самых различных мастей. Теперь, когда в их руках оказались весомые улики, они торопились пресечь преступную деятельность «семейного шпионского подряда».

27 августа 1985 года на основании имеющихся вещественных доказательств, подтверждавших шпионскую деятельность супружеской пары, Следственный отдел КГБ СССР возбудил уголовное дело в отношении Геннадия Сметанина по обвинению в измене родине, а в отношении Натальи Сметаниной — по подозрению в доносительстве об известных ей фактах шпионской деятельности мужа. Операция по их нейтрализации перешла в завершающую стадию.

В тот же день оперативно-следственная бригада вылетела в Татарию и через несколько часов уже находилась на железнодорожном вокзале. Чета Сметаниных с чемоданами сидела уже там. Диктор объявил о начале посадки на поезд Казань — Москва, и контрразведчики, смешавшись с пасса-

жирами, направились к вагону. Впереди мелькал белобрысый хохолок Сметанина. Он и жена поднялись в тамбур. Несмотря на то что летний сезон отпусков подходил к концу, в купе они оказались одни.

Прошла минута-другая, и суeta в вагоне улеглась. Поезд тихо оттолкнулся от перрона вокзала и, набирая скорость, устремился на запад. Позади остались пригороды. За окном мелькали живописные перелески. Их сменили бескрайние, уходящие за горизонт поля пшеницы. Уставшее за день солнце залилось вечерним румянцем и нежным теплом согревало лица пассажиров.

Сметанины, распахив сумки и чемоданы, переоделись в спортивные костюмы и под убаюкивающий перестук колес предались каждый своим мыслям. Муж отсутствующим взглядом смотрел на живописные пейзажи, но был равнодушен к ним. Поездка на родину ничего, кроме раздражения, в душе не оставила. В отчем доме ему все было чуждо. Смотревшая из всех углов убогость в последний перед отъездом день стала просто невыносима. Она преследовала его повсюду: на улицах, больше напоминавших автодром, в магазинах, где орущая толпа ломилась за парой свиных ножек, и здесь, в вагоне, с лязгающей над головой верхней полкой.

Все это было чуждо Сметанину. Всем своим существом он находился там! Там, где, как ему казалось, не будет ни сидевших в печенках блата и дефицита, ни дураков-начальников, ни завистников-коллег. Там, где у него будет все: вилла на берегу Атлантики, роскошный «мерс», имя на первых полосах газет и гонорар с шестью нулями за сенсационные разоблачения «борца с тоталитаризмом и преступлениями монстра — КГБ».

Грохот внезапно распахнувшейся двери и стремительное появление в купе крепких парней с твердыми лицами, изумленно-испуганные лица пассажиров и проводника вагона, растерянно переминавшихся за их спинами, обожгли Сметанина страшной догадкой: «Это провал!» Липкий пот заструился по спине. На лбу выступила холодная испарина. Не лучше вы-

глядела и жена. Она с трудом держалась на ногах. В ее глазах, расширившихся от ужаса, застыли страх и мольба. Как сквозь вату до Сметаниных доносились обрывки фраз: «постановление», «арест», «обыск».

Чужие руки по-хозяйски перебирали вещи, прощупывали каждый шов рубашек, брюк и платьев. Даже туалетные принадлежности не остались без внимания следователя. Обыск подходил к концу, но пока он ничего не дал. Сметанин перевел дыхание. Одна улика находилась на его лице — очки, а другая лежала в атташе-кейсе — футляр для них. Он все еще надеялся, что и на этот раз пронесет.

И тут пальцы следователя коснулись футляра для очков. Он бросил на Сметанина испытывающий взгляд. У того сдали нервы, и лицо пошло красными пятнами. Прошло еще мгновение. И, к изумлению пассажиров-понятых, в футляре открылась полость-тайник. Там находились инструкция по связи с американской разведкой в Москве, исполненная на семи листах, шифроблокнот и таблица-заменитель.

Рука Сметанина произвольно дернулась к очкам и, едва коснувшись дужки, будто от удара электрическим током плетью упала вниз. Этот подарок Нортон «на крайний случай» тогда, в Лиссабоне, он воспринял с иронией и пообещал возвратить в целости и сохранности. Свое обещание ему так и не суждено было выполнить.

Сметанин пытался судорожно сглотнуть слюну, ледящим комом застрявшую в горле. Перед глазами в бешеном калейдоскопе завертелись искаженное страхом неправдоподобно огромное лицо жены, ненавистные физиономии-маски контрразведчиков и... невесть откуда взявшийся Нортон. Тот злорадно хихикал и, подмигивая, рассовывал по карманам тугие пачки долларов. Его, Сметанина, доллары! Они навсегда уплыли из его рук, а вместе с ними роскошная вилла с фонтаном и бассейном и крутой «мерс». В один миг все пошло прахом. Впереди его ждали камера в Лефортовской тюрьме, изматывающие душу допросы следователей КГБ, затем суд, приговор и...

Зияющее дуло пистолета заслонило собой и Нортонa, и жену и, подобно гигантской воронке, втягивало его в себя. Туда, в зияющую бездну небытия. Одно только движение руки, хруст стекла, и с чудовищным кошмаром будет навсегда покончено. Но на это последнее движение у Сметанина не нашлось сил. Потухшим взглядом он наблюдал, как пальцы следователя осторожно коснулись левой дужки очков. Послышался еле слышный щелчок и вскрылся второй тайник. В нем лежала крохотная ампула с ядом мгновенного действия — «подарок» Нортонa.

Сметанин облизнул губы, ставшие шершавыми, будто наждак, и бесформенной медузой расплылся по полке купе. Он уже не слышал ни следователя, ни звука гитары, ни задорной песни студентов, возвращавшихся в Москву с молодежной стройки. Они, будущие инженеры, даже не подозревали, что рядом с ними завершилась не киношная, а самая настоящая шпионская история. Они жили своими маленькими и большими заботами, радостями и огорчениями, мечтами и надеждами. Это была их жизнь, в которой Сметаниным уже не находилось места.

До приезда в Москву они так и не сомкнули глаз. С вокзала их повезли не в Лефортовскую тюрьму, как полагал Сметанин, а на квартиру. В нее он поднимался как на Голгофу, подозревая, что там всплывет другая важная улика — еженедельник со шпионскими записями. И не ошибся. Уже безразличным взглядом Сметанин наблюдал за тем, как следователи методично осматривали квартиру. Один из них остановился у платяного шкафа, и через несколько секунд в его руке появилась убийственная улика: еженедельник.

Собранные контрразведчиками доказательства и признание жены не оставляли Сметанину шансов уйти от ответственности. Под давлением неопровержимых фактов он выдавливал из себя каждое слово, и они тяжелым грузом предательства ложились на весы правосудия. Загубленные жизни десятков негласных помощников, отданных на растерзание чужой контрразведке, и

проваленные разведывательные операции советских спецслужб ничем нельзя было оправдать.

На этот раз ТАСС не был уполномочен сообщить обществу о пресечении преступной деятельности двух американских шпионов.

Руководство КГБ стремилось как можно дольше сохранить в тайне от ЦРУ провал его агентов. Это необходимо было для того, чтобы дать возможность ГРУ вывести из-под удара иностранных спецслужб сотрудников резидентуры и их негласных помощников, чтобы максимально локализовать последствия шпионского «семейного подряда».

Следствие по уголовному делу Сметаниных длилось около девяти месяцев. 1 июля 1986 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев его, признала Г. А. Сметанина и Н. В. Сметанину виновными в измене родине в форме шпионажа, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, и приговорила:

Сметанина Геннадия Александровича подвергнуть смертной казни — расстрелу;

Сметанину Наталью Васильевну с применением ст. 43 УК РСФСР — к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима с конфискацией имущества, без ссылки.

При определении наказания Н. В. Сметаниной ниже низшего предела, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, суд принял во внимание, что в преступную деятельность она была вовлечена мужем, сама же до совершения преступления характеризовалась положительно, на ее иждивении состояла несовершеннолетняя дочь, а родители Сметаниной нуждаются в помощи.

Так недолгий шпионский «семейный подряд» закончился полным провалом.

«Камбала»

70-е и начало 80-х годов прошлого века для сотрудников особых отделов КГБ СССР, осуществлявших контрразведывательную работу в Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН), на вооружение которых поступала новая боевая техника, выдались крайне напряженными. Две сверхдержавы, СССР и США, борясь за стратегическое превосходство в мире, вкладывали колоссальные материальные и интеллектуальные ресурсы в разработку и совершенствование ядерного оружия и носителей к нему.

В СССР интенсивно шла работа по созданию межконтинентальных баллистических ракет третьего поколения. В Москве, Самаре, Красноярске, Днепропетровске, Киеве, Харькове и других городах Советского Союза на так называемых закрытых предприятиях в обстановке строжайшей секретности бригады инженеров и рабочих самой высокой квалификации, сменяя друг друга, трудились день и ночь, воплощая конструкторскую мысль в металл.

Наряду с тяжелой ракетой шахтного базирования, получившей на Западе устрашающее название «Сатана» и обладавшей колоссальной разрушительной силой, разрабатывались еще два качественно новых боевых ракетных комплекса (БРК) — подвижный грунтовый «Тополь» и железнодорожный «Скальпель», названный так натовцами за точность попадания ракеты в цель. Оба комплекса обладали уникальными для своего времени возможностями и являлись последним словом техники. Исключительная маневренность и надежность в боевом управлении делали их практически неуязвимыми для средств поражения противника, а использование передовых технологий в области систем навигации позволяло производить пуски ракет в кратчайшие сроки и с любой точки маршрута боевого патрулирования.

С вводом их в эксплуатацию советское военно-политическое руководство получало в свои руки грозное оружие возмездия. В случае применения противником первым ядерного оружия по стратегическим объектам на территории СССР, и в частности по шахтным пусковым установкам типа «Сатана», комплексы «Тополь» и «Скальпель» в ответном ударе были способны нанести ему непоправимый ущерб.

Отрывочная информация, поступающая к спецслужбам США о проводимых в СССР испытаниях нового ракетно-ядерного оружия, вынуждала их активизировать разведывательную деятельность по добыванию данных о его конструктивных особенностях и боевых возможностях. В связи с этим перед особыми отделами КГБ СССР в частях РВСН, научных институтах и на полигонах более приоритетной задачи, чем обеспечение сохранности главных секретов БРК, не существовало.

Один из бывших руководителей военной контрразведки страны, заместитель начальника 3-го Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Ю. Николаев так вспоминал о том периоде времени:

«В середине семидесятых годов в центре внимания чекистов-ракетчиков находились мероприятия, связанные с контрразведывательным обеспечением перевооружения ракетных войск на изделия третьего поколения, сопровождавшиеся их интенсивными летно-конструкторскими испытаниями и доработками. Суть их состояла в придании межконтинентальным баллистическим ракетам более мощной энергетики, оснащении касетными боеголовками с индивидуальным наведением разделяющихся боевых частей на отдельные цели. Разрабатывались подвижные ракетные комплексы. Это была, по существу, новая страница в развитии советских стратегических вооружений...»

Планируя свою работу, мы исходили из того, что испытания новых систем ракетного вооружения, составляющих основу боевой мощи страны, неизбежно привлекут пристальное внимание американских спецслужб».

Эта оценка оперативной обстановки, складывавшаяся вокруг РВСН, нашла понимание и поддержку в руководстве отечественных органов безопасности страны и была отражена в известном приказе председателя КГБ СССР. Одно его название — «О состоянии и мерах совершенствования контрразведывательной работы в Ракетных войсках стратегического назначения» — говорило само за себя. В нем был определен комплекс организационных и оперативных мер, а также зоны ответственности 3-го и других управлений Комитета по защите РВСН от агентурной и технической разведки иностранных спецслужб.

В своих прогнозах контрразведчики не ошиблись. Рев ракетных двигателей в Байконуре, Капустином Яру и Плесецке не остался без внимания ЦРУ и РУМО — Разведывательного управления Министерства обороны США. О том свидетельствовала информация, поступающая по разведывательным каналам в Комитет госбезопасности. На каком участке и через кого происходила утечка секретов, это до поры до времени для контрразведчиков оставалось тайной, и они бились над ее разгадкой.

В небо по-прежнему продолжали взлетать испытательные образцы «Сатаны», «Скальпеля», «Тополя» и поражать учебные цели на далекой Камчатке, на полигоне «Кура». Там их с нетерпением ждали конструкторы и производственники, чтобы на основе изучения телеметрических, аэродинамических и других характеристик проверить надежность функционирования различных систем. В испытаниях оттачивались и доводились до совершенства основные, особо охраняемые боевые параметры ракет. То, что их удалось сохранить в тайне от иностранных спецслужб, за это контрразведчики поручиться не могли. Несмотря на беспрецедентные режимные меры, направленные на защиту секретов БРК, разведка продолжала сообщать об утечке информации к американцам.

В этой связи генерал Николаев отмечал:

«Военными контрразведчиками был налажен систематический отбор, учет и тщательный анализ поступающей из различных источников информации, свидетельствующей как о возмож-

ной осведомленности, так и проявлениях заинтересованности иностранных спецслужб к проводимым испытаниям. Работа по защите выделенных секретов согласовывалась с Главным штабом (РВСН. — Авт.) и проводилась в тесном взаимодействии с территориальными органами КГБ, в основу которого закладывался принцип непрерывности контрразведывательных мероприятий на всех стадиях отработки и испытаний ракетно-космической техники, сочетая ее с мерами по усилению режима секретности на научной основе. Совместно с ведущими специалистами конструкторских бюро разрабатывались специальные меры по противодействию иностранным техническим разведкам...»

В результате системного подхода и анализа информации о деятельности иностранных спецслужб, направленной на получение данных об испытаниях ракетной техники и систем ПВО, в центральном аппарате 3-го Главного управления обратили внимание на участвовавшие полеты американских разведывательных самолетов типа «Орион» и РС-135 над нейтральными водами Тихого океана. На первом этапе их появление напрямую не увязывалось пусками БРК «Тополь», «Скальпель» и «Сатана». В том районе находилось достаточно и других важных военных объектов, за которыми американская сторона могла вести радиоэлектронное наблюдение.

Время шло. В Особом отделе полигона «Кура», так же как и в других подразделениях КГБ, находившихся на Камчатке, продолжали накапливать информацию о разведывательных полетах американских РС-135. В отдельные дни, когда наиболее интенсивно проводились пуски ракет, в небе у берегов Камчатки дежурило, как правило, несколько пар воздушных разведчиков. Анализ статистики этих полетов уже не оставлял сомнений у руководителей Особого отдела в том, что они напрямую связаны с испытательной деятельностью. Свои выводы они изложили в докладной записке, направленной в 3-е Главное управление. Там их посчитали обоснованными, и на полигон вылетел сотрудник центрального аппарата подполковник В. Служинин.

Вместе с контрразведчиками Особого отдела полигона «Кура» и техническими специалистами он проанализировал сложившуюся ситуацию, а также данные за предыдущие два года наблюдений за полетами американских разведывательных самолетов. В итоге они пришли к однозначному выводу: целью полетов самолетов-разведчиков являлся радиотехнический съём информации о количестве головных частей, имитирующих боевые блоки ракет, и ложных целей, а также аэродинамических и других характеристик.

Последующий контроль за полетами американских разведывательных самолетов подтвердил эту версию и выявил еще одну важную особенность, которая заставила контрразведчиков похолодеть: с завидным постоянством они появлялись в районе барражирования за час-полтора до падения имитаторов головных частей на полигон «Кура». Первое предположение, которое тогда возникло у Служилина и его коллег, состояло в том, что где-то в Генеральном штабе ВС СССР или Главном штабе РВСН мог затаиться агент ЦРУ или РУМО, сообщавший о времени запусков ракет с Байконура, Капустина Яра или Плесеца. Такая его информированность и оперативность в передаче информации американской разведке наталкивала некоторых контрразведчиков на мысль о том, что он находится, вероятнее всего, в святой святых военного ведомства — в Генеральном штабе. Однако генерал Николаев и его подчиненные пришли к иному выводу:

«В этой ситуации вопрос установления источника утечки информации о проводимых испытаниях для нас, контрразведчиков, встал со всей остротой. Тщательная проработка и чекистская оценка практики планирования и согласования пусков между министерствами, конструкторскими организациями, главным командованием РВСН и руководством полигонов, реальная динамика испытательных работ, существующий порядок принятия окончательных решений на пуски, а также других особенностей, связанных с подготовкой и осуществлением очередных запусков,

давали основания не рассматривать агентурную версию утечки секретов. Она была нереальной. Скорее всего, в данном случае имел место перехват информации техническим путем...»

Эту версию он доложил первому заместителю начальника 3-го Главного управления генерал-лейтенанту Александру Матвееву. Матвеев, опытный контрразведчик, в годы войны прошедший суровую школу службы в Смерше, посчитал аргументы Юрия Алексеевича, изложенные в докладной записке, убедительными. Шпионажем здесь не пахло, и согласился с его выводами.

Из них следовало, что о сроках и временах пуска ракет американская разведка действительно могла знать из радиоэлектронного перехвата телефонных разговоров военных и гражданских специалистов, которые велись по каналам засекречивающей аппаратуры связи (ЗАС). В силу своих конструктивных особенностей она не обеспечивала гарантированную защиту информации, передаваемой по ее каналам, а при тех технических возможностях, которые имелись у американской разведки, ее перехват и расшифровка могли осуществляться в масштабах текущего времени и затем «выстреливаться» на спутник. Теперь становилось понятно столь оперативное появление в районе полигона «Кура» разведывательных самолетов.

Версия контрразведчиков об электронном характере утечки информации по испытаниям ракет требовала подтверждения. Опираясь на проведенные специалистами лабораторные исследования, генерал Николаев и подполковник Служилин подготовили по указанию Александра Ивановича Матвеева письменную информацию командованию РВСН. Изложенные в ней доводы убедили главкома генерала армии В. Толубко, а потом и руководство Генерального штаба, в необходимости осуществления масштабных организационно-технических мер, направленных на выявление канала утечки секретных сведений и обеспечение надежной его защиты.

Позже генерал Ю. Николаев так писал об этом:

«Военным руководством сообщение было оценено как весьма серьезное. В соответствии с принятым решением выделенными офицерами-операторами Главного штаба с нашим участием был спланирован и проведен ряд экспериментов, суть которых сводилась к передаче на «Куру» обычным путем дезинформационных сведений о пусках, которых в действительности не было. Американцы прилетали как всегда. В других случаях, когда команды передавались только шифром, самолеты не появлялись. Это убеждало в том, что утечка происходит за счет линий связи, слабо защищенных аппаратурой временной стойкости. Однако ввиду большой протяженности линий связи поиск и обнаружение конкретного места съема информации затягивалось».

С того дня охота на американскую «Камбалу», такое кодовое название получила эта операция, была взята на личный контроль руководством КГБ СССР. В 3-м Главном управлении в срочном порядке приступили к разработке оперативных и организационно-технических мер, направленных на ограничение возможностей американской разведки по получению информации об испытаниях ракет. И тем не менее, несмотря на то что значительная часть переговоров, связанных с подготовкой и проведением пусков на полигон «Кура», велась с помощью шифрованной связи, самолеты РС-135 по-прежнему, хотя и не так регулярно, как ранее, продолжали появляться вблизи берегов Камчатки.

Прекратить пуски ракет и тем самым сорвать программу поставки в войска ракетных комплексов ни командование РВСН, ни тем более руководители военной контрразведки не имели права. Решение о сроках испытаний и постановке БРК на боевое дежурство принималось на самом верху, в Политбюро ЦК КПСС. Только оно было вправе их отменить или перенести на другое, более позднее время. Закрыть же небо от электронных щупальцев американской разведки непроницаемым «щитом» ни военные, ни гражданские специалисты не могли, у них просто не было таких возможностей. Оставался

единственный выход: как можно скорее отыскать электронного «жучка», который исправно снабжал информацией американскую разведку.

В этих целях в 3-м Главном управлении была создана оперативная группа во главе с генералом Николаевым. Впереди ее ждала кропотливая, требующая большого терпения и выдержки работа. С помощью технических специалистов контрразведчикам предстояло обследовать десятки тысяч километров линий связи — от стынувшего в холодах Плесеца, изнывающих от невыносимой жары Байконура и Капустина Яра и до «Куры». И не просто обследовать, а буквально просветить каждый метр кабельных линий, чтобы отыскать ту самую электронную закладку американской разведки, которая «присосалась» к ним, скачивала передаваемую информацию и потом «выстреливала» ее на спутник.

Эта труднейшая работа, по воспоминаниям Юрия Алексеевича, дополнительно осложнялась еще тем, что:

«На некоторых участках линий связи проложенных кабелей не имелось, ввиду чего применялись радиорелейные вставки, где информация реально могла перехватываться с помощью спутника. Нельзя было исключать и непосредственного подключения где-либо к кабелю, особенно на подводном его участке, на дне Охотского моря...»

День за днем, километр за километром оперативно-технические группы тщательно обследовали линии связи и упорно продвигались на восток. Мимо их внимания не проходила ни одна подозрительная мелочь. Радиоэлектронная закладка могла быть закамouflирована под что угодно. Ею мог оказаться «пенек», поставленный вблизи пункта ретрансляции или усиления сигнала. Один такой «радиоэлектронный пенек» незадолго до этого был обнаружен в Подмоскowie вблизи пункта боевого управления системой ПВО.

Поэтому с особой тщательностью поисковые группы обследовали каналы связи в европейской части страны, в райо-

нах, открытых для посещения иностранцев. В штабе розыска электронной закладки обоснованно полагали, что именно там было наиболее вероятно ее нахождение. Проведенное в спецлабораториях исследование подмосковного «электронного пенька» показало, что его установка и последующее техническое обслуживание требовали специфических и глубоких знаний. Выполнение такой сложной задачи где-нибудь в Омской или Иркутской области вряд ли было по силам даже самому подготовленному агенту. Ее могли решить только специалисты, имевшиеся в посольстве США в Москве.

Этот вывод, подкрепленный оперативной практикой самих контрразведчиков, позволил значительно сузить район поиска радиоэлектронной закладки. Основываясь на нем, группа генерала Николаева подняла из архива данные на все поездки сотрудников американского посольства, совершенные за последние два года по территории СССР, и в первую очередь тех, кто подозревался в проведении разведывательной деятельности. Затем методом сопоставительного анализа маршрутов их движения и прохождения каналов связи были выделены те места, где они пересекались. На этих местах и сосредоточили свое внимание группы розыска радиоэлектронной закладки.

Казалось бы, такой подход являлся наиболее оптимальным, но ожидаемого результата он не принес. Европейская часть страны оказалась чистой от американских «жучков».

По мере того как направление поиска все дальше смещалось на восток, тем все меньше оставалось надежды на удачное завершение этой необычной поисковой операции. Пессимисты грешили на то, что «закладку» проморгали, предлагали вернуться в исходную точку, и все повторить сначала. Оптимисты не теряли надежды и стояли на том, что не следует шарахаться из стороны в сторону, а необходимо последовательно продолжать поиск.

В конце сентября 1981 года поисковые группы вышли на берег Охотского моря. Перед ними вздымалась и пенилась седыми барашками безбрежная морская даль. В ее толще, по

дну, пролегал последний участок магистрального кабеля связи. Наступила глубокая осень с холодными дождями и свирепыми многодневными штормами. В этих условиях предстояло обследовать участок дна протяженностью в несколько сотен километров — от пункта Оха-Ола, расположенного на западном побережье Охотского моря, и до Усть-Хайрюзово, что в Корякском автономном округе, на Камчатке.

К работам были привлечены значительные силы и средства: специальные суда Тихоокеанского флота и ряда гражданских организаций, имевших в своем распоряжении гидролокаторы, телевизионные системы и другие средства подводного оптического и акустического обнаружения. Задействовались также специальные автономные глубоководные аппараты и опытные водолазы из отряда гидронавтов.

Наступившие холода и непогода вынуждали контрразведчиков, военных моряков и гражданских специалистов трудиться с полным напряжением сил, зачастую в условиях, связанных с риском для жизни. И чем меньше оставалось километров необследованной кабельной линии, тем все труднее становилось работать. С севера все чаще налетали снежные заряды и приносили с собой леденящее дыхание близкой зимы. Море сердито хмурилось и не спешило открывать свои тайны. Лишь на короткое время, смиловившись над упорством людей, оно позволяло заглядывать в свои глубины.

День 20 октября 1981 года мало чем отличался от предыдущих дней. С утра с материка подул порывистый ветер и разогнал низко нависшие над морем свинцовые тучи. К 9 часам проглянуло тусклое осеннее солнце, и горизонт прояснился. На борту кабельного судна Тихоокеанского флота «Тавда» все пришло в движение. Команда и отряд гидронавтов спешил воспользоваться погодным «окном» и обследовать один из последних участков кабельной линии. Он находился в нейтральных водах у побережья Камчатки.

Судно медленно двинулось вперед. На экране монитора оператор наблюдал ставшую уже привычной серо-унюлую

картину морского дна. Прошла минута-другая. И вдруг его внимание привлекли два размытых силуэта, отличавшихся от рельефа. Они находились неподалеку от кабеля и напоминали собой обрезки труб большого диаметра. Командир корабля, члены оперативно-поисковой группы и представитель Особого отдела КГБ по Военно-морскому флоту капитан 2 ранга Арнольд Иванович Васильев, работавший на борту в составе оперативно-поисковой группы, смотрели в монитор и следили за действиями оператора.

Тот легкими движениями, едва касаясь единой рукоятки управления (ЕРУ), перемещал манипулятор и метр за метром тщательно обследовал со всех сторон загадочные предметы. На экране они то увеличивались в размерах, то уменьшались. Вскоре уже ни у кого не возникало сомнений в их искусственном происхождении. Все еще не веря в удачу, командир корабля и Васильев с нетерпением ждали, что скажут спустившиеся на дно водолазы.

Мучительно медленно тянулись минуты томительного ожидания. Горизонт на севере начала затягивать сизая дымка. Ветер усилился и сердитой волной бил в борт корабля. Море снова налилось свинцом и вспенилось седыми барашками. Взгляды участников операции были прикованы к тому месту, где час назад водолазы ушли под воду. Наконец среди волн проглянул серебристый шар, тускло блеснул иллюминатор шлема водолазного скафандра. И в следующее мгновение победно взметнувшаяся вверх рука водолаза сказала им все. Трудно передать эмоции, которые овладели в тот момент участниками операции.

Вот как вспоминал Ю. Николаев о завершающей стадии поиска американской «Камбалы»:

«20 октября 1981 года кабельное судно КТОФ «Тавда» обнаружило в нейтральных водах, в 60 километрах от камчатского побережья, на глубине 84 метра автоматическое разведывательное устройство, впоследствии названное «Камбалой». Находясь на некотором отдалении от нашего кабеля, оно было

соединено с ним кабельными отводами с помощью захватывающих устройств, что обеспечивало индуктивным путем съем разведывательной информации и автоматическое отсоединение от кабеля в случае его подъема на поверхность. Со дна было поднято два больших идентичных цилиндрических металлических контейнера длиной 5,5 метра, диаметром 1,2 метра, весом около 7 тонн каждый, два малых цилиндра длиной 40 сантиметров, весом 15 килограммов, комплект антенн, четыре катушки с кабель-тросом длиной 150 метров и другие предметы».

За сухими строчками из воспоминаний Юрия Алексеевича на самом деле стояла колоссальная как в психологическом, так и в техническом плане работа. Эта американская «Камбала», распластавшаяся на дне моря, чтобы охотиться за чужими секретами, вполне могла иметь не один смертельно опасный сюрприз. Предыдущий «улов» обернулся трагедией. В период арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке в 1974 году на кабеле связи также была обнаружена аналогичная электронная закладка. При ее извлечении сработало взрывное устройство. Погибло два человека.

Об этом хорошо помнили в оперативном штабе поисковой операции. Поэтому, когда улеглась первая радость от находки, перед руководством встал ряд сложнейших задач. Они носили не только чисто технический характер, связанный с подъемом «Камбалы» на борт «Тавды», но и требовали принятия особых мер по обеспечению безопасности судна и экипажа.

Прошла ночь, и, как только наладилась погода, под воду ушли водолазы из числа специалистов минно-взрывного дела. Они тщательно обследовали каждый сантиметр «Камбалы». На этот раз обошлось без сюрпризов. Видимо, американцы были абсолютно уверены в том, что новая суперсовременная «радиоэлектронная рыба» окажется не по зубам советской контрразведке. И просчитались.

«Улов» превзошел все ожидания. Мало того что спецслужбы США утратили возможность безнаказанно получить

секретную информацию, ими был понесен еще существенный материальный ущерб в несколько сотен миллионов долларов — такова была стоимость начинки «Камбалы». Детальное изучение этого уникального разведывательного устройства, переданного затем в руки советских специалистов, помогло ускорить работы по созданию аналогичных собственных радиоэлектронных систем.

По воспоминаниям генерала Ю. Николаева, для того времени «Камбала» была последним словом техники:

«Устройство оказалось аппаратурой совершенно нового типа и включало в себя: ядерную энергетическую установку со сроком службы до двадцати пяти лет, дополнительные аккумуляторы, электронную программированную систему обработки перехватываемых сообщений, сто двадцать магнитофонов по шестьдесят четыре записывающих дорожки, рассчитанных на сто двадцать пять суток непрерывной работы, гидроакустический маяк, предназначенный для наведения водолазов на себя с расстояния до пяти километров. На блоках имелась надпись: «Собственность правительства США», были пробиты серийные номера изделий, в частности цифра «9».

Эту потерю в американских спецслужбах долгое время связывали с переходом на сторону советской разведки дежурного офицера по связи в штабе командующего подводным флотом США Джона Уокера. Потом грешили на других разоблаченных советских агентов. Как бы там ни было, им пришлось смириться с утратой «Камбалы».

«Шведский узел»

Свинцовая балтийская волна монотонно била в поблескивавший свежей краской борт минного заградителя «Визборг». 25 июля 1996 года он в составе группы кораблей военно-морских сил Швеции прибыл в Балтийск с дружеским визитом. Перед трапом и на верхней палубе царила оживленная суэта. Горожане и моряки Балтийского флота с живым интересом разглядывали вооружение корабля, знакомились с бытом экипажа и вступали в разговоры со шведскими моряками.

«Визборг» простоял у причала семь дней. Все это время на его борту находился капитан 3 ранга Сергей Величко, заместитель командира корабля — начальник службы обработки разведывательных данных корабля «Пеленгатор». Будучи офицером военной разведки, он под прикрытием офицера связи должен был, не нарушая законов другого государства, вести работу по выявлению сотрудников спецслужбы Швеции и добывать интересующую штаб флота информацию о кадровом составе «Визборга» и его тактико-технических характеристиках.

На этот раз Величко, как никогда раньше, работал настойчиво и целеустремленно. Он внимательно присматривался к экипажу «Визборга» и его контактам с российскими моряками, опытным взглядом бывалого разведчика пытался определить, кто из них мог оказаться коллегой по профессии. Но сотрудник шведской спецслужбы оказался настоящим профессионалом и себя ничем не выдал.

Шли дни. Дружеский визит кораблей подходил к концу, а Величко так и не мог окончательно определиться, кто же из состава экипажа «Визборга» являлся разведчиком. Помощник командира? Нет, ему было не до разведки. На нем лежала масса

служебных обязанностей и организация проведения протокольных мероприятий. Штурман? Активен, общителен, легко шел на контакты с посетителями и сносно говорил по-русски. Этот, пожалуй, тянул на разведчика. Оставался еще переводчик Петер Йонсон. Он всегда находился в гуще народа. Но для кадрового разведчика на такой должности, пожалуй, мелко. Так все-таки кто: штурман или переводчик?

Взвесив все «за» и «против», Величко остановил свой выбор на переводчике. Петер на первый взгляд ничем особенным не выделялся среди других членов экипажа. Он исправно исполнял свои обязанности и особого стремления к завязыванию контактов с российскими моряками не проявлял. Но многолетний опыт и профессиональная интуиция подсказывали Величко, что Петер на самом деле не тот, за кого себя выдает.

Переводчик слегка переигрывал, а то почтение, с которым к нему обращались не только рядовые, но и офицеры экипажа, только усиливало убеждение в том, что Петер как раз и мог быть сотрудником шведской разведки. Это предположение еще больше укрепили ответы шведа на ряд заданных ему вскользь вопросов. Как оказалось, Величко и Йонсон говорили на одном языке — языке разведки. Петер почувствовал опасность и поспешил свернуть разговор. Это не расстроило Величко, а только добавило уверенности в том, что он находится на верном пути.

До отхода «Визборга» оставалось чуть больше суток. В ту последнюю ночь перед решающим разговором с Петером Величко так и не смог уснуть. Сомнения и страхи терзали его. Один подленький, гаденький внутренний голосок вкрадчиво нашептывал: «Не бойся! Все обойдется. Никто ни о чем не догадается. Зато потом будешь кататься как сыр в масле».

«А присяга?.. А честь морского офицера? Они что, уже пустой звук?» — как-то обреченно возражал ему второй голос.

«Присяга?.. Кому?.. Тому государству, которого уже нет? Теперь каждый сам за себя. Куй «бабки», не отходя от кассы!» — твердил свое первый голос.

Стрелки часов показывали начало восьмого. У Величко оставалось всего несколько часов, чтобы сделать свой окончательный выбор.

Тот день, 30 июля 1996 года, посетителям «Визборга», вероятно, запомнился небывалой жарой. Под палящим солнцем плавил асфальт, и, казалось, плавился даже металл.

Величко поднялся на раскаленную палубу шведского корабля. Среди людской толчи взглядом отыскал Петера и, поколебавшись несколько секунд, сделал решительный шаг к нему. Этот шаг стал первым и роковым на скользком, не имеющем возврата к чести и достоинству гражданина своего отечества, пути предательства. К нему Величко, пока еще капитан 3 ранга Военно-морского флота России, шел не один месяц. Измена, подобно раковой опухоли, незаметно вызревала в его душе и ядом наживы отравляла волю и сознание.

В последнее время в семье только и был разговор о том, что другие имеют все, а он «с утра до вечера пропадает на никому не нужной службе, в то время как в доме есть нечего». Участившиеся задержки с выдачей зарплаты и заоблачные цены в магазинах еще больше накручивали Величко. Он старался отвлечься на службе, но былого удовлетворения в ней не находил.

Флот в те годы переживал не лучшие времена. Корабли больше стояли на приколе, чем выходили в море. Учебно-боевая деятельность свертывалась, а упорные слухи о скором сокращении флота не добавляли настроения. Надежда занять хорошую должность в Разведуправлении Балтийского флота становилась все более призрачной: туда почему-то брали других. В нем копилась злость и обида на командование, которое, по его мнению, недооценивало имевшиеся у него способности, придерживало на должности и незаслуженно продвигало вверх по служебной лестнице других, менее одаренных.

Все это вместе взятое укрепляло желание Величко уволиться со службы. Но он все откладывал с окончательным решением: жизнь за забором военно-морской базы была далеко не сахар. Стихия дикого рынка страшила и отталкивала от себя. Ему не

хотелось повторять судьбу своих однокашников по училищу и сослуживцев. Многие из них, уйдя на гражданку, так и не нашли себя. Одни опустили на дно и от безысходности запили горькую. Другие как заведенные мотались «челноками» в Польшу и Германию, рискуя попасть под бомбил или прогореть на «левом» товаре.

Себя в этой новой жизни с ее дилерами и киллерами Величко не находил. С каждым новым днем в нем росло жгучее желание плюнуть на все и бежать, бежать туда — на Запад, который яркими красками сытой и благополучной жизни плескался на экране телевизора. Но трезвый расчет говорил, что там с распростертыми объятиями его никто не ждет, а начинать жизнь на чужбине без гроша в кармане — это значит обречь себя и семью на новые трудности. Величко трезво оценивал свои невысокие шансы на успех и пока не находил реальных путей к быстрому материальному благополучию ни в Германии, ни в Швеции. Ему ничего другого не оставалось, как дотягивать служебную ляжку до пенсии.

Каждый день он продолжал ходить на службу как на каторгу. Там если что и менялось, то не для него и не к лучшему.

Новая, совершенно иная жизнь начиналась сразу за воротами военно-морской базы. Там сверкали никелем иномарками, громоздились суперсовременные офисы и шикарные особняки «новых русских». Желание жить так же, как «новые русские», неведомо откуда взявшись, разжигало у Величко неумную жажду наживы. Она оказалась настолько сильна, что переборола инстинкт самосохранения. И Величко решил заработать на том, что государство доверило ему оберегать, — на военной тайне.

В тот жаркий июльский день на борту «Визборга» Величко решил отбросить последние сомнения. Улучив момент, когда Петер остался один, он подошел к нему и после нескольких общих слов о погоде решил раскрыться. Его признание о принадлежности к военной разведке Балтийского флота вызвало на лице Петера удивление, быстро сменившееся настороженностью. Боясь, что разговор может закончиться, не

начавшись, Величко заговорил скороговоркой. Он жаловался на неудавшуюся жизнь, мизерную зарплату, просил оказать содействие в будущем устройстве своей семьи где-нибудь в тихой и благополучной европейской стране, а взамен обещал сообщить важную информацию о Балтийском флоте.

Шведский разведчик Петер Йонсон (и здесь в своих расчетах Величко не ошибся) быстро оценил перспективы будущего агента, но не стал спешить с вербовочным предложением и ограничился тем, что пообещал посоветоваться с кем надо и оказать содействие. В заключение короткого разговора они договорились поддерживать контакт перепиской. А чтобы лишний раз не засвечивать свои отношения перед российской контрразведкой, сошлись на классическом шпионском варианте — вести ее через абонентский ящик на главпочтамте Калининграда. В качестве дополнительной подстраховки на тот случай, если бдительные особисты вдруг заинтересуются его связью в Швеции, Величко предложил задействовать в качестве прикрытия собственную жену. Она являлась переводчицей с немецкого языка и потому, по его мнению, переписка от ее имени должна была отвести от него возможные подозрения. Петер согласился и пообещал не затягивать с ответом на предложение купить у него секреты.

После отплытия «Визборга» Величко, предполагая, что его беседы со шведскими моряками, и в частности с Петером, не останутся без внимания военной контрразведки, решил подстраховаться. Он первым поспешил сообщить особистам заслуживающие оперативного внимания данные на ряд членов экипажа: на штатного разведчика — военно-морского атташе Швеции в России Томаса Хассельберга, штурмана, нескольких переводчиков и лишь вскользь упомянул о Петере Йонсоне.

В отделе военной контрразведке внимательно отнеслись к его сообщению и поблагодарили за проявленную бдительность. Спокойная, без подводных камней беседа с оперативным сотрудником сняла жившие в глубине души Величко страхи. Он возвратился на корабль и стал ждать ответа от шведской разведки на свое предложение.

Время шло, а она продолжала хранить молчание. Лишь в середине января 1997 года на абонентский ящик жены Величко в Калининграде поступило наконец долгожданное письмо. Оно носило условный характер и непосвященному вряд ли бы что сказало, но для предателя в нем содержалось главное. Шведская разведка приняла его предложение и назначила конспиративную встречу на территории Литвы, в Вильнюсе. Мечта Величко стать богатым и потом перебраться на Запад, похоже, сбывалась. Не раздумывая, будущий агент, сгорая от нетерпения получить свой первый шпионский гонорар, выехал на явку под предлогом покупок на вещевом рынке.

Столица Литвы, где американские, британские и шведские спецслужбы свили себе «шпионские гнезда» и чувствовали себя как дома, встретила Величко негостеприимно. В Вильнюсе его ждало горькое разочарование. Он прождал Йонсона на условном месте около часа, но тот на встречу не пришел. Величко, несолоно хлебавши, вынужден был возвратиться домой. Шведская разведка, опасаясь возможной подставы советской контрразведки, не спешила с вербовкой, решила продолжить проверку кандидата в агенты. Одновременно, чтобы не допустить со стороны Величко необдуманных шагов, которые могли бы засветить его перед российской контрразведкой, Петер продолжал подогрывать в нем шпионские аппетиты новыми письмами.

Переписка продолжалась почти год. Первый контакт Величко с сотрудником шведской разведки на территории Литвы состоялся лишь в ноябре 1997 года. 20 ноября, после получения очередного обусловленного письма, он взял в строевой части свой загранпаспорт и отпусковой билет для поездки в Литву. А чтобы она не вызвала подозрений у командования и представителей военной контрразведки, как это уже было ранее, мотивировал поездку тем же, что и большинство сослуживцев, — необходимостью совершения покупок на вильнюсском вещевом рынке.

22 ноября поездом Величко прибыл в Вильнюс. В зале ожидания вокзала состоялась встреча с очередным Петером, так представился ему сотрудник шведской разведки. В качестве пароля он передал привет от первого Петера — переводчика с «Визборга» и предложил продолжить беседу в более располагающей обстановке. Величко колебался недолго, принял предложение и двинулся вслед за Петером.

Спустя несколько минут на тихой вильнюсской улочке с поэтическим названием Театро, в доме № 11, в конспиративной квартире шведской разведки, в течение двух часов шел вполне прозаичный разговор. Петер провел подробный разведопрос Величко о структуре разведки Балтийского флота, возможностях входящих в него корабельных соединений и по другим вопросам, характеризующим состояние боевой готовности частей. В качестве вознаграждения за этот «шпионский труд» выдал ему 3 тысячи долларов и 50 литовских лат. По завершении «делового» разговора шведский разведчик дал вновь завербованному агенту номер телефона в Стокгольме для экстренной связи и отработал задание по сбору секретной информации о Балтийском флоте. Очередную встречу они договорились провести через три месяца в Вильнюсе.

Расставшись с Питером, Величко решил оставшееся до отъезда время провести на широкую ногу и зашел в ресторан гостиницы «Литва». Здесь ему скучать долго не пришлось. Вскоре свободное место за его столиком заняла привлекательная девушка по имени Моника. В легком и непринужденном разговоре с ней незаметно пролетело несколько часов, и, чтобы не опоздать на поезд, Величко пришлось вызывать такси. При следующих приездах в Вильнюс он после явки с Петером каждый раз встречался с Моникой и, видимо, не жалел о потраченных гонорарах. Вероятно, не сожалела об этом и шведская разведка; она не только сэкономила свои кроны, но и получала через Моника немало полезной информации о своем агенте.

Обрадованный первым успехом в шпионском деле, Величко, возвратившись в Калининград, активно взялся за выполнение задания шведской разведки. Пользуясь своим служебным положением, он получал в штабе секретные документы и скрытно делал из них выписки. Этому ему показалось мало. Под различными предлогами шпион брал у ничего не подозревавших сослуживцев материалы, которые имели строго конфиденциальный характер, и копировал их.

Наступил февраль 1997 года, а вместе с ним и время очередной встречи с сотрудником шведской разведки. Как и предыдущая, она должна была состояться в Вильнюсе.

28 февраля в 12 часов Величко прибыл на заранее обговоренное место, но на явку никто не пришел. Пакет с собранными секретными сведениями, за которые он рассчитывал получить солидный куш, остался невостребованным, а в душе нарастала волна гнева и разочарования. Похоже, его расчеты подоить шведскую разведку, подкармливая ее порциями информации, не оправдались. Петер, выжав его как лимон на предыдущей встрече, видимо, решил поставить на нем крест. Слабым утешением Величко могло служить лишь то, что в шведской спецслужбе тоже хватало своего бардака. В ней ошиблись с датой явки. Он же, кипя от возмущения, направил на известный в Стокгольме адрес сигнальную открытку и возвратился домой, в Балтийск.

Прошел месяц, затем другой. Петер по-прежнему продолжал хранить загадочное молчание. Терпение у Величко иссякло. Пренебрегая полученными от него инструкциями, он в мае направил из Калининграда очередное письмо, в котором просил о встрече в Вильнюсе в середине июля. Вскоре поступил ответ со встречным предложением: перенести ее на сентябрь. Величко вынужден был согласиться, но на этот раз, чтобы не привлекать внимания контрразведки к своим участвовавшим поездкам в Литву, отправил в Вильнюс жену. Не посвящая ее в детали своих отношений с Петером, вручил ей два письма, страхуясь на тот

случай, если одно из них не дойдет до адресата. В обусловленной форме он извещал о своей готовности к встрече 12 сентября. Жена успешно справилась с этим поручением мужа. Для Величко потянулось время томительного ожидания.

Наступившее лето не принесло ему радости. Наоборот, одна неудача следовала за другой. Расчет на то, что за это время ему удастся собрать новые секретные данные по Балтийскому флоту и получить доступ к особо охраняемым сведениям, не оправдался. Командование не заключило с Величко контракт на продолжение службы. Попытка устроиться на гражданскую должность в качестве референта в Разведывательное управление Балтийского флота, как рекомендовали в шведской разведке, также оказалось безрезультатной. Свободных вакансий в Информационном центре, куда он так стремился, не нашлось.

Подошла осень. Поиздержавшийся Величко с нетерпением ожидал встречи с Петером в надежде пополнить тощий кошелек.

День 11 сентября 1998 года мало чем отличался для него от многих других. Он, как обычно, сел в вагон поезда, следовавшего в Вильнюс, но на границе с Литвой ему пришлось пережить не одну тревожную минуту. На этот раз российский пограничный и таможенный наряд как никогда тщательно проверял вещи и документы пассажиров. Промелькнувшее было у Величко подозрение, что контрразведка ведет охоту на него, так и осталось подозрением. Проверка благополучно завершилась. Он перевел дыхание и с радостью подумал о том, что поступил благоразумно, не взяв на встречу со шведским разведчиком собранные секретные материалы.

12 сентября 1998 года на очередной явке с сотрудниками шведской разведки вежливые разговорчики типа «господин Величко, мы Вам очень признательны за Вашу помощь», «Вы делаете благородное дело, чтобы улучшить взаимопонимание между Швецией и Россией в военных вопросах на Балтике» и т. п. закончились. В тот день шведская спецслужба не стала

особо церемониться и, как говорится, взяла своего агента за жабры. Петеру надоело буквально вытаскивать из Величко информацию. Он решил, что пора «потрошить хитрого караса», скидывавшего информацию порциями в расчете получить лишнюю сотню долларов.

Когда Величко поднялся в конспиративную квартиру, располагавшуюся в доме № 2 по улице Аусрос Варту, его ждал сюрприз: Петер оказался не один; вместе с ним на явку пришли еще двое. Их пристальные взгляды ничего хорошего не предвещали. Отступить было уже некуда, и он покорно отдался на их милость.

В течение трех суток с короткими перерывами они трясли Величко как грушу, рассчитывая вытрясти все, что он знал или мог знать. В первую очередь Петера и его спутников интересовали деятельность Разведуправления Балтийского флота, его кадровый состав, характеристики сотрудников, их слабости. На них шведская разведка рассчитывала сыграть, чтобы затем пополнить свой шпионский ряд. И когда вопросы на эту тему были исчерпаны, Петер и его подручные «прогнали» Величко по чисто военному перечню вопросов. В нем значились вопросы, касавшиеся строительства подводных лодок на верфях Санкт-Петербурга, организации армейской связи, а также многие другие, связанные не только с учебно-боевой деятельностью Балтийского флота, но и береговых частей.

В один из дней разговор продолжался непрерывно свыше шести часов. В ходе него шведы щедро делились с Величко обещаниями и не жалели ароматного, отменно приготовленного кофе. После нескольких чашек он почувствовал легкое недомогание, но не придал этому особого значения. Потом, спустя сутки, по возвращении домой, жена и сын обратили внимание на его странное состояние и не могли найти тому объяснения.

А причина была проста. Шведской разведке, видимо, надоело не совсем откровенное поведение агента, выдававшего

информацию порциями. Кроме того, увольнение Величко из Военно-морского флота и последующая безуспешная попытка устроиться на работу в качестве гражданского специалиста в Информационный центр Разведуправления Балтийского флота ставили под сомнение перспективу его дальнейшего использования как агента. Поэтому Петер спешил скачать с него всю информацию, и не исключено, что прибегнул к психотропным средствам.

Завершилась эта последняя явка вручением Величко очередного гонорара — 3 тысяч долларов и 300 литовских лат. В качестве нового задания ему было поручено продолжить сбор секретных сведений и вновь попытаться трудоустроиться в качестве референта в Разведывательное управление Балтийского флота. После явки он не спешил домой и отправился к Монике. Она свое дело знала, и Величко, окончательно покоренный ею, оставил ей на хранение полторы тысячи долларов.

Возвратившись в Балтийск, он возобновил шпионскую деятельность. В октябре, выполняя задание шведской разведки, он предпринял очередную попытку устроиться на работу в Разведывательное управление Балтийского флота, но вновь получил отказ.

Потеряв надежду получить доступ к важному источнику информации, который позволил бы решить все материальные проблемы, Величко настойчиво изыскивал любые другие способы ее получения. Но лезть с расспросами к бывшим сослуживцам или через дыры в заборе фотографировать боевую технику, рыться на мусорке, в надежде найти что-то стоящее, было слишком опасно. Рано или поздно это привело бы к «засветке» перед особистами. И тогда он не нашел ничего другого, как собирать экземпляры флотской газеты «Страж Балтики», надеясь выудить из них все то, что могло представлять хоть какой интерес для шведской разведки. Но флотская газета — не тот источник информации, из которого можно было «поить» Петера.

Обуявшая жажда наживы начисто притупила у Величко отцовские чувства: к сбору сведений о Балтийском флоте он привлек собственного сына. Тот, видимо, думал, что участвует в какой-то игре взрослых, когда с видеокамерой тайком пробирался по просьбе отца на территорию военно-морской базы, других режимных объектов в Балтийске и проводил съемки. Четыре видеокассеты отснятых сыном материалов — это было то, как полагал Величко, с чем можно было смело выходить на связь со шведской разведкой.

Наступил новый, 1999-й год. В душе Величко крепла надежда на то, что он наконец разбогатеет. К этому времени в тайнике лежал приготовленный для передачи Петеру очередной солидный блок информации. Информация включала в себя выполненные им ранее выписки из секретных сводок Разведуправления Балтийского флота, черновик донесения Разведуправления Балтийского флота в Главный штаб ВМФ, видеокассету с подбором материалов о боевой подготовке частей и подразделений, а также несколько материалов из флотской газеты «Страж Балтики» по военно-политической тематике. В душе он уже предвкушал, как вскоре в его руках заманчиво зашуршит не одна тысяча долларов.

5 февраля 1999 года Величко, уверенный в себе и успехе задуманного, отправился в Вильнюс на явку с Петером. Выйдя из дома, он спокойно зашагал к вокзалу. Его не терзало угрызение совести. Он уже все и давно решил для себя. Свое будущее связывал с жизнью за границей, до которой, как ему тогда казалось, оставался всего один шаг.

Но Величко глубоко ошибался в своих предположениях. Военные контрразведчики уже несколько месяцев внимательно следили за ним и кропотливо собирали доказательства его преступной деятельности и связи со шведской разведкой.

До отхода поезда оставалось несколько минут. Величко вошел в здание железнодорожного вокзала. И в этот миг оперативная группа захвата замкнула вокруг него кольцо.

В тот день, 5 февраля 1999 года, российскими контрразведчиками была пресечена шпионская деятельность еще одного изменника.

Когда-то в военном училище опытные наставники учили курсанта Величко навигации, астрономии и такому непростому флотскому искусству, как вязать морские узлы. Прошли годы. И этот, уже «шведский узел», который намертво связал имя бывшего капитана 3 ранга с клеймом предателя, он сплел себе сам.

Военный суд Балтийского флота, рассмотрев материалы уголовного дела на С. Величко, признал его виновным и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет. Он был лишен воинского звания капитан 3 ранга и всех государственных наград.

«Клон»

ГРУ — Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (ГРУ ГШ ВС РФ). Кто из молодых офицеров не только в дальних гарнизонах, но и в столичном гарнизоне не мечтал оказаться в числе тех, кто ведет полную риска и увлекательной романтики тайную войну спецслужб. Войну умов и нервов.

Яркие подвиги Р. Зорге, Ш. Радо, Л. Треппера, И. Штебе и других выдающихся разведчиков будут всегда привлекать в ряды этой особой военной касты тех, кто готов без страха и упрека защищать интересы своего народа и государства. Но вряд ли они, капитаны и майоры, сменившие забытые богом гарнизоны и скромную камуфляжку на столицу и модного кроя костюмы, имели представление о всей сложности и опасности будущей профессии. Об этом они узнали позже, когда им пришлось столкнуться лицом к лицу с жестоким и коварным противником, который не прощал слабостей, ошибок и безжалостно наказывал за них.

Не все они, оказавшись на самом острие тайной войны, где высшей победой становится перевербовка разведчика противника, выдержали ее накал. Одни с течением времени уходили с оперативной работы и перебирались на тихие кабинетные должности. Другие, попав под невидимый прицел иностранной спецслужбы, становились жертвами своих профессиональных ошибок и измененных чувств, которые наставники и руководители не смогли увидеть вовремя.

Алчность и стяжательство, обида и зависть, страх наказания за просчеты в работе — именно в эти слабые места разведчика и нацеливает свой коварный удар иностранная спецслужба.

Предатель... Двuruшник... Это худшее, что может быть в работе спецслужбы. За каждым из них стоят десятки разведчиков и их тайных помощников, отданных на растерзание иностранной контрразведки.

Двuruшник — это бесцельно потраченные силы и средства на разведывательные операции, которые оборачиваются невосполнимым политическим, экономическим и моральным ущербом.

Двuruшник — это самый опасный противник для спецслужбы. Он, знающий все тонкости тайной войны, тщательно оберегает подходы к своей «норе», но рано или поздно контрразведчики находят ее и вытаскивают предателя на «свет» — на скамью подсудимых.

Бывший генерал Д. Поляков выдал более 150 агентов и раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке свыше тысячи кадровых сотрудников. По словам руководства ЦРУ, он являлся «драгоценным камнем в короне американской разведки».

Бывший полковник О. Пеньковский — слуга двух разведок, американской и британской, выдал важнейшие сведения, касавшиеся строительства Ракетных войск стратегического назначения и систем ПВО страны.

Бывший капитан В. Резун (Суворов), о котором премьер-министр В. Путин как-то сказал, что «книг предателей не читаю», как бы ни рядился в одежды борца с тоталитаризма, в глазах профессионалов и просто порядочных людей навсегда останется мерзавцем.

Бывшие полковники В. Васильев, В. Баранов, А. Скрипаль, подполковник Г. Сметанин, майор А. Филатов, старший лейтенант А. Иванов — этот клонированный список изменников из ГРУ, к сожалению, будет и дальше продолжен, так как на тайном фронте не бывает перемирий.

Печальное тому подтверждение — бывший полковник Александр Сыпачев, пополнивший в 2002 году позорный ряд предателей. «Большое сито» контрразведки отсеяло его от сотен военных разведчиков, честно и добросовестно исполняв-

ших и продолжающих исполнять свой долг. Путь Сыпачева к предательству мало чем отличался от того, каким шли к нему другие изменники из ГРУ. Так же, как и они, он стал жертвой своей непомерной алчности и неудовлетворенных амбиций, пересиливших страх расплаты за предательство. А начиналось все так хорошо...

В личном деле курсанта Сыпачева, затем лейтенанта и, наконец, полковника придирчивому глазу контрразведчика, кажется, не за что было зацепиться. Вначале у него складывалось все так, как у всех. Теперь уже в далеких 50-х годах прошлого века жизнь Сыпачева, тогда еще Саши, мало чем отличалась от жизни сверстников. Холодное и полуголодное послевоенное детство, проведенное на Урале, навсегда осталось в памяти. В северном промышленном городке Краснокамске Молотовской области (ныне Пермского края) выбор жизненного пути был небогат — работа на заготовках леса или на местном механическом заводе.

Выпускнику десятого класса Александру Сыпачеву повезло больше, чем другим. Он с первого раза поступил в военное училище. Курсантская форма подчеркивала его ладную фигуру и была ему к лицу. Но не только это привлекало внимание местных барышень. Самые дальновидные из них полагали (и не без основания), что зарплата в 200 рэ и больше и бесплатная служебная квартира стоят того, чтобы помотаться с мужем какое-то время по дальним гарнизонам.

После окончания училища лейтенанту Сыпачеву снова улыбнулась удача. Как говорится среди военных, Бог создал Сочи, а черт Могочу (есть такой городок в Забайкальском крае). В Могочу и на Кушку поехали другие. Правда, в Сочи он не попал, но об этом не слишком горевал. Служба в обустроенном гарнизоне была не худшим вариантом. Молодая жена с пониманием отнеслась к временным тяготам и лишениям. Тем более терпеть их долго не пришлось. Деятельный и грамотный офицер Сыпачев привлек внимание разведчиков, и в его военной карьере произошел резкий поворот.

Служба «от подъема до забора», работа по принципу «круглое тащить, квадратное катить» и изматывающие инспекторские проверки остались позади. Жизнь в столице и захватывающе интересная учеба, о которой даже не мечтал, открыли ему совершенно иной мир. В секретных классах он с трепетом изучал методы деятельности легендарных офицеров отечественной военной разведки. В нем заговорило здоровое честолюбие: он может стать одним из них. И со всем пылом молодости упорно грыз гранит новой науки.

Закончилась учеба. Начались суровые будни. Вскоре в прозе жизни поблек ореол романтики. На практике разведка оказалось делом не только тяжелым, но и зачастую рутинно-утомительным. Шли годы. Сыпачев получал в срок положенные должности и рос в звании. Но большой успех в работе чаще приходил к другим. Своего суперагента он так и не завербовал и потому, особенно не перетруждаясь, тянул лямку до предельного потолка. Там его ждали приличная пенсия, должность кадровика или зама по режиму в солидной госструктуре, ритуальные встречи с молодежью и раз в год прием на торжественном вечере в ГРУ.

Август 1991 года в одночасье лишил Сыпачева всего этого. Зарплата полковника упала до уровня помощника машиниста метро, а почти пенсионный возраст оставлял ему надежду разве что на место «вратаря на калитке» у какого-нибудь юного олигарха. В это же время на глазах Сыпачева стремительно рождалась новая жизнь. Она слепила блеском рекламы, оглушала ревом двигателей «бентли», «порше» и «ягуаров». И ему, видимо, показалось, что после 22 лет почти безупречной службы он очутился на обочине жизни.

Смута, охватившая в те годы страну, воцарилась и в его душе. И ему уже казалось, как в песне кумира молодежи 60–70-х годов В. Высоцкого, «Все не так!.. Все не так, ребята!».

Не так все пошло по службе. Не так все складывалось в семье. Жена, которая до поры до времени терпеливо сносила его нервные срывы, постепенно отдалялась. Дети выросли и жили

самостоятельной жизнью. Развод стал неизбежен. Сыпачев, надо отдать ему должное, не стал затевать скандалов и трепать себе нервы в судах, а просто ушел к другой женщине, оставив жене и детям квартиру и то, что в ней находилось.

На пятом десятке лет начинать новую жизнь в чужих стенах с висящим на шее банковским кредитом и пугающим своей близостью увольнением в запас, а еще больше — непредсказуемым будущим становилось страшно. А жить, и жить красиво, очень хотелось. Денежное место в «Газпроме» ему не светило, так как «Газпром» был домом для других, избранных. Идти с пистолетом и грабить банк, которому задолжал, было глупо.

После мучительных раздумий Сыпачев пришел к мысли, как решить все проблемы одним махом. Большие деньги и быстро ему могли дать, как он полагал, только американцы или британцы за секретные сведения, которыми он владел. Прижимистость МИБ англичан была общеизвестна, и поэтому он остановился на ЦРУ.

От исполнения задуманного Сыпачева отделял не один день. Страх разоблачения продолжал удерживать его от рокового шага. В памяти невольно всплывали арест и осуждение Сметаниных, Полякова, Баранова, а по ночам мучили кошмары. Полушепотом передававшаяся среди сотрудников ГРУ история последних минут жизни предателя Пеньковского, которого якобы живьем запихнули в печь крематория, во сне вызывала жуткое видение: это не Пеньковского, а его, Сыпачева, жарили на раскаленных углях.

Наступал новый день. Страх рассеивался. И уступал место подленьким мыслям. В конце концов жажда денег и надежда на русское авось взяли верх. Сыпачев сделал решительный шаг к предательству...

День 26 февраля 2002 года для дежурившего на посту у южных ворот посольства США в Москве старшего лейтенанта милиции Сергея Савенко мало чем отличался от предыдущих. От крепкого мороза перехватывало дыхание, а на глазах невольно наворачивались слезы. Кутаясь в ворот постового тулупа,

Сергей внимательным взглядом встречал и провожал редких прохожих. Одни настроенно, другие с любопытством косились на особняк американского посольства, ощетинившийся антеннами, и, подгоняемые ветром и строгими взглядами постовых милиционеров, торопливо проходили дальше.

Стрелки часов подбирались к одиннадцати. Приближалось время смены. Сергей в душе предвкушал, как в дежурке отогрется горячим кофе и даст отдохнуть гудевшим от усталости ногам. Но в это время его внимание привлек мужчина среднего роста, закутанный шарфом по самые глаза. Неуверенным шагом он приближался к посту. На вид ему было не больше пятидесяти, в одежде ничем не отличался от среднего москвича. Сергея привлекли его глаза: они настроенно бежали по сторонам, а в глубине их плескались сомнение и страх.

Савенко напрягся, опасаясь возможной провокации или хулиганской выходки, которые время от времени устраивали ура-патриоты и душевнобольные против посольства США и его сотрудников. Неизвестный, оглянувшись по сторонам, после секундного колебания неуверенно шагнул к воротам. Сергей преградил путь и потребовал документы. Подрагивающей рукой тот вытащил из кармана пальто и предъявил для проверки паспорт на имя Сыпачева Александра Евгеньевича.

Сергей просмотрел страницу за страницей. Место рождения — город Краснокамск Пермской области, прописка — московская. После чего испытывающим взглядом прошелся по хозяину. Тот еще больше занервничал и на вопросы, к кому и с какой целью направляется в посольство, стал давать путаные объяснения, затем смешался и, развернувшись, быстрым шагом удалился.

С того времени прошло около пяти часов. Савенко снова заступил на пост. Подходил к концу рабочий день, и на улицах, несмотря на усиливающий мороз, стало заметно оживленнее. Его наметанный взгляд издали приметил Сыпачева. На этот раз он действовал более решительно и уверенно назвал имя американского дипломата, назначившего ему встречу. Прошло

несколько минут, и к нему вышли два сотрудника посольства. Вместе с ними он зашел в здание и находился там до 17.20. О чем говорили с ним американские дипломаты, Савенко, конечно, не мог знать, но нервозное, со странностями поведение Сыпачева не осталось без его внимания.

В тот же день информация на нервного посетителя посольства США поступила в органы ФСБ. Результаты предварительной проверки заставили контрразведчиков насторожиться. Сыпачев оказался военнослужащим. И не просто военнослужащим российской армии, а полковником ГРУ! Вскоре эта настороженность переросла в нечто большее. У них появились серьезные основания подозревать Сыпачева в шпионской деятельности. Они установили, что какого-либо задания у своего руководства на посещение посольства США он не получал. Более того, по команде о своем визите, как положено, никому не доложил.

Несанкционированный выход Сыпачева на контакт с американцами заставил сотрудников контрразведки принять быстрые и энергичные меры по внесению ясности в существо возникших против него подозрений. С учетом его прямого доступа к секретам, составляющим государственную тайну, осведомленности о кадровом составе и перемещениях сотрудников в аппарате ГРУ, а также о ряде разведывательных операций, проводимых российской военной разведкой за рубежом, малейшее промедление в проверке грозило серьезным ущербом национальным интересам страны. Поэтому сразу же после поступления в ФСБ информации на Сыпачева из числа опытных сотрудников была создана оперативная группа; к работе она приступила в тот же день.

В первую очередь контрразведчики стремились выяснить, какие обстоятельства побудили опытного военного разведчика Сыпачева, хорошо знавшего все последствия такого шага, сунуться в «осиное гнездо» шпионажа. Анализ предварительно собранных на него оперативных материалов давал основания предположить, что семейные неурядицы, после которых он

был вынужден оставить жене квартиру, и нужда в деньгах могли стать серьезным мотивом, подтолкнувшим на контакт с американской разведкой.

Эта версия требовала документального подтверждения. С того дня оперативные и технические службы ФСБ с санкции суда взяли под плотный контроль каждый шаг Сыпачева. Первое подтверждение об установлении им шпионской связи с американской разведкой поступило в конце марта 2002 года. Спустя три недели после визита в посольство США на его телефон проследовал звонок. В короткой беседе Сыпачев и пока неизвестный контрразведчикам собеседник прибегали к условностям, но профессионалам они сказали многое. Оперативная версия о шпионском характере его отношений с сотрудниками американского посольства в Москве находила подтверждение.

29 марта Сыпачеву последовал очередной звонок. В состоявшемся коротком разговоре собеседник предложил ему в тот же день встретиться возле магазина ИКЕА в городе Химки Московской области. Он согласился и, когда наступил вечер, направился к месту встречи. По пути несколько раз менял транспорт и осуществлял проверку с целью выявления за собой наружного наблюдения. Эти действия еще больше усилили подозрения контрразведчиков в том, что Сыпачев направляется не на прогулку, а на явку.

Около магазина ИКЕА его поджидал сотрудник американской резидентуры в Москве. Разговор между ними занял всего несколько минут. Денег, на которые так рассчитывал Сыпачев, он не получил — их предстояло еще отработать. В конверте, что незаметно перешел из рук в руки, лежали первое шпионское задание и инструкция о порядке постановки сигнала готовности к выходу на очередную явку для передачи собранной информации.

В выборе способа связи и обмена шпионскими материалами с Сыпачевым американская разведка не стала оригинальничать. Ее страсть к тайникам и необъяснимая привязанность к мо-

сковским фонарным столбам и стенам были хорошо известны российской контрразведке еще со времен разоблачения Пеньковского. Тогда тоже для обмена сигналами связи использовали фонарные столбы, троллейбусные остановки и предметы дамского туалета.

В тот день, 29 марта, на встрече у магазина IKEA американский разведчик не стал перегружать инструктажами вновь завербованного, но уже достаточно искушенного в тайных делах агента, а сразу перешел к делу. Он предложил Сыпачеву производить обмен шпионскими материалами через тайник на пешеходном переходе, проходившем над железной дорогой неподалеку от станции метро «Студенческая». Сигналом о закладке тайника должна была служить метка красного цвета размером 15 сантиметров, выполненная на бетонном фундаменте дома № 17 по улице Минской.

После встречи с американским разведчиком с души Сыпачева словно свалился камень. Ему казалось, что их контакт контрразведчики не заметили. На службе все шло своим чередом. Семейную жизнь тоже ничто не омрачало. Страх наказания за совершенное преступление притупился, а близкий денежный мираж кружил голову. Сыпачев рьяно взялся за выполнение задания. Уже к 3 апреля его убористым почерком были исписаны два стандартных листа. В них содержались совершенно секретные и секретные сведения, раскрывающие принадлежность ряда армейских офицеров к военной разведке, данные о ее агентах, а также о ряде операций ГРУ, проводимых за рубежом.

Что думал и испытывал в те минуты Сыпачев, когда вносил в свой предательский список тех, с кем прослужил не один год и у кого в гостях чувствовал себя как дома? Стыд? Угрызения совести? Вряд ли. К этому времени их заменили деньги.

3 апреля 2002 года жена Сыпачева, отправляясь на работу, не нашла своей губной помады. Помаду взял Сыпачев, чтобы поставить метку-сигнал для американской разведки о том, что готов к закладке в тайник собранной информации. В 21 час его рука вывела на бетонном основании дома № 17 по улице

Минской жирную красную черту длиной 15 сантиметров. Черту, которая навсегда отрезала Сыпачева от коллег по службе и прошлой жизни.

На следующий день разведчики наружного наблюдения зафиксировали появление у дома № 17 по Минской улице сотрудников американской резидентуры. Они сняли сообщение своего агента, а контрразведчики сняли их. Оперативная фильмотека пополнилась еще одним доказательством шпионской связи Сыпачева с иностранной спецслужбой. С того часа операция по пресечению его преступной деятельности перешла в решающую фазу.

Военным контрразведчикам и их коллегам из других управлений ФСБ предстояло решить несколько сложнее задач. В первую очередь они не должны были допустить перехода в руки американской разведки собранной Сыпачевым секретной и совершенно секретной информации. Одновременно им необходимо было не пропустить тот единственный момент, когда можно взять предателя с поличным. Поэтому в оперативном штабе до глубокой ночи снова и снова выверяли каждую деталь операции.

Наступило 4 апреля. С раннего утра ряд оперативных, технических служб ФСБ и группа захвата были приведены в повышенную боевую готовность. Члены оперативного штаба управления операцией заняли свои места на командном пункте. Результаты наблюдения за поведением Сыпачева и установленных разведчиков американской резидентуры в Москве подтверждали первоначальное предположение о том, что в ближайшие часы возможна закладка и выемка из тайника шпионской информации.

Теперь уже оперативная техника и разведчики наружного наблюдения контролировали каждый шаг Сыпачева. Тот пока вел себя ровно, и только ближе к вечеру в его поведении стали заметны признаки напряженности и нервозности. В оперативном штабе приготовились к проведению заключительного этапа операции — к захвату Сыпачева с поличным. Его действия гово-

рили о том, что до завершения операции оставались считанные минуты: Сыпачев, петляя и путая следы, выходил на тайник.

Поезд метро сбросил скорость, медленно подкатился к платформе на станции «Студеческая» и остановился. Двери вагона распахнулись, и шумная стайка студентов вынесла Сыпачева к эскалатору. Разведчики наружного наблюдения сосредоточились и не спускали с него глаз, стараясь не пропустить момент сброса информации. Поблизости кружили американские разведчики: они тоже нацелились на тайник.

Группа захвата подтянулась ближе к Сыпачеву. Отсчет времени шел уже на секунды. Камеры скрытого наблюдения фиксировали каждое движение и жест шпиона. В оперативном штабе напряжение достигло предела. Команда «Захват!» витала в воздухе. Глаза всех были прикованы к серой тени на экране монитора, которая плыла и двоилась в вечерних сумерках.

Сыпачев, избегая яркого света фонарей, осторожным шагом крался по улице к переходу над железной дорогой. Там ему предстояло запихнуть в щель между бетонным забором ограждения и первой ступенькой полиэтиленовый пакет со шпионской начинкой.

Впереди показалась горбатая ферма моста. Сыпачев бросил нервный взгляд на часы. Стрелки показывали ровно 21.00. Подошло время закладки тайника. Он действовал четко, по инструкции: когда нога наступила на первую ступеньку перехода, рука вытащила из кармана пакет и торопливо сунула его в темную щель.

Сыпачев распрямился и сделал шаг. В следующее мгновение его припечатали к стенке: группа захвата ФСБ действовала молниеносно. Обмякшего, словно мешок, американского агента подхватили под руки и потащили к машине. Потом, когда прошел шок, он еще пытался откреститься от шпионской деятельности, но предъявленные вещественные доказательства заставили его дать признательные показания.

Следствие по уголовному делу в отношении Сыпачева, обвиняемого по ст. 275 УК РФ «Государственная измена»,

длилось семь месяцев. Последняя точка в нем была поставлена 11 ноября 2002 года. Московский окружной военный суд признал Сыпачева Александра Евгеньевича виновным в покушении на государственную измену и, учитывая его чистосердечное раскаяние и активное содействие следствию, приговорил к восьми годам лишения свободы. В соответствии со ст. 48 УК РФ он был лишен воинского звания полковник. Еще один клон изменника получил по заслугам.

Прерванная гастроль

3 август 2005 год. Москва. Курский вокзал. Время — 10.03.

Летний зной уже четвертые сутки немилосердно палил Москву. Крохотный пяточок площади перед Курским вокзалом, зажатый со всех сторон бетонными коробками домов и супермаркетов, напоминал раскаленную сковородку. Но Андрей Думенков, казалось, не ощущал этого пекла и не слышал гомона людской толпы. Внутри его все дрожало от напряжения. Перед этой решающей встречей с «хозяином секретов» страх вновь проснулся в нем и стиснул в своих когтистых лапах отчаянно трепетавшее сердце.

Постреливая затравленным взглядом по сторонам, Думенков ждал и не мог дождаться, когда же Градов престанет говорить. Полиэтиленовый пакет, с которым тот все никак не решался расстаться, подобно магниту притягивал к себе. В нем находилось то, ради чего он опасно рисковал последние месяцы. Гибкая магнитная дискета с совершенно секретными сведениями о Владимирской ракетной армии и образец специального прибора радиационно-химической разведки должны были обеспечить будущую безбедную жизнь, о которой на каждой встрече ему твердил сотрудник германских спецслужб Бенн Андреас.

Наконец Градов смолк и красноречиво дал понять, что ждет ответной благодарности за свою услугу. Думенков торопливо сунул ему пропитавшийся потом ком долларов и схватил пакет. Страх, все это время давивший его невидимым прессом, исчез. Он с облегчением вздохнул. Сделал шаг к метро и...

А дальше произошло то, что ему не могло присниться в самом кошмарном сне.

Людской поток, казавшийся аморфным, вдруг стиснул его и опрокинул на асфальт. В следующее мгновение свет перед глазами померк, плотная черная маска скользнула по лицу и затянулась тугой петлей на затылке, а на руках защелкнулись наручники. Чьи-то цепкие пальцы сноровисто обшарили ворот рубашки и вывернули карманы. Ампулы с ядом и оружия при нем не оказалось. Нынешние германские агенты были не чета головорезам абвера, собственную шкуру они ценили дороже, чем преданность фюреру от шпионажа.

Операция по захвату Думенкова с поличным заняла не больше нескольких секунд и привлекла внимание разве что двух-трех вокзальных зевак. С разинутыми ртами они наблюдали, как его тело, обвисшее тряпичной куклой на руках группы захвата, проплыло в зыбком мареве и исчезло в темном зеве крытого автофургона. Прошла минута. И уже ничто не напоминало о том, что на пяточке привокзальной площади Курского вокзала завершилась еще одна операция военных контрразведчиков.

В то время как генерал Александр Рудов докладывал в Департамент военной контрразведки ФСБ России генерал-майору Анатолию Сердюку о захвате шпиона с поличным, сам Думенков затравленным взглядом косился на молчаливых спутников. Они, плотно стиснув его своими телами, до самой Лефортовской тюрьмы так и не проронили ни слова. Там ему вместе со следователями Федеральной службы безопасности предстояло снова пройти путь своего падения и предательства. Путь, на который он, сам того не подозревая, ступил девять лет назад, в 1996 году.

Тот год круто изменил судьбу бывшего комсомольца, бывшего пограничника, жителя древнего русского города Костромы Андрея Думенкова. В трудные 90-е годы одни, обреченно сложа руки, отдались на волю судьбы. Другие, хваткие и напористые, в той волне неразберихи, захлестнувшей страну, принялись алчно терзать и растаскивать по своим углам то, что с таким трудом создавали их отцы и деды. Неумное стяжательство, подобно ржавчине, разъедало их души.

Не устоял перед соблазном преуспеть и Думенков. Однако страстное желание стать богатым на родине в одночасье так и не удалось осуществить. Прошлая армейская закваска мешала ему урвать для себя кусок у слабого и переступить через старую дружбу. И тогда он попытался найти счастье в сытой и благополучной Германии, рассчитывая на то, что родственники жены помогут встать на ноги.

В 1996 году семья Думенковых получила разрешение на выезд и отправилась из тихой, патриархальной Костромы в Германию. Но жизнь на чужбине оказалась далеко не сахар. Яркие краски западной жизни при ближайшем рассмотрении оказались всего лишь рекламным фасадом. Здесь он оказался чужим, а с его прошлой специальностью найти хорошо оплачиваемую работу оказалось не так-то просто, и, чтобы как-то существовать, ему пришлось заняться «челночным» бизнесом.

Перегон в Россию «серых» иномарок, ввоз лекарственных препаратов и электроники отнимали немало сил, нервов и здоровья, но так и не принесли Думенкову желанного богатства. Жажда наживы толкнула его на опасный путь контрабандиста. Появившиеся вскоре шальные деньги стали незаметно, исподволь разрушать моральные устои бывшего пограничника, но сам он этого не замечал. Не почувствовал Думенков грозящей опасности и тогда, когда от него ушла жена, отдалились друзья. В погоне за евро и долларом он пускался во все более рискованные коммерческие операции. Несколько раз только чудо, казалось, спасало его от ареста на таможне. Но никакого чуда не было: германская контрразведка, а затем и разведка уже давно обратили на него пристальное внимание.

Энергичный и не лишенный авантюризма Думенков, будучи выходцем из региона, где находились важнейшие оборонные объекты — дивизия Ракетных войск стратегического назначения, штаб Владимирской ракетной армии, и имевший широкие связи среди бывших и действующих военнослужащих, был обречен на то, чтобы привлечь к себе внимание спецслужб Германии. Но опытные ловцы душ потенциальных агентов не

спешили выходить на него с вербовочным предложением, и терпеливо плели невидимую сеть. Они скрупулезно собирали информацию о его слабостях и давали все глубже завязнуть в трясине контрабандных сделок.

В то время Думенков и не подозревал, что его деловой партнер Бенн Андреас, отличавшийся просто-таки патологической страстью ко всему тому, что было связано с советской и российской армией, переплачивал ему за привезенный товар не из-за дружеских чувств. Понял он это гораздо позже, но что-либо изменить уже не мог. А все началось с безобидной, казалось бы, армейской атрибутики. Думенков заваливал ею щедрого на оплату коллекционера. Однако вскоре Бенн стал требовать не просто армейские фуражки, кепки и шевроны, но и кое-что посущественнее: образцы военных приборов и узлы боевой техники, а это уже пахло шпионажем. Но Думенков не почувствовал опасного запаха такого бизнеса и, рискуя оказаться за решеткой, начал таскать их через границу.

К концу 2003 года в германской разведке посчитали, что он созрел для серьезной работы, и стали готовиться к вербовке. Сомнений в ее успехе не было. К тому времени Думенков основательно завяз в темных сделках.

Наступил февраль 2004 года. Очередной его вояж в Россию, во время которого он вывез чуть ли не весь ассортимент армейского магазина, не принес прибыли. На этот раз Бенн остался равнодушен к военной атрибутике и мало что купил. Однако чтобы как-то сгладить горечь потери коммерческой выгоды, которая была написана на лице Думенкова, заявил о своей готовности еще раз встретиться, чтобы обсудить серьезное деловое предложение.

Отправляясь на встречу, Думенков и не подозревал, чем она для него обернется. Испытанный деловой партнер, ходительный в манерах и вкрадчивый в речах, Бенн вряд ли мог вызвать у него какие-либо подозрения. Разговор начался с обсуждения результатов поездки в Кострому. Но постепенно (в какой момент — Думенков и не заметил) беседа ушла в сто-

рону от деловых вопросов. Бенн принялся расспрашивать об оборонных предприятиях и военных объектах, находившихся на территории Костромской и Владимирской областей. И чем дальше продолжалась эта странная, уже не деловая беседа, тем все более неуютно чувствовал себя Думенков.

Бенн знал о нем буквально все. Это вначале обескуражило, а затем напугало Думенкова. И когда тот недвусмысленно намекнул на серьезные нелады с германским законом, то он окончательно поплыл. Западня, коварно устроенная германскими спецслужбами, захлопнулась. Где выход? И Бенн «великодушно» указал на лазейку: предложил заняться более серьезным бизнесом — сбором секретной информации о новейших российских разработках в области вооружений, в частности бронетанковой техники.

В первые минуты Думенков растерялся. Бывший пограничник еще не забыл, что такое шпионаж и чем это грозит. И попытался отказаться. Но очередное упоминание Бенна о занятии контрабандой сделало его сговорчивее, а обещание щедрого вознаграждения окончательно пересилило все страхи. Он дал согласие на сотрудничество с германской разведкой, и они на том ударили по рукам.

На следующих встречах Бенн галопом прошелся с Думенковым по азбуке шпионского ремесла. И уже весной 2004 года свежеиспеченный шпион возвратился в Кострому и приступил к выполнению задания. Первым делом он попытался восстановить прошлые связи среди военнослужащих и запасников. В разговорах с ними расхваливал жизнь в Германии и одновременно исподволь прошупывал их настроения, сочувствовал трудностям, которые они испытывали по службе, намекал на возможность хорошо подзаработать. Тем, кто проявлял к этому интерес, он сообщал по секрету о своих крутых связях в Германии, которые заинтересованы в получении информации о новейших военных разработках и готовы за них щедро платить.

На подозрительную активность Думенкова в установлении нужных связей и направленность его интересов обратили вни-

мание военные контрразведчики. В Управление ФСБ России по Владимирской армии и Отдел военной контрразведки по Костромской ракетной дивизии одно за другим стали поступать оперативные данные об этом. Генерал А. Рудов усмотрел знакомую руку иностранной разведки. В пользу данной версии говорили конкретные факты. Думенков пытался уговорить своих знакомых добыть ему материалы, относящиеся к новейшим разработкам в области ракетной техники и средств ПВО.

Вместе с тем наглая самоуверенность и нахальство в действиях Думенкова первоначально смутили генерала А. Рудова и его подчиненных. Они полагали, что так бесцеремонно работать агент иностранной спецслужбы не может и что его знакомые, принимавшие хвастливый треп за чистую монету, заблуждались. Но заблуждались не знакомые, а сам Думенков. Потеряв родину, семью и самого себя, тот самонадеянно считал, что в этом мире все покупается и продается и потому его знакомые будут готовы за тридцать серебряников торговать чем угодно и где угодно. И здесь агент германских спецслужб жестоко просчитался.

В декабре 2004 года, во время очередной встречи со старым приятелем Беловым, Думенков прямо предложил ему за солидное вознаграждение оказать помощь в поиске и приобретении документальных материалов военного характера, в том числе составляющих государственную тайну. В подтверждение серьезности своих намерений он сослался на наличие надежных связей в спецслужбах Германии. Их имен и фамилий Думенков не назвал, но намекнул, что они обещали кругленькую сумму за будущее сотрудничество. Наряду с Беловым в том же духе он пытался вести обработку еще нескольких знакомых, которые могли иметь выходы на секреты.

Такая настойчивость Думенкова в поисках путей подхода к получению сведений военной и государственной важности создавали реальную угрозу утечки секретной информации за рубеж. Потому контрразведчики решили действовать на упреждение. Они стремились не только сорвать преступные планы

Думенкова, но и не допустить втягивания российских граждан в шпионскую деятельность, что было не менее важно. Одновременно с этим генерал Рудов по согласованию с руководством Департамента военной контрразведки ФСБ России посчитал возможным использовать сложившуюся ситуацию против самой германской спецслужбы. Он предложил завязать с ней оперативную игру и через Думенкова сбрасывать дезинформацию.

Ключевая роль в этой операции должна была принадлежать будущему помощнику контрразведчиков. По оперативному замыслу, именно ему предстояло замкнуть на себя все попытки шпиона по собору информации, а в последующем внедриться в германскую спецслужбу. Но там работали настоящие профессионалы, не чета скороспелому агенту Думенкову, и потому риск провала будущего разведчика нельзя было исключать. Времени на поиски такой кандидатуры у руководства оперативного штаба операции почти не было.

Думенков, подстегиваемый германскими спецслужбами, продолжал лихорадочно искать выходы на нужных военнослужащих. В этой гонке со временем и шпионом контрразведчикам приходилось рассчитывать на то, что слова «долг» и «родина» не были пустым понятиями для большинства земляков Думенкова. И они не ошиблись. Белов и бывшие офицеры штаба Владимирской ракетной армии Лазарев и Градов, которых Думенков рассчитывал склонить к сбору секретной информации, родиной не торговали. Сразу же после бесед с Думенковым они обратились с заявлениями в органы безопасности и сообщили о попытках склонения их к шпионажу.

С того дня вся дальнейшая деятельность Думенкова находилась под внимание контрразведчиков. А он, несмотря на предупреждения Белова и Лазарева об опасности подобных действий и их уголовной наказуемости, продолжал настойчиво искать возможности выполнения задания своих немецких руководителей.

12 января 2005 года, находясь на лечении в 1-й городской больнице Костромы, Думенков пригласил к себе Лазарева и

вновь предложил ему собрать за денежное вознаграждение данные, касающиеся систем радиоэлектронного обнаружения ракет, локации низколетящих летательных аппаратов и других элементов обороны российских Вооруженных сил. В той же беседе он впервые признался, что действует по заданию сотрудника германской разведки Бенна Андреаса.

После этого признания для контрразведчиков не только окончательно прояснилась шпионская цепочка, но и определился помощник, которому предстояло пройти по ней и внедриться в германскую спецслужбу. Это был Лазарев. Он, пожалуй, лучше других подходил для той роли в операции, которую задумали генерал Рудов и его подчиненные. Лазарев был человеком не робкого десятка, с хорошей выдержкой и имеющий выходы на секреты, за которыми охотился Думенков.

Предложение контрразведчиков Лазарев принял без колебаний. Его не испугала встреча с германскими спецслужбами и возможная проверка спецсредствами. Но одного этого было мало. Подготовкой Лазарева к операции занялись опытные специалисты-психологи, а контрразведчики принялись кроить «секретную заготовку» для Думенкова и его хозяев.

31 января 2005 года его настойчивые попытки добыть секретные данные увенчались наконец-то успехом. Да еще каким! В тот день он получил от Лазарева дискету с совершенно секретным материалом: оглавление к «Техническому описанию пусковой установки ракетного комплекса «Тополь». Это была серьезная наживка для любой спецслужбы, и военные контрразведчики обоснованно полагали, что германская разведка на нее обязательно клюнет.

Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Приобретенного секретного материала Думенкову показалось мало, и он задержался в Костроме в надежде пополнить шпионский багаж. Через Градова он надеялся получить «Техническое описание станции засечки ядерных взрывов». И тот не подвел его.

18 февраля Думенков выехал из Костромы в Москву. Там на станции метро «Октябрьская», как в настоящих шпионских

триллерах, провел конспиративную встречу с Градовым. Тот передал ему электронную версию «Техописания», к которому свою руку приложили контрразведчики. Теперь шпиону было что доложить Бенну и получить наконец долгожданный гонорар.

В приподнятом настроении Думенков выехал в Германию. Будущее ему рисовалось в радужных тонах. Лазарев, Градов и Белов, а с ними еще парочка кандидатов в агенты, составят резидентуру, которая завалит его секретами, после чего ему только и останется, что регулярно пополнять счет в банке. Не омрачила настроение даже придирчивая проверка на границе. Закончилась она благополучно. Дорога была открыта. Впереди ждали Бенн и богатство.

Приехав в Германию, Думенков тут же связался с ним, но тот, к удивлению, не ринулся на встречу, сославшись на проблемы, предложил перенести ее на более позднее время.

Германская разведка решила проверить, чем дышит ее агент по возвращении из России. Через несколько дней после завершения проверки Бенн назначил Думенкову встречу в пригороде города Кассель, в заштатной закусочной на пересечении 7-го и 4-го автобанов.

Началась встреча с простого бургерского обеда, во время которого Думенков доложил о выполнении задания и передал Бенну привезенные с собой материалы. Но долгожданный золотой дождь на него так и не пролился. Германская разведка не спешила раскошелиться. Сославшись на необходимость проведения консультации со специалистами по содержанию материалов, Бенн перевел разговор на новое задание и предложил Думенкову добыть образцы новейших российских приборов радиационной и химической разведки. Тому ничего другого не оставалось, как, скрипя зубами, взяться за его выполнение.

Он снова отправился в Россию и по приезде принялся разыскивать Градова и Лазарева. В беседах с ними, суля хорошие деньги, стал уговаривать их добыть эти приборы. Но они, а вместе с ними и контрразведчики не спешили снабжать его

новой дезой, надеясь выяснить, что еще интересует германскую разведку. И этот расчет вскоре оправдался.

В начале апреля Бенн по своей инициативе позвонил Думенкову. Прибегая к условностям, он поручил ему добыть информацию о новейших российских ракетных комплексах, в том числе и последнего поколения. Затем подробно опросил по Лазареву и поинтересовался возможностью организации его поездки к нему в гости. Думенков с полуслова догадался, о чем идет речь, и заверил, что будет над этим активно работать.

Тонкий ход генерала Рудова и его подчиненных с вводом в оперативную игру Лазарева сработал. Видимо, в германской разведке после всестороннего изучения полученных от него материалов их высоко оценили и «положили глаз» на него как на перспективный источник информации. В ее планах, вероятно, уже вырисовывалась разветвленная и хорошо законспирированная резидентская сеть в России. Первым кандидатом в нее предстояло стать Лазареву.

Думенков приступил к выполнению задания Бенна. Не раскрывая истинной цели поездки, он принялся уговаривать Лазарева вместе съездить в Германию к другу. Что это за друг, контрразведчикам не требовалось гадать. Но они тянули время как могли, чтобы успеть подготовить его для участия в следующем этапе операции — оперативном внедрении в германскую спецслужбу.

Теперь многое, если не все, зависело от надежности, смелости и находчивости Лазарева. Там, в Германии, он мог рассчитывать только на самого себя. Его готовность и желание помочь в изобличении недружественных по отношению к России действий германских спецслужб не вызывали сомнения. Однако эмоции и чувства не так-то легко спрятать от мастеров шпионажа, тем более на детекторе лжи. Последнее слово оставалось за специалистами-психологами. Их проверку Лазарев прошел успешно. Пять лет учебы в военном училище и годы службы в войсках закалили его характер, это подтверждали результаты тестирования. Они говорили о том, что в сложных

ситуациях он не растеряется и не допустит своей расшифровки перед спецслужбами.

8 июля 2005 года Лазарев выехал в Германию вместе с Думенковым. Спустя три дня вблизи города Кассель, в местечке Потенсдорф, у них состоялась встреча с Бенном. Как и прошлый раз, она проходила в закусочной, и снова германский разведчик угостил их скудным обедом. Уже начало разговора показало Лазареву, что Думенков сообщил о нем как о кандидате в агентурную сеть германской спецслужбы все, что знал. Прощупав его наводящими вопросами, Бенн перешел к делу и, судя по дальнейшему разговору, оказался далеко не дилетантом в том, что касалось военной тематики.

Беседа заняла больше часа и закончилась тем, что Думенков передал Бенну распечатки из «Технического описания ракетного комплекса «Тополь», но денег за них так и не получил. Тот вновь, сославшись на необходимость изучения материалов специалистами, предложил провести оплату на следующей встрече.

Очередную явку Бенн назначил на 16 июля все в той же закусочной на пересечении 4-го и 7-го автобанов, в пригороде города Кассель. За эти дни в германской разведке проанализировали представленные Думенковым материалы, а также результаты беседы и наблюдения за Лазаревым и, видимо, пришли к положительному заключению. Подтверждением тому служили 3 тысячи евро, полученные от Бенна, и его очередное задание: добыть секретные материалы по новейшей российской ракете РС-27 ракетного комплекса «Тополь-М».

22 июля Думенков и Лазарев возвратились в Кострому. Думенков, сгорая от нетерпения поскорее добыть важнейшие секреты, сулившие десятки тысяч евро, снова пошел по своим старым связям, чтобы найти новые выходы на источники информации. Того, что поставлял Лазарев, ему уже было мало. Кроме того, почувствовав, видимо, в нем конкурента на шпионском поприще, Думенков стал отодвигать его в сторону и нацелился на других потенциальных кандидатов на вербовку.

Перед контрразведчиками генерала А. Рудова возникла реальная опасность того, что Думенкову удастся втянуть в свою преступную деятельность новых лиц.

В сложившихся условиях оперативная игра со спецслужбами Германии приобретала все более опасный и рискованный характер как для ее непосредственных исполнителей Белова, Градова и Лазарева, так и для сохранности реальных секретов, а не мнимых. В этой связи на Лубянке и в руководстве оперативного штаба пришли к выводу о нецелесообразности продолжения операции и необходимости реализации материалов путем захвата Думенкова с поличным.

А Думенков, не подозревая, что время неумолимо отсчитывает последние дни его нахождения на свободе, продолжал свою опасную игру. Он настойчиво теребил Лазарева и Градова и требовал от них образец прибора радиационно-химической разведки и совершенно секретные сведения из планов командования Владимирской армии, касавшиеся боевого применения ракетно-ядерного оружия в военное время. Но его потуги были напрасны. 3 августа 2005 года на площади Курского вокзала затянувшаяся шпионская гастроль Думенкова была прервана.

Следствие шло в течение года. Следователи скрупулезно исследовали все обстоятельства, которые привели Думенкова на скамью подсудимых. Окончательную точку в уголовном деле поставил 23 августа 2006 года Московский городской суд. Суд признал Думенкова виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК России, и назначил наказание в виде 12 лет лишения свободы. Верховный суд России кассационную жалобу Думенкова и его адвоката оставил без удовлетворения.

Пан или пропал

Торжественное построение на строевом плацу Красноярского высшего военного командного училища радиоэлектроники войск ПВО мало походило на праздничное. Несмотря на лето, моросил мелкий холодный дождь. В пелене дождя фасад главного корпуса училища напоминал уродливые развалины, а макет грозной ракеты походил на смятый окурочок. Под кронами деревьев робко жались кучка родственников выпускников. И когда гром меди оркестра стих, все взгляды сошлись на трибуне.

Там выдержали, как положено, торжественную паузу, и затем зычный голос начальника училища потряс тишину. Парадный строй новоиспеченных лейтенантов дрогнул и ответил нестройным криком: «У-р-р-а-а-а!» По лицу генерала пробежала печальная гримаса. Училище переживало не лучшие времена. Некогда могучая система ПВО СССР после августа 1991 года разваливалась на глазах. Ее осколки поспешно прибирали к своим рукам новые государства, возникшие на развалинах Советского Союза. Потребность в выпускниках училища резко сократилась.

Выпуск 1993 года был уже вторым почти не востребованным войсками ПВО. Многие выпускники уходили в никуда, как раньше говорили, «получали свободный диплом». И начальнику училища было до слез обидно, что через час-другой одни его питомцы навсегда снимут со своих плеч погоны, а другие окажутся в иностранной армии и спустя время, чем черт не шутит, будут ловить на экранах своих мониторов российские самолеты и ракеты.

Под марш «Прощание славянки» строй выпускников покинул плац. В нем шагал и лейтенант Сергей Юрениа.

Юрения получил назначение в 8-ю радиотехническую бригаду Вооруженных сил Республики Беларусь, расположенную в уютном городе Лида, на должность начальника расчета. В те непростые годы, когда рушились привычные устои и стереотипы, а общество искало себя в новых реалиях, перспектива служебного роста и стабильная зарплата служили спасательным кругом.

Белоруссия встретила лейтенанта Юрению по-настоящему летним теплом, запахом зреющих в садах яблок и политической горячкой сошедшихся в непримиримой борьбе за власть либералов и консерваторов. Ее отзвуки болезненно отзывались в молодой, только поднимавшейся на ноги белорусской армии и ее офицерской среде. Несмотря на это, Юрения взялся за службу с присущим для юности задором.

В реальной жизни многое оказалось не так, как оно рисовалось в классных аудиториях училища. Галопирующая инфляция съедала зарплату. Перспектива получения квартиры становилась все призрачней. Жизнь на гражданке тоже была не сахар, там властвовала дикая стихия рынка. И потому он предпочел иметь синицу в руках — службу, чем журавля в небе — непредсказуемую и рискованную деятельность коммерсанта.

Шли годы. Юрения хотя и медленно, но все-таки рос в должностях и званиях. Однако желаемого удовлетворения и материального благополучия так и не достиг. Тем временем за армейским забором набирала обороты новая жизнь. Она слепила глаза блеском броской рекламы, роскошными витринами супермодных магазинов и навороченными иномарками. В ее новом, долларовом свете ореол армейской романтики окончательно померк, а служба, когда-то казавшаяся привлекательной, превратилась в тягостную обязанность. С каждым днем тянуть ее лямку становилось все труднее. В душе нарастали горечь и досада за бесцельно потраченные, как ему тогда представлялось, годы.

Вольно или не вольно их подогревали встречи с бывшими однокурсниками по военному училищу и однополчанами. Не-

которые из них, уйдя со службы, очень даже неплохо устроились на гражданке. Квартиры в престижном квартале города, дорогие машины и рассказы об отдыхе на Канарах еще больше травили душу Юрени. Чаще всего это возникало после встреч с Рускиным. Вместе с ним он учился в училище, правда, в разных взводах, и потому близкие отношения у них тогда не сложились. Сошлись они позже, во время службы в 8-й радиотехнической бригаде.

Рускин, в отличие от Юрени, в армии долго не задержался — решил попытать счастья на гражданке. В 1996 году он уволился из армии и занялся бизнесом. Сначала приторговывал соляркой, которую иногда доставал в бригаде по дешевке через свои связи. Потом переключился на перепродажу автомобилей, перегоняя их из Польши в Беларусь. Это занятие для него не являлось новым. Еще во время службы Рускин втайне от командования совершал вылазки в соседнюю страну. Обрато возвращался с подержанной иномаркой, приносящей одну-две тысячи долларов к лейтенантской зарплате.

Пересекая белорусско-польскую границу, он, видимо, не раз ощущал слабую дрожь в коленках. Опасение, что однажды все может закончиться плачевно, не покидало его до тех пор, пока за спиной не опускался полосатый шлагбаум. До поры до времени ему все сходило с рук. Возвращаясь с очередной иномаркой, купленной через знакомого, Рускин и не подозревал, что польские спецслужбы положили на офицера-коммерсанта глаз и исподволь подводили его к «крючку».

В те годы территория некогда братской страны Польши превратилась в благодатное шпионское поле, на котором американские и польские спецслужбы собирали свой богатый «урожай». Сотни тысяч бывших советских граждан, теперь уже из независимых государств России, Беларуси, Украины и Молдовы, пользуясь ослаблением внутреннего и пограничного режима, устремились на Запад в поисках заработка.

«Челноки», «металлисты», перегонщики «тачек» и т. д., среди которых находились бывшие и действующие воен-

нослужащие, инженеры из секретных КБ и исследовательских институтов «ковали свою копейку» и не подозревали, что невидимое сито спецслужб отсеивало из их числа нужный себе контингент. С помощью польских деловых партнеров они собирали характеризующие и компрометирующие материалы на заслуживающий внимания объект, выявляли его слабости и создавали условия для последующей вербовки.

В этом отношении у польской разведки имелся широкий выбор ловушек, начиная с банального ДТП, где виновным оказывался, естественно, объект вербовки, и традиционной «медовой подставы» — женщины специфической профессии. Жгучих брюнеток и томных блондинок, готовых за пару-другую сотню золотых потерять «невинность», было хоть отбавляй. По отношению к военнослужащим бывшей Северной группы войск (СГВ), находившейся в Польше до 15 сентября 1993 года, срабатывал и такой нехитрый прием, как обвинение в шпионаже или поиске ранее спрятанного оружия.

Подобный поворот в отлаженном, казалось бы, коммерческом деле для таких, как Рускин, был равносильным двойному приговору. Помимо наказания в Польше по возвращении домой коммерсанта в погонах ожидало в лучшем случае увольнение из армии, в худшем — статья Уголовного кодекса «Незаконное пересечение государственной границы» и лишение свободы сроком на два года.

В польских спецслужбах об этом хорошо знали и брали объект в оборот, когда он уже достаточно наследил в контрабандных делах. Попавшемуся на криминальной стезе будущему агенту в качестве отступного предлагалось выполнить небольшое задание: привезти в следующий раз что-нибудь из документов или деталь от военной техники.

Загнанному в угол бизнесмену в погонах это казалось чудесным избавлением от того ужаса, что ожидал его впереди. Одни, вырвавшись на свободу, старались навсегда забыть дорогу в Польшу, другие, движимые меркантильными мотивами, возвращались. И, как правило, не с пустыми руками.

На этом погорел и Русскин. А дальше все пошло по накатанной колее: секреты в обмен на деньги. Беспринципный, алчный и изворотливый агент пришелся ко двору польской разведке. Вскоре он получил повышение в шпионской иерархии: стал резидентом. Его наставник на этом поприще, кадровый военный разведчик Мартин, ориентировал нового «бойца» невидимого фронта на сбор секретной и иной информации, относившейся к деятельности Вооруженных сил Беларуси. Но в большей степени польскую спецслужбу интересовали будущие планы российского и белорусского военных ведомств в области создания коллективной системы ПВО.

В те годы в кабинетах Пентагона уже вызревали планы размещения на территории Польши элементов глобальной системы обнаружения и отражения ракетно-ядерного удара со стороны так называемых стран-изгоев — Ирана, КНДР и... Кто следующим стоял в том списке, «ястребы» с берегов Потомака предпочитали (и до сих пор предпочитают) помалкивать. До исламского Ирана католической Польше при всем желании было не дотянуться, и потому ее спецслужбы принялись распахивать шпионское поле соседних славянских государств: Беларуси и России.

Русскин выступил в качестве одного из таких «пахарей». Сам он в силу своего положения добыть такого рода информацию уже не мог и потому пошел по старым связям. Одним из них и оказался Юрени. Хорошо зная его стесненное материальное положение, Русскин в одной из бесед в 1999 году прямо предложил «передать известные ему по службе секреты для продажи за границу». В тот раз Юрени отказался это сделать.

Минуло пять лет. 2004 год складывался для Юрени крайне неудачно. Служба окончательно не заладилась. Как ему казалось, командование части стало предвзято к нему относиться. Как назло, грянула очередная военная перестройка. Офицеров, выслуживших установленные сроки службы, а также тех, кто положительно не зарекомендовал себя, отправляли на граждан-

ку. Попытка устроиться на работу в органы КГБ Республики Беларусь провалилась.

9 января 2004 года по служебному несоответствию Юрени был уволен в запас. Теперь 13-го числа каждого месяца в кассе части, как прежде, его уже не ждал конверт с зарплатой. Дорога туда была ему закрыта.

Все приходилось начинать сначала. Превжные навыки и знания, которые он в значительной степени растерял, на гражданке оказались невостребованными. На продолжение дальнейшей службы в какой-либо другой силовой структуре с такой формулировкой причины увольнения в запас, как служебное несоответствие, ему рассчитывать не приходилось.

Отсутствие постоянной работы и стабильного заработка приводило в отчаяние. И тогда Юрени решил попытать счастья в России.

Надежду на лучшее он связывал с сестрой, проживавшей в Москве, а больше — с ее мужем, военным представителем на одном из режимных заводов. И надежда оправдалась. В одной из частей ПВО, дислоцировавшейся в подмосковном Наро-Фоминске, нашлась вакансия — должность начальника расчета.

Для майора запаса Юрени продолжать службу в должности старлея, с которой 11 лет назад ему пришлось начинать, было, наверное, и обидно, и досадно. Это, а также зарплата, едва дотягивавшая до 10 тысяч рублей, оказались совсем не тем, на что он рассчитывал. И здесь Юрени вспомнил давний разговор с Русскиным и его деловое предложение.

В те дни, когда сестра с мужем давили на все рычаги, чтобы как-то пристроить родственника, а в Чертановском военном комиссариате Москвы готовили документы для призыва Юрени в Вооруженные силы России, он, не теряя времени, ринулся в Белоруссию разыскивать Русскина.

Тот оказался на месте. В ходе разговора с ним Юрени рассказал, что в ближайшее время планирует устроиться на военную службу в российскую армию. Затем посетовал на трудности в

жизни и высказал сожаление, что не воспользовался пять лет назад его предложением передать известные ему по службе секреты для продажи за границу.

На этот раз Русскин не спешил воспользоваться сложившейся ситуацией и заполучить у Юрени секретную информацию. Он, теперь уже резидент польской военной разведки, наученный осторожности и осмотрительности своими наставниками, видимо, не очень доверял бывшему однокашнику и опасался, что тот мог оказаться подставой органов безопасности. Не сказав ни да ни нет, Русскин решил сначала доложить Мартину о новом кандидате в шпионскую сеть и одновременно глубже его проверить, а потом уже принимать решение.

В октябре 2005 года Чертановским военным комиссариатом Москвы Юрени был призван в Вооруженные силы России. Работники военкомата поверили на слово, что он был уволен из белорусской армии по оргштатным мероприятиям, и пошли ему навстречу. Дополнительным аргументом для них явился его диплом об окончании российского военного училища. Юрени назначили на должность начальника расчета в одну из частей ПВО, находившуюся в Наро-Фоминске.

Но будущего шпиона больше обрадовало не столько само назначение, сколько доступ к сведениям, составлявшим государственную и военную тайну. Близость к секретам давала ему возможность получить побочный заработок от их продажи, то есть от шпионажа. И он решил: пан или пропал.

В ноябре 2005 года Юрени, не дожидаясь отпуска, воспользовался отгулами и ринулся в Беларусь на поиски Русскина. Встретились они в Кобрине. Юрени рассказал о своем назначении в часть ПВО, которое открывало доступ к тому, за чем охотилась не одна иностранная разведка, и подтвердил готовность к продаже секретной информации.

То, что Юрени сообщил о части, рассеяло у Русскина последние опасения. На этот раз он не стал скрывать, на кого работает, и от имени польской военной разведки предложил Юрени сотрудничество с ней. В сложившейся ситуации Русскин мало

чем рисковал. Юрени, выдав служебную информацию, отрезал себе все пути назад.

В тот момент Юрени вряд ли испытывал чувство вины перед сестрой и ее мужем, способствовавшим его возвращению в армию. Меняя отечество — Россию на Беларусь, места службы — Красноярск на Лиду, профессию — военного на бизнесмена, Юрени не заметил, как разменял в себе гражданина. Поэтому предложение Русскина сотрудничать с польской военной разведкой он принял без колебаний и в качестве первого шпионского гонорара потребовал 50 тысяч долларов. Резидент польской военной разведки не стал спускать его с райских небес на грешную землю. Определить настоящую цену будущему агенту — это дело «хозяина». У Русскина имелся свой расчет. Он получал деньги от польской разведки не только за поставку информации, но и за каждую человеческую душу, попавшую в шпионскую сеть.

Закончилась их встреча коротким ликбезом. Русскин проинструктировал Юрени по мерам конспирации при сборе и хранении секретной информации и обговорил способы связи. В качестве первого задания ориентировал его на то, что «...поляков интересуют не только секретная информация, а и общая. О расположении воинских частей, их предназначении, схемы связи, радиоданные и т. д., что данная информация также стоит денег и интересна Польше».

В заключение разговора они договорились о том, что при накоплении достаточного количества материалов Юрени условной фразой сообщит Русскину о готовности к их передаче.

На том они и расстались. Резидент отправился на явку с Мартином, чтобы доложить о проделанной работе, а Юрени возвратился в Наро-Фоминск. Теперь его мысли больше занимала не служба, а то, как добыть секреты. Он часами пропадал в учебных классах и, осваивая смежную специальность, штудировал инструкции и методические рекомендации.

Это настойчивое стремление Юрени повысить свой профессиональный уровень командование части оценило поло-

жительно. Майора на старшей должности не каждый день встретишь. И потому начальство закрывало глаза на случаи употребления им спиртных напитков на службе. В перспективе планировалось даже повышение Юрени — назначение на должность психолога бригады.

Предстоящая служба в штабе еще больше подогрела его денежные аппетиты; он с удвоенным рвением стал собирать секретную информацию. И когда набрал ее достаточное количество, вызвал Русскина на встречу. На этот раз он и польская военная разведка среагировали оперативно. Перед тем как отправить Русскина в Наро-Фоминск, ему назначили явку с кадровым сотрудником, курировавшим работу резидентуры. Она состоялась в городе Пружаны Республики Беларусь. На нее прибыл Мартин.

К тому времени в польской спецслужбе проанализировали всю имевшуюся на Юрени информацию и пришли к выводу, что в его лице могут иметь важный агентурный источник информации. В связи с этим Мартин поставил Русскину задачу: организовать с ним негласную работу на регулярной основе. Первым шагом должна была стать вербовка. Здесь Мартин и Рускин не стали изобретать ничего нового и остановились на классической форме — отборе от Юрени подписки, подтверждающей его согласие сотрудничать с польской военной разведкой. Дополнительно для подстраховки, а также для пополнения агентурной картотеки, они посчитали не лишним сфотографировать Юрени и его личные документы. В дальнейшем планировалось нацелить агента на получение информации, касавшейся состояния и перспектив развития Московской зоны ПВО.

Такая спешка польской военной разведки объяснялась тем, что политическое руководство страны всеми правдами и неправдами пыталось затащить в Польшу элементы американской стратегической системы противоракетной обороны (ПРО), а вместе с ними десяток-другой миллиардов долларов, в которых остро нуждалась хромающая экономика. Не за горами был тот

день, когда на ее территории стратеги Пентагона планировали приступить к строительным работам. Потому польская разведка, а скорее спецслужба США, остро нуждалась в сведениях о том, что в запасе имеет Москва и чем может ответить на этот вызов.

Служба Юрени в ключевом военном округе — Московском и, в частности, в частях ПВО открывала доступ к важнейшим российским секретам. Поэтому Мартин не стал жадничать: после встречи карман Русскина приятно оттягивали 4000 долларов. По-братски делиться с Юрени он, естественно, не собирався, посчитал, что и 500 долларов тому хватит за глаза.

В конце марта Юрени позвонил Русскину и сообщил заранее обусловленной фразой о готовности передать собранную информацию. Тот заверил, что прибудет за ней в ближайшее время. Договорились о времени и месте встречи.

3 апреля 2006 года Русскин приехал в Москву и сразу направился в Наро-Фоминск. Чтобы лишний раз не светиться перед родными Юрени и его сослуживцами, поселился в городской гостинице. Там и состоялась встреча. Юрени сообщил информацию о структуре части, выполняемых учебно-боевых задачах, порядке взаимодействия с другими подразделениями Вооруженных сил России при различных степенях боевой готовности и т. п., а также отдельные сведения, касавшиеся некоторых военных объектов, дислоцировавшихся под Наро-Фоминском. Не забыл он и про прежнее место службы в Беларуси. Но и этого ему показалось мало. Не пожалев родственника, мужа сестры, Юрени рассказал то, что ему стало известно из разговоров с ним: об истинном назначении завода и номенклатуре выпускаемой военной продукции.

Русскин не обманулся в своих ожиданиях. Ему было чем отчитаться перед Мартином. Теперь предстояло решить еще одну его задачу: поставить Юрени на «мертвый шпионский якорь». Дело подошло к написанию подписки о сотрудничестве с польской военной разведкой, и здесь Русскин заволновался. В душе он опасался, как бы будущий агент не заартачился. Но

все прошло на удивление гладко. Юрениа без дрожи в руках подписал свой будущий приговор — подписку, охотно сфотографировался и позволил отснять страницы своего удостоверения личности офицера.

В дальнейшем разговор перешел на отвлеченные темы, словно беседуют два друга, тесно связанные общим делом. Затем Русскин снова возвратился к «работе». Он напомнил Юрениа о его неудачной попытке устроиться на службу в органы КГБ Республики Беларусь и, развивая эту тему, в качестве очередного задания поручил повторить такую попытку в России. Для этого рекомендовал войти в доверие к сотрудникам ФСБ, предложив им свои услуги. В таком случае, убеждал Русскин, Юрениа получил бы «надежную крышу», которая могла бы прикрыть его от подозрений и существенно расширить возможности по сбору информации.

Новое задание Юрениа принял к исполнению без колебаний.

Об истинной цели этого задания польской разведки вряд ли догадывался и сам Русскин. Кажущаяся забота о безопасности агента только представлялась таковой. Подставляя Юрениа под российскую контрразведку, в польской спецслужбе знали, что делали.

Собственный опыт агентурной работы в России и опыт других партнеров по блоку НАТО говорили о том, что в России установился эффективный контрразведывательный режим. Даже опытные разведчики оставались нераскрытыми в лучшем случае два-три года. А так называемые одноразовые агенты, к которым польская спецслужба относилась, вне всякого сомнения, и Юрениа, и того меньше. Мартин и те, кто стоял за его спиной, видимо, цинично рассчитывали подобным ходом выиграть у российской контрразведки месяц-другой, и за это время выжать Юрениа как лимон.

Расстались Русскин и Юрениа преисполненными радужными надеждами на успешное выполнение намеченных планов.

Резидент возвратился в Белоруссию и принялся готовиться к встрече с Мартином. Как и прошлый раз, она прошла в Пружанах. На встрече они обсудили результаты вербовки Юрени и наметили план дальнейшего его использования. А тот, все еще надеясь получить свои 50 тысяч долларов, ломал голову над тем, как подступиться к выполнению второй части задания — внедрению в аппарат органов безопасности.

Внутренний страх перед ФСБ долго удерживал Юрени от первого шага на пути к этой цели. В конце концов он его сделал. В беседе с сотрудником военной контрразведки Юрени рассказал в выгодном для себя свете о службе в белорусской армии, упомянул о том, что рассматривался как кандидат на работу в КГБ Республики Беларусь, и затем поинтересовался возможностью своего перехода в органы ФСБ России. В заключение разговора высказал готовность «оказывать необходимую помощь органам безопасности в войсках в решении оперативных вопросов».

Военные контрразведчики не спешили с ответом. И для того имелись основания. Покидая кабинет, Юрени не подозревал, что его ухищрения не могли ввести их в заблуждение. К тому времени они вместе с коллегами из Комитета государственной безопасности Республики Беларусь уже вели оперативную разработку резидентуры польской военной разведки, занимавшейся сбором секретной и иной информации о вооруженных силах России и Беларуси. Теперь шпионам противостояла хорошо отлаженная организация спецслужб двух государств.

В польской военной разведке словно предчувствовали близкий крах резидентуры. Русскина торопили с добычей материалов, суля ему солидный денежный куш. А тот лез из кожи вон в поисках новых источников информации и одновременно наседал на Юрени. Возникла реальная угроза вовлечения в их преступную деятельность новых лиц и утечки к польской спецслужбе важных секретных сведений, имевших большое значение для обороноспособности России и Беларуси.

Российские и белорусские контрразведчики не могли допустить этого; используя права и полномочия, предоставленные законами своих стран, они задействовали в полном объеме весь имевшийся в их распоряжении арсенал оперативно-технических и иных средств. Созданные оперативно-следственные группы ФСБ России и КГБ Республики Беларусь сосредоточили основные усилия на документировании преступной деятельности Русскина и Юрени.

Теперь каждый их шаг и каждое произнесенное ими слово контролировались средствами технического и оперативного контроля. Развязка неумолимо приближалась. Очередная попытка Юрени обезопасить себя была обречена на провал.

1 февраля 2007 года, выполняя задание резидента, Юрени снова вышел на сотрудника военной контрразведки и в очередной раз предложил свои услуги. Не получив ответа, он решился на рискованный ход. Стремясь создать впечатление о наличии разведывательных возможностях, он в общих чертах рассказал о якобы имевших место вербовочных подходах к нему со стороны польских граждан во время проживания на территории Беларуси.

Сам того не подозревая, Юрени выдал себя с головой. Кто и когда его вербовал, это уже не составляло тайны для сотрудников ФСБ России. Они ждали результатов заключительной операции белорусских коллег, которые готовились к захвату с поличным резидента польской военной разведки Русскина.

Выезжая на встречу с Мартином, на этот раз в Польшу, тот и не предполагал, что проводил на свободе последние часы. С собой он вез солидный «шпионский багаж», в котором содержалась информация не только от Юрени, но и от других агентов. Всего сотня метров нейтральной полосы на границе отделяли его от Польши и Мартина. Но преодолеть их ему так и не суждено было. Русскин был задержан с поличным.

Его арест послужил сигналом сотрудникам ФСБ России для начала действий. Операция по пресечению деятельности польского агента Юрени перешла в заключительную стадию.

В тот же день его доставили в Управление ФСБ Московского военного округа. Перед лицом очевидных фактов он был вынужден признаться в сотрудничестве с польской военной разведкой и ведении по ее заданию разведывательной работы на территории Российской Федерации.

29 октября 2007 года Московским окружным военным судом Юрениа Сергей Алексеевич был признан виновным в совершении государственной измены в форме шпионажа и приговорен по ст. 275 УК РФ к лишению свободы сроком на семь лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Суд также лишил его воинского звания майор.

В тот день Юрениа, бывший польский агент, навсегда потерял свое доброе имя гражданина России и честь офицера. Ясновельможного пана из него не получилось. Впереди его ждали мордовские леса и бензопила «Дружба».

8.08.2008 — совсем не Олимпийские игры

Часть первая

От картлийских царей до меньшевистских вождей

8.08.2008 — эти цифры в человеческой памяти останутся не только годом выдающихся по своим масштабам и спортивным достижениям XXIX Олимпийских игр. Многим они еще долго будут напоминать о вероломстве и подлости тбилисских правителей. М. Саакашвили и компания, вскормленные могущественными покровителями, попытались осуществить блицкриг под названием «Чистое поле». Замышляя захват Южной Осетии, а затем Абхазии, они самонадеянно полагали, что средства массовой информации всего мира будут заполнены олимпийскими новостями и им будет не до канонады орудий и зова о помощи осетинского и абхазского народов.

До открытия Олимпийских игр оставались считанные часы. В ту ночь миллиарды землян независимо от цвета кожи, расы и языка ложились спать в предвкушении наслаждения фантастическим праздником красоты, силы и радости, чем так щедро дарит его величество спорт.

С особой надеждой ждали этого события и в крохотной, истерзанной непрерывными вооруженными провокациями Южной Осетии, затерянной среди суровых гор. В полуразрушенном Цхинвале и приграничных с Грузией осетинских селах впервые за последние месяцы уснули в надежде, что в ближайšie недели не придется вздрагивать от разрывов артиллерийских снарядов и искать спасения в подвалах.

Ночная мгла легла на горы. Густая россыпь ярких южных звезд высыпала на небе. В распадах гор клубился туман; по

склонам крутых скал он языками сползал вниз и пушистым ковром стелился на дне глубоких ущелий. В густом кустарнике, соревнуясь друг с другом, стрекотали цикады. Все дышало миром и покоем, и только очень чуткое ухо могло уловить в обманчивой тишине приглушенный гул моторов и лязг гусениц. Грузинская армия заняла исходные позиции и ждала часа «Ч». А когда он пробил, море огня обрушилось на многострадальный Цхинвал.

То, что в тот день россияне увидели на экранах телевизоров, не воспринималось здравым рассудком. Пекин сиял феерическим шоу и купался в море счастливых улыбок, а крохотный Цхинвал корчился в нечеловеческих муках и умирал под огнем систем залпового огня «Град». Последовавшая после провала агрессии истеричная реакция грузинской элиты, пытавшейся свалить все с больной головы на здоровую — обвинить руководителей России во всех смертных грехах, вызвала в российском обществе сложные чувства.

У одних огонь этой вероломной войны сжег последние иллюзии относительно того, что многовековая культура, история и общая победа в прошлой Великой Отечественной войне удержат вероломных правителей Грузии от новых безумств. Другие, экзальтированные поклонники песен Грузии печальной и вина киндзмараули, уже не могли спокойно слышать голос некогда популярного певца советской эстрады Бубы Кикабидзе. Третьи отказывались верить собственным глазам и продолжали пребывать в плену обаятельных образов, созданных экранными героями в замечательных фильмах «Отец солдата» и «Мимино».

Вместе с тем если отрешиться от эмоций и посмотреть на историю грузинского государства и стиль поведения его правящей элиты за последние столетия, то вырисовывается совершенно иная и далеко не благодная для России картина. Старый миф о том, что Грузия начиная с екатерининских времен стойко стояла на страже российских интересов и была ее оплотом на Кавказе, окажется всего лишь мифом, который ис-

кусно формировался грузинской княжеской, а затем партийной знатью и охотно принимался в монархическом Петербурге, а позже — и в большевистской Москве.

Беспристрастный взгляд на недавние события и «предания старины глубокой» создают впечатление дежавю. Правители Грузии, будь то цари, партийные вожди или нынешние ультрадемократы, во все времена действовали одинаковым образом и демонстрировали одну и ту же модель поведения — искусную мимикрию под личиной верного союзника очередного властителя Кавказа.

Формироваться такая модель поведения начала в середине XVI века, когда в схватке за этот стратегически важный регион сошлись два таких титана, как Персия и Турция. Территория, которая в современных представлениях ассоциируется как собственно Грузия, была поделена между ними. Имеретия и Менгрелия отошли к Турции, а Картли и Кахетия — к Персии. Этот раздел многие картвелы (грузины) отказались принять. В 1615 году шесть тысяч монахов монастыря Давида Гареджи пытались сохранить христианскую веру, но были убиты во время праздника Святой Пасхи. Грузинский священник К. Тевдори за пять лет до И. Сусанина совершил подобный подвиг. Он вывел турецкие войска не к дворцу царя Луарсаба II (1592–1622, царь Картли в 1606–1614 гг.), а в труднопроходимые горы.

Были и другие грузины — правители Картли. Во многом их стараниями была заложена существующая поныне модель поведения и правления грузинской элиты. В своих отношениях с сильными мира сего она стала исповедовать известный принцип: «Не можешь победить — задуши в объятиях». И он принес свои плоды. Грузинская знать очень быстро и органично вошла в высшее сословие персидского общества. Вскоре в столице Персии она стала своей и была допущена к решению важнейших государственных вопросов.

Могущественный шах Аббас I (1571–1629) поручил проведение военной реформы в армии не кому-нибудь, а князю Ундиладзе — Алаверди-хану. В результате реформы была

создана мощная армия. Управление Исфаганом, столицей Персии, в течение почти столетия осуществлялось выходцами из грузинских княжеских родов. Герой народного эпоса Великий Моурави — Георгий Саакадзе во главе персидского войска одержал ряд блестящих побед в Индии и Турции.

Особое положение грузинской знати при дворе персидского шаха отразилось и на состоянии ее подданных в Картли и Кахетии. По его приказу и на средства казны на территории грузинских княжеств содержалось постоянное войско, защищавшее их от набегов горских племен. На Картли и Кахетию не распространялась часть податей, взимавшихся с других покоренных Персией царств.

Так продолжалось до середины XVIII века. К тому времени оба «льва» Малой Азии, Персия и Турция, растеряли былую мощь. После смерти Надир-шаха (1688–1747) Персия распалась на несколько враждующих государств и уже не могла служить грузинской элите гарантией ее особого статуса. И здесь ее чуткое ухо уловило тяжелую поступь Российской империи, которая все отчетливее звучала на Кавказе. Тут же посланцы от грузинских княжеских родов выстроились в очередь к императорскому трону в далекой Северной столице. Они просили о «величайшем покровительстве и защите света христианства от диких и кровожадных варваров».

В Петербурге не спешили направлять полки в Картли и Кахетию. Российская империя была еще недостаточно сильна и потому посылала собратям по вере деньги, товары и укрывала беглецов.

Положение изменилось к концу XVIII столетия. Окрепшая русская армия начала теснить турок. И тогда царь объединенной Картли и Кахетии Ираклий II (1744–1798, царь Картли-Кахетинского царства в 1762–1798 гг.) добился наконец своего.

24 июля 1783 года в крепости Георгиевская светлейший князь Григорий Потемкин вместе с князьями Иваном Багратионом и Герсеваном Чавчавадзе подписали Георгиевский трактат.

С того дня Восточная Грузия перешла под покровительство российской короны. Ей была гарантирована автономия во внутренних делах и защита от внешних врагов. Взамен царь Ираклий II отказывался от проведения самостоятельной внешней политики.

3 ноября того же года два батальона егерей с четырьмя орудиями под общей командой полковника А. Бурнашева вступили в Тифлис. Народ ликовал. На всех церквях били колокола, а под сводами храмов возносились благодарственные молитвы во славу русского воинства. Во дворце царя Ираклия II знать клялась в вечной дружбе и любви посланцам императрицы Екатерины II.

В Исфагане от подобного вероломства потеряли дар речи. И было отчего. Ираклий II, выросший и получивший воспитание в Персии, пользовался особым расположением шаха. Но с того дня утекло много воды. И потому грозный рык терзаемого междоусобными войнами «персидского льва» уже не пугал его. Он торопился засвидетельствовать преданность новому хозяину.

В Тифлисе посланцы русской императрицы таяли от радушия грузинской знати. А в холодном Петербурге ее пылкие речи во славу России и заверения в самоотверженной борьбе Грузии за интересы империи на Кавказе согревали сердца Великой Екатерины и ее двора. При этом лукавые царедворцы Ираклия II стыдливо умалчивали о том, что новые приобретения осуществлялись русскими руками.

Предав своего прежнего хозяина — персидского шаха, Ираклий II первым делом принялся захватывать лакомые куски разваливавшейся империи. Опираясь на мощь батальонов кавказских егерей, он совершил завоевательный поход в Эривань, отколовшуюся от Персии. В ответ Турция, все еще крепко стоявшая на ногах, угрожающе забряцала оружием. И тогда Ираклий II, чтобы не дразнить грозного соседа, вступил с ним в тайные переговоры.

Переговоры закончились тем, что в 1786 году Ираклий II в нарушение положений Георгиевского трактата заключил за спи-

ной России договор с Турцией о ненападении. В Петербурге, узнав об этом, потребовали его денонсации. Около года шли напряженные переговоры, но результата они не дали.

В 1787 году Турция, пользуясь поддержкой Великобритании, Франции и Пруссии, выдвинула ультиматум Российской империи с требованием восстановления вассалитета Крымского ханства и Грузии. Ираклий II бросился в объятия Османской империи. В июле 1787 года в Стамбуле договор был ратифицирован. А 13 августа 1787 года Турция, получив отказ в выполнении требований, объявила войну России.

В Петербурге откровенного вероломства грузинскому царю простить не могли. Русские батальоны в октябре 1787 года покинули неверного союзника. Судьба Грузии повисла в воздухе.

Спустя четыре года, в 1791 году, турецкие войска потерпели серьезное поражение в войне с Россией, и Ираклий II остался один на один не только с потрепанной и озлобленной Турцией, но и с набравшей силу Персией. К тому времени шах Персии Ага Мухамед-хан Каджарский (1741–1797, шах Персии в 1779–1797 гг.) железной рукой сумел собрать большую часть осколков бывшей империи.

Армия персов двинулась на Тифлис и в Крцанисской битве 8–11 сентября 1795 года наголову разбила войска Ираклия II. Сам Ираклий с сыном спасся бегством. В наказание за его предательство около 20 тысяч мирных жителей Тифлиса были вырезаны персами. На бывшем поле боя ныне находится, по грустной иронии судьбы, резиденция президента Грузии.

После столь оглушительного поражения судьба династии Ираклия II и Восточной Грузии была, казалось бы, предрешена. Но удача повернулась к ним в очередной раз. Россия возвратилась на Кавказ, чтобы укрепиться на берегах теплых морей — Черного и Каспийского. Под ударами русской армии персы отступили. Дряхлеющий Ираклий II понял, что время его политических игр закончилось, и сделал свой последний хитрый ход, сохранивший династию на плаву. Он передал

власть над Картли и Кахетией сыну Георгию XII (1746–1800, царь в 1798–1800 гг.).

Прилежный ученик отца, он сделал Петербургу предложение, от которого трудно было отказаться. Георгий просил уже не о покровительстве, а о принятии в российское подданство Картли и Кахетии.

В конце 1799 года русская армия снова вступил в Восточную Грузию и стала гарнизонами на границах с Турцией и Персией. И буквально на глазах крохотное грузинское царство приобрело в составе Российской империи особый статус, который ни тогда, ни позже, за исключением Великого княжества Финляндского, не имела какая-либо другая территория. В Грузии с населением 300 тысяч человек местных князей и дворян оказалось не меньше, чем во всей 50-миллионной России. От фамилий грузинской знати, князей Шервашидзе, Чавчавадзе, Церетели, Орбелиани, Мачабели, Абашидзе и других, находившихся в царской свите и гвардии, рябило в глазах и звенело в ушах.

Грузинская речь теперь все чаще звучала в обеих столицах, а берущие за душу грузинские песни трогали даже каменные сердца. В русском обществе к грузинам и Грузии стало складываться особое отношение, которое не наблюдалось по отношению ни к какому другому народу и губернии. В нем смешались чувства восторженности, влюбленности и наивного представления о том, что более преданного союзника на Кавказе у России нет и быть не может. Эти настроения образно выразил великий Александр Пушкин в своей известной строфе: «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной».

Но не столько песни, чарующая природа и умение принять начальственного гостя вышибали из русских чиновников слезу умиления, сколько щедрые денежные вливания, растекавшиеся золотыми ручейками по карманам грузинских князей и вороватых петербургских чиновников.

Так продолжалось до 1917 года. Первая мировая война подорвала мощь Российской империи. Грянувшие затем Февральская революция и Октябрьский переворот вынудили

грузинскую элиту лихорадочно искать нового хозяина перед лицом извечной угрозы со стороны не раз обманутых ею Персии и Турции.

Весной 1918 года вожди Грузии Н. Жордания, А. Чхенкели и Н. Чхеидзе вступили в переговоры с Германией. Страх перед Турцией вынуждал их делать самые фантастические предложения. Они готовы были расстаться даже с суверенитетом, неожиданно свалившимся на них после Октябрьского переворота в Петрограде, и просили принять Грузию в состав Германии в качестве федеральной земли.

Вскоре в Тифлис для консультаций с неожиданно объявившимся союзником в составе представительной германской делегации прибыл граф Фридрих фон Шуленбург. Но не обаяние грузинской элиты, а запах бакинской нефти, к которой рвалась соперница Британия, заставил его форсировать переговоры. 13 мая 1918 года Грузия, заручившись поддержкой Германии, объявила о своем выходе из Закавказской Республики. Спустя два дня кайзеровские войска высадились в Поти и взяли под контроль основные стратегические объекты. 26 мая Грузия объявила о своей независимости. А 28-го ее признали в Берлине.

В благодарность за защиту от Турции и от теперь уже советской России грузинские вожди передали в эксплуатацию германским компаниям порт Поти сроком на 60 лет, чаатурские марганцевые рудники на 30 лет, а также железные дороги и многое другое. Такая их уступчивость пробудила у Берлина волчий аппетит. Там уже почувствовали вожденный запах бакинской нефти и рассчитывали добраться к ней через Грузию, позабыв об испытанном союзнике, Турции.

Позже известный германский военный и политический деятель генерал пехоты Э. Людендорф так вспоминал об этом:

«Для нас протекторат над Грузией был средством независимо от Турции получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли в этом отношении довериться Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами».

Прошло всего несколько месяцев. И на грузинских вождей пролился золотой дождь, а затем посыпались награды. Награды, о которых не могли мечтать офицеры в окопах на Восточном фронте. По ходатайству Шуленбурга министр иностранных дел Чхенкели был награжден высшим военным орденом Германии — Железным крестом. Чуть позже он направил в Берлин представление о награждении главы правительства Н. Жордания, бывшего заклятого врага Германии.

Всего год назад Н. Жордания, в то время входивший в так называемую группу оборонцев второй Государственной думы Российской империи, И. Церетели, возглавлявший в ней фракцию меньшевиков, и Н. Чхеидзе, руководивший при А. Керенском Петербургским советом, стояли за продолжение войны с Германией до победного конца. Теперь же от их ненависти к немцам не осталось и следа. Они взхлеб пели хвалебную оду немецкому порядку и просвещенной власти. А для России других слов, как «варварская», у них не осталось.

Такое вероломство поразило даже выдавшего виды Л. Троцкого. Возмущенный беспардонным поведением грузинских вождей он писал:

«Мы знали этих господ (Жордания, Чхеидзе, Чхенкели, Церетели. — Авт.) раньше, и притом не как владык независимой демократической Грузии, о которой они сами никогда и не помышляли, а как русских политиков Петербурга и Москвы.

В качестве идеологов буржуазной республики Церетели — Чхеидзе, как и все их единомышленники, непримиримо отстаивали единство и неделимость республики в пределах старой царской империи. Притязания Финляндии на расширение ее автономии, домогательства украинской национальной демократии в области самоуправления встречали со стороны Церетели — Чхеидзе беспощадный отпор...

И далее:

В качестве министров всероссийского правительства (А. Керенского. — Авт.) грузинские меньшевики обвинили нас в союзе

с германским штабом и через царских следователей предали нас обвинению в государственной измене. Брест-Литовский мир, открывавший германскому империализму «ворота революции», они объявили предательством России. Именно под этим лозунгом они призывали к низвержению большевиков. А когда почва революции слишком нагрелась у них под ногами, они откололи Закавказье от России, затем Грузию — от Закавказья и действительно настезь открыли ворота «демократии» перед войсками кайзера — с самым низким поклоном, с самыми льстивыми речами».

О том, какова демократия по-грузински, первым узнал на себе народ Абхазии. Как и 150 лет назад, во времена правления царя Ираклия II, вожди Грузии, получив покровительство нового хозяина, занялись захватом соседних территорий. 17 июня 1918 года грузинские войска при поддержке германского экспедиционного корпуса высадились в порту Сухума, свергли законно избранную власть и оккупировали Абхазию, но на этом не остановились.

Часть вторая

Маленький прожорливый хищник

Почувствовав запах легкой поживы, маленький прожорливый хищник тут же присоединился к алчной своре стран Антанты, терзавшей едва стоявшую на ногах Советскую Россию. Под шумок Гражданской войны, полыхавшей на бескрайних российских просторах, грузинские вожди вознамерились прихватить кусок Кавказа.

2 июля 1918 года войска под командование генерала Г. Мазниева (Мазниашвили), которого в 1916 году после ранения выхаживали в царскосельском лазарете великие княжны, захватили Адлер. Легкий успех придавал ему самоуверенности, граничащей с абсурдностью.

5 июля части грузинской армии вошли в Сочи, 27-го — в Туапсе, а затем, перебравшись через Гойтхский перевал, заняли

станцию Хадыженскую и остановились в сотне километров от Екатеринодара (Краснодара), столицы Кубанского казачьего войска. Ее потери составили несколько десятков человек. Связано это было отнюдь не с полководческим талантом Г. Мазниева, а тем, что в далекой Москве, задыхавшейся в кольце фронтов, и в Ростове, где Верховный главнокомандующий Добровольческой армией генерал А. Деникин готовился сокрушить большевиков, было не до него.

После столь успешного блицкрига лидеры Грузинской демократической республики принялись устанавливать «демократию» у других соседей. У Армении они отвоевали ее исконные земли — Лори и Ахалкалаки, а потом позарились на Борчалинский уезд Азербайджана. Собственных сил уже не хватало. И тогда они позвали на помощь германские войска. На территории нынешней Южной Осетии карательные отряды не оставили от сел камня на камне. Около 15 тысяч осетин, почти четверть тогдашнего населения, были расстреляны или сожжены в своих домах.

«Малая империя», Грузия, уже было возомнила себяладычицей Южного Кавказа, но здесь подкачал хозяин. В ноябре в Германии грянула революция. Она привела к краху монархии и капитуляции Германии перед странами Антанты. В очередной раз Грузия, оставшись один на один с озлобленными соседями, принялась срочно подыскивать нового покровителя. В Москве В. Ленин и Л. Троцкий, на дух не выносившие Н. Жорданию и его компанию, не хотели о них даже слышать. И грузинские вожди пали в ноги британскому льву.

Лондон, как всегда, выжидал, чтобы загрести жар чужими руками. Война между красными и белыми («Русские качели») шла с переменным успехом, и британцы не спешили очертя голову бросаться в эту мясорубку. Им хватило и одной вылазки экспедиционного корпуса генерала Ф. Пуля в Архангельске, закончившейся поражением.

А в Тбилиси лезли из кожи вон, стараясь доказать, что короткий и бурный роман с кайзеровской Германией, закл

врагом Великобритании, был невинной шалостью. Н. Жордания и Чхенкели всячески обхаживали генерала Дж. Форестье-Уоккера, командующего группой британских войск в Закавказье, и пытались втянуть его во все конфликты, которые множились вокруг Грузии.

Слова «путь в Баку ведет через Батум — Тифлис», однажды сказанные Троцким, оказались пророческими. Бакинская нефть кружила головы и британцам. В Лондоне не заметили, как начали подыгрывать грузинским вождям. Искусство интриганства, позаимствованное Н. Жорданием, И. Церетели и А. Чхенкели у своего предшественника, царя Ираклия II, дало плоды. Под заклания грузинских вождей о «маленькой демократической Грузии, стремящейся в цивилизованную Европу», Великобритания все активнее стала играть на их стороне.

Так, армяне в ответном наступлении за две недели освободили Ахалкалаки и Лори и уже находились поблизости от Тифлиса, как вдруг оказались проигравшей стороной. Под давлением Великобритании они вынуждены были оставить завоеванные позиции и отступить.

Веще более двусмысленном положении находилось командование Добровольческой армии. Британские посланцы торопили генералов А. Деникина и А. Лукомского с наступлением на Москву и в то же время позволяли генералу Г. Мазниеву в их тылу захватывать исконно русские земли. На переговорах с министром иностранных дел Грузии Е. Гегечкори, сменившим на этом посту Чхенкели, генералы пытались добиться вразумительного ответа: на каком основании земли Сочинского округа должны отойти к Грузии? На это Е. Гегечкори твердил: *«Англичане с этим согласны... Англичане согласны».*

А. Деникин негодовал и требовал от грузинской стороны освободить незаконно занятые территории. Тогда Н. Жордания с Е. Гегечкори решили надавить на него с другой стороны. Ими было инспирировано повстанческое движение зеленых и красно-зеленых в тылу Добровольческой армии. Штаб по-

встанцев разместился в Гагре, а его руководители пользовались полной военной и финансовой поддержкой грузинских правителей. Те не скрывали этого и бесцеремонно шантажировали А. Деникина тем, что если он признает за Грузией Абхазию и территории от Сочи до Туапсе, то помощь этому полуразбойничьему воинству будет прекращена.

Конец интриганству грузинских вождей и игре Лондона на Кавказе положила вставшая на ноги Советская Россия. Одно легкое движение частей Красной армии восстановило, казалось, канувший в небытие статус-кво. К полному изумлению Лондона и Вашингтона, тоже заявившего о своих интересах в этом регионе, Советская Россия после лихолетья Гражданской войны пришла в себя и ясно дала понять, кто хозяин в «кавказском доме».

Весной 1920 года произошло то, что не могло присниться в самом кошмарном сне и Н. Жордании с «компанией», и правителям «владычицы морей» — Великобритании. Каспийская флотилия и Красный флот Азербайджана под командованием Ф. Раскольникова совершили дерзкий рейд и захватили иранский порт Энзели с 23 российскими судами — последними «осколками прошлой империи».

То, что последовало за этим, привело в шок командование английской 51-й пехотной дивизии, охранявшей порт и подступы к городу. Раскольников предъявил ему ультиматум, получив отказ, высадил десант. В коротком бою англичане были разбиты, а их командир, коммодор Д. Фрайзер, попал в плен. По иронии судьбы в годы Второй мировой войны он в чине адмирала Королевского флота Англии отвечал за сопровождение союзных конвоев в Мурманск.

Вслед за этим последовало установление советской власти в Армении и Азербайджане. В Тифлисе почувствовали, что следующая на очереди — «демократическая Грузия». Ее вожди решили упредить приход большевиков и срочно направили в Москву спецпредставителя Г. Уратадзе. Выбор его кандидатуры был далеко не случаен, здесь присутствовал

тонкий расчет. Земляки И. Сталин и С. Орджоникидзе быстро набирали вес в партии большевиков. С одним из них, И. Сталиным, Г. Уратадзе был хорошо знаком еще со времен совместной подпольной борьбы. И чудо произошло! В большевистской России словно забыли про все предыдущие выкрутасы грузинской стороны и подписали договор! Суровая диктатура рабочих и крестьян приняла «нежный цветок грузинской демократии».

Не успели еще высохнуть чернила на договоре, как правительство Грузии указало британцам на дверь. Экспедиционный корпус генерала Форестье-Уоккера отправился восвояси.

И здесь Н. Жордания с Г. Уратадзе совершили роковую ошибку. Они забыли, что на этот раз имели дело не с русским царем, а с пролетарским вождем — грузином И. Сталиным. Спустя восемь месяцев, в начале 1921 года, Россия и Великобритания подписали торговое соглашение. В нем имелся один политический пункт, по которому британцы должны были воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Грузии.

В Москве не замедлили им воспользоваться. 14 февраля 1921 года командование 11-й армии получило телеграмму В. Ленина: «Активно поддержать восстание в Грузии и оккупировать Тифлис, соблюдая при этом международные нормы». Приказ был выполнен в кратчайший срок: 25 февраля части Красной армии, почти не встречая сопротивления, вошли в Тифлис. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Красное знамя реет над Тифлисом!»

Правительство Жордания бежало. В Грузии установилась советская власть.

В тот день история снова сыграла злую шутку с Грузией и ее доброхотами: 25 февраля 1921 года ее независимость признали Великобритания и Франция, но они тут же предпочли забыть об этом. Советская Россия с ее колоссальными сырьевыми ресурсами на весах расчетливых буржуа весила гораздо больше, чем псевдодемократическая Грузия.

Часть третья

Расцветай под солнцем, Грузия моя

После смерти в 1924 году В. Ленина И. Сталин в ожесточенной борьбе с основным соперником Л. Троцким за власть в партии и стране вышел абсолютным победителем. По мере усиления его позиций укреплялось и положение Грузии в «братской семье народов СССР». Одним росчерком пера вождя она приросла землями Абхазии и Южной Осетии. В течение восьми дней, с 18 по 26 февраля 1931 года, на общенациональном сходе народ Абхазии пытался добиться отмены этого решения. Но соратники И. Сталина в Тбилиси и Москве не захотели услышать его голос. Говоря о пролетарском интернационализме, они закрывали глаза на то, что происходило на исконно грузинских и вновь присоединенных к ней территориях.

А там с конца 20-х годов под руководством «верного сталинца» А. Берии, бывшего тогда вторым, а с ноября 1931 года ставшего первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, был запущен так называемый процесс «возрождения грузинской нации». Начался он с того, что из Тбилиси (до 1936 года Тифлис) в Армению депортировали значительную часть армянского населения. В Южную Осетию и Абхазию в массовом порядке началось переселение грузин из Кахетии, Картли и Менгрелии. Этот процесс не приостанавливался даже в самые тяжелые дни войны 1941–1945 годов. «Абхазпереселенстрой» продолжал работать как часы. В самом сердце Абхазии, в исторической области Бзыбской, строились словно грибы после дождя на государственные средства поселки для переселенцев из Грузии. С населением нынешних Галского и Очамчирского районов вовсе не церемонились. В течение нескольких дней оно было записано как грузинское.

Ползучее завоевание земель Абхазии и Южной Осетии шло по всем фронтам. Закрывались абхазские, осетинские, а вместе с ними русские, греческие и армянские школы. На ключевые по-

сты назначались, как правило, этнические грузины. Партийными функционерами активно поощрялись смешанные браки.

Свое право на земли осетин и абхазов руководство Грузии пыталось подкрепить «научными» изысканиями. Стараниями таких деятелей, как литературовед П. Ингороква, историки Г. Жоржوليани, Л. Тоидзе и А. Ментешашвили, абхазский и осетинский народы оказались пришлыми и жили на этих землях по милости грузинских царей. Ингороква и К° предпочли забыть о том, что столица Абхазского царства когда-то находилась на месте сегодняшнего Кутаиси, а легендарных аргонавтов на берегах реки Ингури встретили не «добрые картвелы», а «воинственные абазги», предки нынешних абхазов.

Грузинизация присоединенных к метрополии территорий шла невиданными темпами. Так, в конце XIX века коренное население Абхазии составляло 64 % от общей численности. А согласно данным всесоюзной переписи населения 1989 года, в республике проживало 93,2 тыс. абхазов и 273,6 тыс. грузин, то есть численность абхазов составляла лишь 34 % от численности грузин, живших на территории Абхазии. Абхазы на своей земле оказались в меньшинстве.

В те годы положение абхазского и осетинского народов в Грузии вряд ли привлекало внимание миллионов советских граждан. Все они жили в «братской семье народов», которая семимильными шагами стремилась к созданию единой общности под названием «советский народ».

Сибиряки и уральцы были счастливы уже одним тем, что могли недельку-другую расслабиться под экзотическими пальмами на берегу теплого моря. Они пили лившееся рекой сладкое вино, с детским восторгом обрывали с деревьев мандарины и апельсины, которые усатый хозяин сада великодушно отдавал по копеечной цене. По вечерам в ресторанах и кафе инженеры из столичных «почтовых ящиков» и офицеры из таежных гарнизонов стыдились напоминать величественным, как Будда, барменам и официантам о сдаче и умиленно слушали «Расцветай под солнцем, Грузия моя».

Из отпусков они возвращались с тихой грустью. Перед глазами проплывали покосившиеся деревянные заборы, почерневшие от времени и непогоды избы, разбитые дороги. И здесь у них невольно возникали вопросы. Почему так щедро солнце светит только над Грузией? Почему роскошные особняки можно строить только в Грузии? Почему... Почему...

В Москве тоже испытывали некоторое беспокойство по поводу того, что по числу советских подпольных миллионеров и воров в законе Грузия уверенно занимала первое место в стране. Но заверения ее партийного вождя Э. Шеварднадзе в том, что «солнце для Грузии восходит на севере», снимало все вопросы. Дотации из центра продолжали щедро литься во всесоюзную здравницу и житницу.

Так продолжалось до конца 80-х годов прошлого века. Начавшаяся в стране перестройка открыла шлюзы как свободе, так и пещерному национализму. Грузинская элита задолго до августа 1991 года почувствовала надвигающуюся на СССР катастрофу и, как бывало не раз в прошлом, поспешила первой покинуть борт тонущего корабля. Нет, не республики Балтии, которые, подобно пуговицам на кафтане, пристегивали к себе то Германия, то Россия, а «братская» Грузия первой в 1989 году заявила о своем суверенитете. Следующий шаг ее вождей был вполне предсказуем. Мечом и огнем они принялись устанавливать «демократию» сначала в Южной Осетии, а позже, в 1992 году, в Абхазии, народы которых на референдуме 1991 года высказались за сохранение своих республик в составе СССР.

В те годы Грузия вынуждена была действовать в одиночку. Оголтелый национализм З. Гамсахурдии не позволил грузинской элите найти себе нового хозяина. В Москве, Вашингтоне и Брюсселе предпочитали держаться от него на расстоянии. Так продолжаться долго не могло. В результате военного переворота в феврале 1992 года З. Гамсахурдия был свергнут, бежал в мятежную Чечню, а затем вскоре погиб при загадочных обстоятельствах в родной Менгрелии. В Тбилиси к власти пришел госсвет Грузии во главе с Э. Шеварднадзе и его правой рукой

Д. Иоселиани, неизвестным художником, но зато известным вором в законе.

С первых шагов Э. Шеварднадзе, Белый Лис, прозванный так в Абхазии и Южной Осетии за свое коварство, пытался, как и его предшественники, заручиться поддержкой могучих покровителей. Вашингтон от Тбилиси находился далеко, и там только примерялись к Кавказу. Москва была ближе. Но не эта близость, а ее военная, экономическая поддержка и расчет Э. Шеварднадзе русскими руками вернуть обратно мятежные Абхазию и Южную Осетию вынудили Грузию вступить в организацию стран СНГ.

Клянясь в верности России, Э. Шеварднадзе, выторговывая себе экономические и территориальные преференции, одновременно и шантажировал ее. Панкинское и Ахметское ущелья Грузии превратились в тыловые базы подготовки чеченских и арабских боевиков. Там они зализывали свои раны и готовились к новым вылазкам в Россию. В самом Тбилиси открыто действовали десятки вербовочных и пропагандистских центров незаконных вооруженных формирований. Их главари, не стесняясь, рассказывали с экранов грузинского телевидения о совершенных на российской территории злодеяниях и угрожали новыми акциями.

При этом у Э. Шеварднадзе поворачивался язык говорить, что убийца и террорист Р. Гелаев — «очень интеллигентный человек», и отрицать всякую причастность грузинских спецслужб к подготовке бандформирований. Нечистоплотная возня руководства Грузии с чеченскими, арабскими и прочими боевиками преследовала вполне определенную цель: сорвать планы российского руководства, связанные с транспортировкой каспийских, казахских и туркменских углеводородов по северному маршруту и обеспечить себе особое положение в энергетических планах Вашингтона.

Москва была возмущена подобным лицемерием. Б. Ельцин требовал от бывшего приятеля по Политбюро ЦК КПСС Э. Шеварднадзе принятия решительных мер в отношении

боевиков и иностранных наемников. В ответ следовали шумные пропагандистские кампании, на которые так горазды грузинские политические режиссеры, а на деле ничего не менялось. Видимо, Э. Шеварднадзе (а скорее — окружавшая его правящая элита) посчитал, что пришел час бросить раздираемую противоречиями, погрязшую в чеченской войне Россию и искать нового хозяина. А новый хозяин — тут как тут, на пороге.

Огромные запасы каспийской и среднеазиатской нефти требовались растущей американской экономике как воздух. Она все более зависела от недружественных режимов в Иране и Ираке. И здесь снова сработала формула Троцкого: «Путь в Баку ведет через Батум — Тифлис». Грузии предстояло стать трамплином, по образному выражению британского геополитика Х. Макиндера, к сердцевине мира — региону Кавказа и Центральной Азии. Помимо овладения богатейшими энергоресурсами Каспия и транспортными коридорами углеводородов в Вашингтоне преследовали и другие цели: вывести страны этого региона из-под влияния России, изолировать Иран и подготовиться к будущему противостоянию с Китаем.

Нахождение у власти в Тбилиси Э. Шеварднадзе, с которым у президента США Буша-старшего и госсекретаря Бейкера сложились особые отношения в бытность того министром иностранных дел СССР, облегчало реализацию этих замыслов. Достаточно было одного намека, и он бросился в объятия американцев. Сотни миллионов долларов беспроцентного займа пришли в нищую, разоренную войнами Грузию. Но они не дошли до влачащего жалкое существование народа. С их помощью в антирусском духе осуществлялась промывка мозгов молодежи, интеллигенции и готовилась проамериканская правящая элита.

Вслед за деньгами в Грузию потянулись не только «дикие гуси» — наемники всех мастей, но и американские, турецкие и британские военные специалисты. На бывших советских базах из полубандитского сброда «Мхедриони» («Всадники»), залитшего кровью Южную Осетию и Абхазию, они принялись

готовить будущую охрану «большой трубы». Их бывшего командующего, вора в законе Д. Иоселиани, которому в свое время не гнушался пожимать руку Бейкер, за ненадобностью отправили в более привычное, чем правительство, место — на нары в тюрьму.

Пользуясь слабостью России, американцы стремительно заполняли возникший на Южном Кавказе вакуум. Проект «большой трубы» — нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан к 1994 году приобрел зримые очертания. Последующее подписание договора о его строительстве фактически закрепило положение США как ведущего игрока на Кавказе и подняло роль Грузии как ключевого транзитера.

Э. Шеварднадзе, видимо, уже посчитал, что поймал самого Господа за бороду, и позволил себе расслабиться. А новый хозяин ожидал от него большего — активных действий по расчистке «строительной площадки» вокруг «трубы». Но пока на выходе из нее сидел аджарский «лев» А. Абашидзе, поглядывавший в сторону Москвы, а с севера нависали сепаратистские режимы Абхазии и Южной Осетии, угроза срыва американского проекта транспортировки углеводородов была весьма высока.

Октябрьский 2001 года бросок банд так милого сердцу Шеварднадзе «интеллигента» Р. Гелаева из грузинской Сванетии на Абхазию закончился провалом и наглядно показал Вашингтону, что Белый Лис уже не тот. Ему срочно принялись искать замену. Ускорило этот процесс и другое немаловажное обстоятельство. Летом 2003 года в результате хитроумной сделки Российское акционерное общество энергетики и электрификации «Единая энергетическая система России» (РАО ЕЭС России) стало монополистом электрораспределительных сетей Грузии. Россия возвращалась! В Вашингтоне занервничали и не стали медлить.

В 2003 году неверные ученики М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания, возвращенные «садовниками» из ЦРУ и госдепа США, устроили учителю, Шеварднадзе, «революцию

роз». Сразу после нее эта далеко не святая троица засучив рукава принялась отрабатывать выданный ей грант. Спустя несколько месяцев, в 2004 году, под каток военно-политического бульдозера Саакашвили угодил «аджарский лев» А. Абашидзе. В последний момент бывший министр иностранных дел России И. Иванов успел вывезти его из Батума.

Саакашвили, сияя белозубой улыбкой, на американском бульдозере въехал в Аджарию триумфатором. Столь легкая победа вскружила ему голову. Охваченный эйфорией «собиратель земель грузинских» поклялся водрузить победный флаг над Сухумом и Цхинвалом. В Тбилиси и Вашингтоне, вероятно, посчитали, что успех в Аджарии деморализовал руководство и народ Абхазии и Южной Осетии, а Россию вынудил стерпеть пощечину, и рьяно взялись за осуществление второй части плана — подготовку к ликвидации «сепаратистских» режимов.

Саакашвили и другой «ястреб», министр обороны И. Окруашвили, уже не стеснялись угроз в адрес России. А чего было стесняться? Для них солнце теперь восходило на западе. В припадке преданности новому хозяину в Тбилиси с каким-то нечеловеческим остервенением принялись уничтожать все русское. Даже великому Пушкину, воспевшему в стихах страну Шота Руставели, не нашлось места не только в Пантеоне славы, но и в литературе.

Народу упорно навязывались новые идолы и символы. Музей «советской оккупации» должен был напоминать о том, как «изнывала» Грузия под игом грузина И. Сталина, а обновленный проспект имени Д. Буша не оставлял сомнений в том, что все дороги из Грузии ведут не в храм, а в Вашингтон.

Часть четвертая

«На холмах Грузии лежит ночная мгла»

Гениальный Пушкин, побывавший в Грузии в 1829 году, не остался равнодушен к красотам ее природы. Там родились широко известные его строки: «На холмах Грузии лежит

ночная мгла». Когда Александр Сергеевич их писал, то вряд ли предполагал, что спустя полтора столетия на эти холмы, а точнее, на саму Грузию опустится мгла мракобесия и пещерного национализма. Она оказалась губительной не только для самого грузинского, но и для соседних с ним народов.

В первый год своего правления Саакашвили, объявив самого себя в «законе», зачистил Грузию не только от воров в законе и взяточников из автодорожной инспекции, но и все информационное поле от критики. Жалкие потуги разношерстной оппозиции, обвинявшей его в узурпаторстве, потонули в громогласной антироссийской риторике грузинской власти и треске полицейских дубинок, пересчитывающих ребра несогласных.

Уверенный английский язык Саакашвили и его министров, до недавнего времени получавших зарплату из кармана западного «спонсора», и бодрые заявления встретить очередной Новый год в Сухуме или Цхинвале, вскоре надоели заокеанскому хозяину. Он явно рассчитывал на большее, и потому за грузинскую армию взялись как следует военные советники и инструкторы из стран НАТО.

Накануне первой агрессии против Южной Осетии в 2006 году только одна открытая часть бюджета Министерства обороны Грузии возросла в три раза и достигла 220 млн долларов (в 2005-м — 77,6 млн), а другого силового ведомства, МВД, — почти в полтора раза и составила 110 млн (в 2005-м — 85 млн). Кроме того, в рамках программ «переподготовки и обучения кадров», «обучи и оснасти» и модернизации силовых структур поступило еще около 18 млн долларов из США, Великобритании, Турции, Греции и других стран.

Столь своеобразное укрепление «демократии» в Грузии было связано, видимо, с растущей политической, экономической и военной мощью России. Она все увереннее заявляла о своих национальных интересах на Южном Кавказе. В Вашингтоне и Тбилиси всячески старались не допустить этого. Военная мускулатура грузинской армии росла не по дням, а по часам.

«Накачивали» ее, как говорится, всем «демократическим» миром. В дополнение к 10 вертолетам «Ирокез», безвозмездно переданных американцами, ее военный арсенал пополнился 13 вертолетами Ми-8, 7 штурмовиками Су-25, 4 истребителями МиГ-23 и 6 легкими реактивными самолетами А-159, предоставленных Чехией, Украиной и Болгарией.

Существенно возросла и боевая мощь бронетанковых войск за счет поставок чешской стороной нескольких десятков танков, а украинской — 40 БМП-2. Специалисты из НАТО оснастили их современными системами управления огнем и навигации. Офицеры 76-й воздушно-десантной дивизии и 58-й армии Северо-Кавказского военного округа, участвовавшие в освобождении Цхинвала и изгнании с территории республики агрессора, отмечали: «На брошенной бежавшими в панике грузинскими вояками базе в Гори мы увидели наши танки и бэтээры, оснащенные такими системами, о которых только приходится мечтать».

Видимо, эта «куча современного железа» и демонстрируемые на парадах грузинскими командос каменные физиономии породили у Саакашвили и его покровителей уверенность в том, что теперь можно смело расчищать строительную площадку под «трубу».

Очередным горячим летом 2006 года они кавалерийским наскоком попытались овладеть Южной Осетией. Но, получив решительный и жесткий отпор со стороны военных формирований республики и миротворческих сил России, агрессор отполз на базы в Сенаки и Гори зализывать полученные раны.

После провала этой авантюры спецы из Пентагона, ряда стран НАТО и примкнувшие к ним националистические силы из Украины, которым не важно где, лишь бы насолить России, сделали для себя выводы. К очередной агрессии они принялись готовиться основательно.

За несколько месяцев до ее начала Тбилиси, Вашингтоном и Берлином был предпринят ряд дипломатических и пропагандистских шагов. Эти шаги, по замыслу разработчиков плана

блицкрига под названием «Чистое поле», преследовали вполне определенные цели. Одна из них состояла в том, чтобы сформировать в международном, и в первую очередь в западном, общественном мнении представление о том, что руководство Грузии и так называемые друзья Грузии сделали все возможное, чтобы восстановить мир в этом регионе.

В мае — июле 2008 года председатели различных комиссий Европейского сообщества (ЕС) и министр иностранных дел Германии сновали челноками между Москвой, Тбилиси и Сухумом. В итоге на свет появился так называемый план Штайнмайера, который с оговорками приняли к рассмотрению абхазская и российская стороны. Переговорный процесс, а по существу отвлекающий маневр, был запущен. На этот раз помощник госсекретаря США М. Брайза и другие должностные лица госдепа, которые вызывали острое раздражение как в Москве, так и в Сухуме, предпочли действовать руками европейцев.

До начала грузинской агрессии оставалось 52 дня.

Дипломатическая возня нарастала. В ходе нее решалась и другая задача — дезинформационная. Те, кто уже посчитал себя будущими победителями в «Чистом поле» подобными маневрами, рассчитывали, вероятно, отвлечь внимание руководителей России, Абхазии и Южной Осетии от военных приготовлений грузинской стороны и усыпить их бдительность. В этих целях Тбилиси предложил Сухуму провести консультации по нормализации отношений между двумя республиками, обострившимися до крайности после ввода в 2006 году грузинских войск в верхнюю часть Кодорского ущелья, находящегося на территории Абхазии. Встреча состоялась в Стокгольме 14–17 июня 2008 года.

С абхазской стороны в ней участвовали: министр иностранных дел С. Шамба, вице-премьер Б. Кубрава и министр по налогам и сборам В. Пипия. В состав грузинской делегации входили: секретарь Совета безопасности А. Ломая, постпред Грузии в ООН И. Аласания, заместитель председателя коми-

тета по обороне и безопасности парламента Грузии Н. Руруа, госминистр по вопросам реинтеграции Т. Якобашвилиа. На встрече грузинской стороной был представлен некий новый поэтапный подход к урегулированию конфликта. Случайно или нет, но ряд его пунктов совпал с «планом Штайнайера». В частных беседах И. Аласания намекал абхазским собеседникам на то, что в случае несговорчивости с Абхазией будут разговаривать по-другому. Каким образом, догадаться было не сложно. «Голубь» с повадками стервятника И. Аласания был более чем уверен, что в случае возникновения «спонтанного» военного конфликта российское руководство дальше политических и экономических демаршей не пойдет.

За несколько часов до того, как артиллерийский шквал обрушился на спящий Цхинвал, уже сам М. Саакашвили поставил «дымовую завесу» из наглой и омерзительной лжи. Он обратился к руководителям Южной Осетии с предложением сесть за стол переговоров без всяких предварительных условий. Они, наивные, поверили, что накануне Олимпиады в нем проснулись человеческие чувства. Ее великие идеалы, которые в седой древности свято соблюдали даже самые свирепые тираны, оказались пустым звуком для М. Саакашвили и тех кукловодов, что стояли и поныне стоят за его спиной.

8 августа 2008 года жителей Южной Осетии разбудил грохот грузинской артиллерии, а не олимпийских фанфар. Цхинвал пылал в огне. Под развалинами домов гибли женщины, дети и старики. Тысячи беженцев устремились к границе России. А Запад хранил гробовое молчание. Для тех, кто устроил эту кровавую бойню, жизни сотен осетин и нескольких десятков российских миротворцев, находящихся там по мандату ООН, ничего не стоили, когда на кон циничной игры были поставлены миллионы баррелей нефти. Но едва только нога солдата 58-й армии Северо-Кавказского военного округа ступила на истерзанную и опаленную огнем вероломной войны землю Южной Осетии, западные СМИ как по команде зашлись в истерику: Россия — агрессор!

На пятый день война закончилась. Хваленая грузинская армия исчезла, будто чудовищно зловещий, сюрреалистический мираж. На поле боя остались горы навороченной натовской и украинской боевой техники, груды технической и штабной документации, в том числе и на английском языке. Военная машина Грузии, вскормленная своим хозяином, разбилась вдребезги о политическую волю руководителей России, мужество русских воинов и осетинских ополченцев.

Урок тбилиским «ястребам» был дан основательный. И вряд ли в ближайшее время они отважатся на новую агрессию против своих соседей: независимых Абхазии и Южной Осетии. Грузинской армии понадобится еще не один год, чтобы прийти в себя.

Другое дело — спецслужбы Грузии. Они сыграли далеко не последнюю роль в подготовке и осуществлении агрессии. Их руководители своей «липовой» информацией подогревали агрессивные устремления М. Саакашвили и самого большого «хозяина». Представляя наверх оптимистичные разведдоклады, они, видимо, полагали, что русские не посмеют сунуться, а если что — «Запад нам поможет».

Часть пятая

Без совести и чести

К 2008 году спецслужбы Грузии представляли собой уже далеко не то потешное тайное воинство, уши которого торчали в начале 90-х при каждой провокации в Абхазии и Южной Осетии. За пятнадцать с лишним лет многочисленные советники из ЦРУ и РУМО, МИТ (спецслужба Турции), британской контрразведки и разведки МИ5 и МИ6 создали целостную и жестко организованную систему национальных контрразведывательных и разведывательных органов. В ее состав входят: Специальная служба внешней разведки (ССВР), Департамент военной разведки Минобороны, Департамент контрразведки (ДКР) МВД, департаменты военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД.

Все они оснащены самыми современными техническими средствами ведения подрывной деятельности. Но основной разведывательный и контрразведывательный потенциал грузинских спецслужб определяют не нано-технологии, а морально-политическое состояние кадрового состава. К настоящему времени среди сотрудников не осталось тех, кто хоть как-то был связан с советской разведкой и контрразведкой. Их вымели антироссийской «метлой» еще при правлении Э. Шеварднадзе. Теперь при зачислении на службу основными критериями в оценке кадров являются их прозападный настрой и подготовка на курсах в спецслужбах НАТО.

Так, ССВР возглавляет Г. Джапаридзе. Первым его заместителем является К. Чиковани. Оба прошли интенсивный курс обучения в ЦРУ и РУМО. При ССВР действует многочисленный штат советников — сотрудников американских и британских спецслужб. Наиболее важные разведывательные операции разрабатываются и проводятся под их непосредственным контролем. Работу с ценными агентами, добывающими информацию по актуальной проблематике, и в первую очередь по России, они переключают на себя. Ее сбор осуществляют как с легальных, так и с нелегальных позиций. В этих целях используются родственные, деловые и иные связи граждан Грузии с диаспорами в России, Абхазии и Южной Осетии. На пограничных пунктах действует отлаженная система тотального опроса, который больше напоминает допрос. Значительный объем разведывательных данных к грузинским спецслужбам поступает по так называемым партнерским каналам из ЦРУ, РУМО и МИ6.

Информация по закрытой, и в первую очередь политической и военной, тематике ССВР добывается в основном агентурным путем. В этих целях с 2005 года начато развертывание нелегальных резидентур на территории республик Южной Осетии и Абхазии, в Краснодарском и Ставропольском краях. Возглавляют их, как правило, кадровые сотрудники ССВР. Основными объектами их разведывательных устремлений яв-

ляются воинские части Северо-Кавказского военного округа, органы ФСБ и МВД.

В последние годы усилена вербовочная и разведывательная работа не только в прилегающих к Грузии регионах, но и в глубине России. Органами ФСБ, в частности военной контрразведки, выявлена агентура грузинских спецслужб за тысячи километров от Тбилиси: на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в окружении военно-морских баз и полигонов. Она добывала секреты явно не для ССВР, а, более вероятно, для американской и британской разведок.

Важную роль в организации подрывной деятельности против России, Абхазии и Южной Осетии играло и продолжает играть ДКР. Его возглавляет Ш. Жгенти. Ранее он проходил службу в информационно-аналитическом отделе Специальной службы внешней разведки под началом М. Бердзенешвили и особыми способностями на этом поприще не блистал. Но не это стало главным для шефа МВД В. Мерабишвили, весьма близкого к М. Саакашвили, при назначении его на столь высокую должность. Выбор предопределила личная преданность, то, что сейчас больше всего ценится в нынешней грузинской власти. Перескочив несколько ступеней служебной лестницы, Ш. Жгенти занял кресло руководителя ДКР. Теперь уже его бывший начальник М. Бердзенешвили, возглавляющий Управление внешнего наблюдения, оказался в подчинении. Но, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

Основную контрразведывательную работу в ДКР МВД ведет Главное управление контрразведки. Руководит им Л. Табидзе. Его заместителями являются Г. Лордкипанидзе и Г. Джапаридзе. Подчиненными Л. Табидзе осуществляется оперативная разработка нелояльных нынешнему режиму лиц, в том числе и деятелей оппозиции. Под особым прицелом находятся те граждане, кто имеет связи в России, Абхазии и Южной Осетии. Против них применяются все средства, которые имеются в арсенале современных спецслужб: агентура, наружное наблюдение, психотропные средства и т. п. В их ис-

пользовании грузинские спецслужбы не брезгуют ничем. Для достижения цели в ход идут провокации и шантаж.

В этом отношении весьма показательна судьба бывшего ближайшего соратника Саакашвили и министра обороны Грузии И. Окруашвили. Позволив себе критику шефа, он тут же оказался в числе «врагов». Не прошло и трех суток со дня ареста, как «железный Иракий» покрылся «ржавчиной». Перед телезрителями на экранах предстала его бледная тень. Мятый спортивный костюм, заторможенная речь и вымученные извинения перед М. Саакашвили — красноречивое свидетельство того, что в грузинских спецслужбах нашлись достойные преемники зловеще знаменитого наркома НКВД Л. Бери.

И. Окруашвили, человек действительно не робкого десятка, видимо, оказавшись перед угрозой расправы над семьей, в частности над малолетней дочерью, поневоле принял правила игры, навязанные главным «режиссером». Потом, на свободе в далекой Франции, он пытался разоблачить М. Саакашвили. Но кто поверит тому, кто однажды уже солгал?

И если сломали его, имевшего могущественных покровителей и далеко не пустой кошелек, то что же тогда говорить о простых смертных?

С сержантом-контрактником российской армии Георгием Мукутадзе грузинские спецслужбы не стали церемониться. Не успел он снять чемоданы с ленты транспортера в аэропорту, как они тут же взяли его в оборот. Сначала давили на патриотизм, а потом, припугнув проблемами у родственников, пытались получить от него информацию о части, где он проходил службу. На этом злоключения Георгия на исторической родине не закончился.

На дворе был апрель 2008 года. До начала агрессии оставалось чуть больше трех месяцев, и грузинские спецслужбы в спешном порядке пытались создать тотальную шпионскую сеть как в районе дислокации войск Северо-Кавказского военного округа, так и непосредственно в частях. Вербовочный процесс, можно сказать, приобрел «залповый характер». Вербовали в аэропортах, на вокзалах, в автомашинах. Грядущая война под-

гоняла сотрудников грузинских спецслужб. По данным российской контрразведки, за короткий период, чуть больше года, подобное сотрудничество навязывалось нескольким десяткам выходцев из Грузии, в том числе и военнослужащим.

Георгий оказался в их числе. Сообщив общие сведения о своей службе и части, он думал, что легко отделался, но ошибся. Прошло несколько дней и его вызвали по сотовому телефону, а затем назначили встречу в машине. Сотрудники спецслужбы сразу же взяли в жесткий оборот кандидата в агенты. Посыпав на Георгия именами, фамилиями и званиями его командиров, они затем потребовали дополнительные данные на командиров и других сослуживцев. Особый интерес проявляли к военнослужащим выведенной из Батума 12-й военной базы российской армии. В заключение разговора сотрудники спецслужбы в качестве испытательного теста задали Георгию вопрос: «Если война с Россией, за кого воевать будешь?»

После такого отпуска на родине к новому месту службы в Северо-Кавказском военном округе Георгий возвратился, как говорится, «с камнем на сердце» — заданием сообщать о движении российских войск в случае войны. Но его докладов в грузинской спецслужбе так и не дождалось. Он обратился к российским контрразведчикам и рассказал о том приеме, который ему организовали земляки на родине.

Подобным образом вербовали старшего прапорщика Малхаза Шарамидзе, проходившего службу в той же 12-й базе российских войск в Батуме. 14 ноября 2007 года, накануне ее вывода в Россию, у Малхаза был день рождения. Грузинская спецслужба по-своему решила поздравить его. Некий Георгий позвонил ему и, представившись сотрудником разведки, назначил встречу. На нее Георгий приехал не один, а с напарником. Вдвоем они принялись обрабатывать Малхаза и, когда обращения к его земляческим чувствам не прошли, принялись шантажировать и запугивать проблемами у родственников.

Другим землякам Малхаза «режиссеры» операции «Чистое поле» отводили еще более неблагоприятную роль. В отношении их

грузинские спецслужбы поступали самым подлым образом. Они прибегали к приему, который в свое время использовали подручные Гимmlера, а его результатами пользовалась фашистская верхушка, чтобы оправдать свои преступные действия.

Офицер российской армии «Д», грузин по национальности, приехал на родину навестить родителей. Но радость встречи была недолгой. В тот же вечер на квартире появились сотрудники грузинской спецслужбы и в грубой форме потребовали проехать с ними. Он, чтобы не подвергать близких опасности, вынужден был подчиниться. Доставили его в местное отделение Департамента контрразведки и там принялись бесцеремонно расспрашивать: о характере службы, задачах, решаемых частью, и тактико-технических характеристиках боевой техники. Не получив ответов на свои вопросы, они прибегли к уже отработанным методам давления — шантажу и угрозам.

Но даже не это ужаснуло «Д». Угрожая расправой над родителями, а ему арестом за «незаконное хранение оружия», его вынудили заучить наизусть «роль», а потом озвучить ее на видеокамеру. Он «признавался» в том, что: *«По заданию российских спецслужб занимался вербовкой противников нынешней власти, оборудовал схроны с оружием и взрывчаткой с целью убийства президента Грузии М. Саакашвили и организации антиправительственных выступлений».*

А чтобы эта омерзительная лож выглядела более убедительной, грузинскими спецслужбами было подготовлено еще несколько дублеров на роль ниспровергателей существующей в Грузии власти, оборудовавших схроны с оружием и готовивших покушение на М. Саакашвили. Использовать «диверсантов» сценаристы драмы под название «Восстановление конституционного порядка в Южной Осетии и Абхазии» собирались, видимо, в ее финале. Эти фальшивки должны были убедить последних скептиков на Западе, что «маленькая, но гордая Грузия» 8 августа 2008 года вынуждена была защищать себя и своего «неустранимого» президента от «свирепного русского медведя».

И таких, как Шарамидзе, Мукутадзе и «Д», прошедших через конвейер грузинских спецслужб, было немало. Они, ставшие агентами поневоле, вынуждены были пойти на сотрудничество не из патриотических побуждений, на которые каждый раз напирала вербовщики из ССВР и ДКР, а из-за опасения подвергнуть своих родных преследованиям.

В последующем подавляющее большинство из них ничего не сделало для выполнения заданий. Более того, возвратившись в часть, многие тут же обращались в органы безопасности и обо всем честно рассказали. Те же, кто посчитал, что все произошедшее с ними на родине, — дурной сон, в день агрессии не стали обрывать докладами телефоны вербовщиков из грузинских спецслужб. Своими глазами они смогли убедиться, какого рода демократию несли нынешние руководители Грузии народам Южной Осетии и Абхазии, и потому вместе с сослуживцами выступили на их защиту.

Та минутная и вынужденная слабость, когда они под давление грузинских спецслужб дали подписку о сотрудничестве, долго еще будет беречь им души. Но их совесть чиста, так как на руках нет крови безвинных жертв осетинского народа. Перед законом они тоже остались чисты. Государственная измена, к чему их подталкивали вербовщики, — тяжкое преступление, но в органах безопасности России скрупулезно, не поднимая шума и не бросая на них тень предательства в глазах сослуживцев, в рамках закона разобрались с каждым конкретным случаем. В отношении девяти человек, об аресте которых 11 августа 2008 года директор ФСБ России А. Бортников доложил президенту Д. Медведеву, было начато уголовное преследование.

Всего девять! Счет явно не в пользу спецслужб М. Саакашвили! Сотни грузин-военнослужащих своими мужественными поступками показали, что есть и другая Грузия. И это не Грузия М. Саакашвили. Шпионская сеть грузинских спецслужб оказалась насквозь дырявой. Возвращенные в натовских разведпитомниках ее сотрудники, меряющие любовь к родине цифрой банковского счета и халуйской преданностью к калифам на

час, живут в другом мире и на другой земле. Представления о ней честных людей — Шарамидзе, Мукатадзе и других грузин разительно отличались и будут отличаться от представлений господ Саакашвили, Мерабишвили, Табидзе, Лордкипанидзе, Джапаридзе. Для этих «розовых» господ с этикеткой «Made in USA», видимо, американский штат Джорджия оказался ближе, чем земля предков.

Об этом раздвоении Грузии и земляков с горечью писал в своем заявлении военным контрразведчикам гражданин России старший прапорщик М. Шарамидзе:

«Саакашвили под дудочку америкосов пляшет. Но где америкосы и где Грузия? Народу что надо — снял урожай мандаринов, продал в Россию и, считай, уже перезимовал. Виноград то же самое — вино сделал, привез в Россию, продал. А сейчас куда везти? Гниют мандарины, под деревьями валяются. А на рынках России — марокканские. Цвет есть, а вкуса нет. И что мне сейчас делать? У жены гражданства нет российского, загранпаспорт ей не дают — в Россию ее не вывезти. Одна надежда на то, что власть в Тбилиси поменяется, а нас перестанут считать изменниками родины».

М. Шарамидзе не был одинок в своих выводах и оценках. Большая группа военнослужащих-грузин, проходящих службу в 42-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, не побоявшись неизбежных преследований со стороны спецслужб М. Саакашвили по отношению к родным и близким, проживающим на родине, выступили с коллективным обращением к соотечественникам. В нем они призывали:

«Мы, нижеподписавшиеся, грузинская диаспора военнослужащих 42-й СМД, крайне недовольны нынешней властью и проводимой политикой в Грузии в лице ее президента Саакашвили М. Н., поскольку последние события в Южной Осетии показали, что президент Грузии — не самостоятельное лицо, а лишь марионетка в руках руководства США.

Грузинская нация на грани полного морального и духовного разложения. Таковую же участь Саакашвили хотел навязать и другим коренным нациям и народностям Кавказа, а именно гражданам Абхазии и Южной Осетии...

Это делается не случайно и не по глупости правителей, а осмысленно и точно. Все исполняется по задуманному плану руководства США и блока НАТО. Каждый удар чужими руками по России нацелен без промаха.

Проводимая на данный момент в Грузии политика — это хорошо продуманная их покровителями, четко спланированная и жестко исполняемая программа уничтожения и истребления народов Абхазии и Южной Осетии, попытка втягивания России в конфликт и дестабилизации обстановки на Северном Кавказе, чтобы очернить ее в глазах мирового сообщества.

Обращаемся ко всем вам, нашим соотечественникам, и призываем вас не оставаться равнодушными и безучастными к происходящему в Грузии. Остановите Саакашвили! Не дайте ему осрамить и опозорить нашу нацию».

Под этим обращением стоят подписи тридцати грузин-военнослужащих. Они истинные сыны своего народа. Их руки истосковались по виноградной лозе, а душа изболелась по задушевной беседе за бокалом доброго вина, когда не надо оглядываться по сторонам и опасаться, что любое неосторожно оброненное слово в адрес нынешней власти в Грузии может принести в семью горе, нисколько не ошибались в оценках нынешних «отмороженных временщиков от власти». Власти, для которой собственный народ всего лишь пыль под ногами.

Лишним подтверждением тому явилось то, что в день начала агрессии против Южной Осетии Специальная служба внешней разведки и Департамент военной разведки Минобороны позволили себе то, чего до этого не делала ни одна спецслужба. Они безжалостно «палили» своих агентов. На них, «шот», «ках» «гоч», обрушился шквал телефонных звонков. Господам из грузинской разведки было наплевать на то, что эфир находился под электронным «колпаком» и через час-другой

содержание переговоров становилось достоянием российской контрразведки. Они настаивали, угрожали и требовали информацию о направлениях движения частей Северо-Кавказского военного округа, их боевом составе и состоянии техники. В ответ под разрывы артиллерийских снарядов и ликующие вопли грузинских командос, поливавших свинцом Цхинвал, в их адрес неслись проклятия.

Но были и другие грузины, к счастью, их оказалось меньшинство, которые множили число жертв. Они, движимые ненавистью и алчностью, шпионили, вербовали агентов и подыскивали тех, кто готов был взрывать и стрелять из-за угла. И не важно где, в Чечне, Ингушетии или Осетии, лишь бы навредить России.

В январе 2008 года офицер А. Имерлишвили, проходивший службу в частях Северо-Кавказского военного округа, выехал в очередной отпуск в Грузию. Там его ждали не только родственники, но и сотрудники спецслужбы. Судя по всему, они получили на Имерлишвили оперативную наводку и знали о нем почти все. Дальше, как и в случаях с М. Шарамидзе и Г. Мукутадзе, ими был пущен в ход весь арсенал средств. А. Имерлишвили пошел на сотрудничество и по возвращении в часть приступил к выполнению задания. Используя служебное положение, а также под различными предлогами он принялся собирать информацию и подыскивать новых кандидатов в агенты. Эта его активность не осталась без внимания контрразведчиков. На очередном подходе к секретам он «засветился».

Другой грузинский агент В. Алханашвили попался на сборе материалов о своих земляках, проживавших на территории Чечни и Ингушетии. В последующем спецслужбы Грузии намеревались привлечь их к сотрудничеству и использовать в проведении подрывной деятельности на территории этих и соседних северокавказских республик.

На агента Р. Туркошвили возлагались задачи по поддержанию контактов между грузинскими спецслужбами и бандподпольем в Чечне и Ингушетии, а также по поиску экстремистки на-

строенных лиц и формированию из их числа «пятой колонны». Теперь, после суда, ему предстоит формировать рабочую команду из земляков-шпионов на дальнем сибирском лесоповале.

В июне 2008 года с поличным был задержан подполковник М. Хачидзе, офицер штаба 58-й армии. В течение двух лет он за денежное вознаграждение передал представителям грузинских спецслужб сведения о боеспособности ряда частей Северо-Кавказского военного округа, установочные и характеризующие данные на должностных лиц штаба, а также сотрудников военной контрразведки и Пограничной службы ФСБ России.

Жертвой его наводки стал другой старший офицер-грузин «Г», слушатель военной академии. Во время выезда в Грузию в 2007 году он также был завербован. Но если бы ему была известна цена его души на «шпионских весах», то, возможно, все пошло бы по-другому. М. Хачидзе продал ее грузинской спецслужбе всего за... 300 долларов!

Теперь некоторые из них раскаиваются в содеянном. Но тогда, в те кровавые августовские дни 2008 года, их доклады только множили жертвы.

Сегодня многое из того тайного становится явным. Организаторы авантюры предпочитают закрывать глаза на то, что происходило тогда и происходит сейчас в Грузии. Но делать это становится все труднее. На этот раз их открыла председатель комиссии ЕС Хайди Тальявини, созданной для расследования событий августа 2008 года в Южной Осетии.

По завершении работы в июне 2009 года комиссия подготовила для рассмотрения в Совете министров ЕС доклад по результатам проведенного расследования. И здесь, видимо, вмешались очень влиятельные силы, заинтересованные в том, чтобы спустить слушания на тормозах. «Мадам кураж», так окрестили Х. Тальявини в швейцарской газете «Нойе цюрихер цайтунг», не стала молчать и решила пробить стену постыдного замалчивания преступлений, совершенных режимом М. Саакашвили. Эта хрупкая, с тихим голосом женщина

в интервью одному из самых авторитетных европейских еженедельников «Шпигель» сказала то, что так хотели скрыть организаторы августовской авантюры в Южной Осетии. В частности, Х. Тальявини заявила:

«Собранные комиссией факты опровергают утверждения Саакашвили о том, что его страна 8 августа стала жертвой российской агрессии».

Все оказалось с точностью наоборот.

В распоряжении комиссии появились материалы, изобличающие руководство Грузии и его высоких покровителей в заранее спланированном нападении на Южную Осетию. Так, комиссия установила, что еще накануне, «...утром 7 августа, у границ республики было сосредоточено 12 тысяч военнослужащих грузинской армии и 75 танков».

Она же поймала за руку и одного из кукловодов М. Саакашвили. Ей стало известно, что посол США в Тбилиси Джон Тэффт был заблаговременно осведомлен «...о приказе господина Саакашвили на совершение марша на Цхинвал». Зная взрывной характер своего «любимца», в свое время Д. Тэффт немало сделал для его прихода к власти, он, видимо, так «испугался», что даже не спросил о цели «марша». Этот «испуг» не прошел до сих пор. Несмотря на все попытки Х. Тальявини и других членов комиссии, за все время расследования им так и не удалось добиться от него хоть одного слова.

Такое же стойкое молчание хранили представители госдепа США 8 августа 2008 года, когда заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин обрывал телефоны, чтобы остановить массовое убийство мирных граждан в Южной Осетии. Ему по странному стечению обстоятельств никто не ответил.

«Путь в Баку ведет через Батум — Тифлис», — спустя сто лет формула Л. Троцкого продолжает действовать. Тбилиси был и остается стратегическим фокусом Закавказья.

Об авторе

Лузан Николай Николаевич (литературный псевдоним — Абин). Полковник запаса ФСБ России. Лауреат литературной премии им. А. Грибоедова (2008 г.). Лауреат премии ФСБ России в области литературы и искусства (2006 г.). Лауреат Всероссийского конкурса журналистских и писательских произведений «Мы горды Отечеством своим» (2004 г.).

Автор политических детективов: «Титан в плену багровых карликов», «Несостоявшаяся командировка», «Операция «Восточный ветер», «Загадка для Гимлера», «Прыжок самурая», «Махаджиры, возвращение домой», «Диверсанты».

Член авторского коллектива историко-документальных сборников: «Смерш», «Лубянка», «Огненная дуга», «Мое сердце в горах», «Храм души», «Военная контрразведка. История, события, люди».

Содержание

Военная контрразведка. Вчера и сегодня	5
Особый отдел начинает и выигрывает.....	13
Прыжок самурая	32
О нем доложили Сталину	47
Несостоявшееся «сватовство» обер-лейтенанта Биттига	84
Две истории дневника полковника Бойе	95
Капкан для «арийцев»	110
«Загадка» Смерша	127
По следу оборотня.....	173
«Весна» на нашей улице.....	185
Некто Иванов	215
«Семейный подряд»	232
«Камбала»	250
«Шведский узел»	263
«Клон»	276
Прерванная гастроль.....	288
Пан или пропал.....	300
8.08.2008 — совсем не Олимпийские игры.....	314

Лузан Николай Николаевич (Абин Н.) ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА: ТАЙНАЯ ВОЙНА

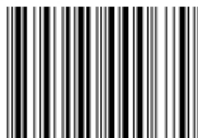
Редактор *А. П. Аристов*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белоусенко*
Корректор *О. Н. Егоренкова*

Издательство «Кучково поле»
123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22. E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 30.03.10. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 21. Печать офсетная. Тираж 1600 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Вятка, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-9950-0067-9

9 785995 000679 >